

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научный журнал
Издается с октября 2006 г.
Выходит четыре раза в год

E-mail: editor62@yandex.ru
<https://pl.editorum.ru/>

ISSN 2072-2427
e-ISSN 2687-122X
2025
Т. 20(1–4)
№ 4

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

2025. Т. 20(1–4), № 4

ISSN 2072-2427
E-ISSN 2687-122X

Научный журнал.

Издается с октября 2006 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74887 от 21.01.2019](#).

Главный редактор – [А. П. Скиба](#).

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.
<https://pl.editorum.ru/>

Дата выхода в свет 22.12.2025. Цена свободная.
Тираж 1500 (1-й завод – 32) экз.
Заказ № 473.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[КиберЛенинка;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий.](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.](#)

© Академия ФСИН России, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Скиба Андрей Петрович, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, apskiba@mail.ru.

Родионов Алексей Владимирович, заместитель главного редактора, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, менеджмента, организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, avrpost@bk.ru.

Бутенко Татьяна Павловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия, butanya1979@yandex.ru.

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, gromov_vg@mail.ru.

Детков Алексей Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия, kafupik@law.asu.ru.

Ермасов Евгений Викторович, кандидат исторических наук, заместитель директора Департамента государственной политики в сфере уголовно-исполнительной системы, Минюст России; доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, МГЮА; ведущий научный сотрудник, НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, vyk6974@yandex.ru.

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия, isv1970@mail.ru.

Кашуба Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, koshianatol@yandex.ru.

Кийко Николай Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник уголовно-исполнительного факультета, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, avant_n@mail.ru.

Козаченко Иван Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия, uglaw@yandex.ru.

Кунц Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, 73kuntc@mail.ru.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Маликов Борис Зуфарович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Россия, malikov_bz@mail.ru.

Малолеткина Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, г. Самара, Россия, levkovka707@mail.ru.

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия, petryanin@mail.ru.

Салаев Нодирбек Сапарбаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и противодействия коррупции, Ташкентский государственный юридический университет, г. Ташкент, Узбекистан, nodir-law@mail.ru.

Скаков Айдаркан Байдекович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры организации исполнения наказаний, Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, г. Костанай, Казахстан, aidarkan@mail.ru.

Скоморох Олег Александрович, кандидат юридических наук, доктор богословия, профессор кафедры церковно-практических дисциплин, Санкт-Петербургская духовная академия, г. Санкт-Петербург, Россия, skomorokh@mail.ru.

Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия, n.scripchenko@narfu.ru.

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru.

Терещенко Татьяна Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, tati2034@yandex.ru.

Токубаев Зайрулла Сембаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Центрально-Казахстанская академия, г. Караганда, Казахстан, zairulla@mail.ru.

Уткин Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия, utkin@ui.tsu.ru.

Шабанов Вячеслав Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by.

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Россия, sofish@inbox.ru.

EDITORIAL BOARD

Skiba Andrey Petrovich, Editor-in-chief, DSc (Law), Professor, dean of the faculty of scientific and pedagogical personnel training and organization of research work, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia; professor of the penal law and organization of educational work with convicts Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, apskiba@mail.ru.

Rodionov Alexey Vladimirovich, Deputy Editor-in-chief, DSc (Economics), Associate Professor, professor of department of economics, management, organization of production activities and labor adaptation of convicts, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, avrpost@bk.ru.

Butenko Tatyana Pavlovna, PhD (Law), Associate Professor, head of criminal law department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, butanya1979@yandex.ru.

Gromov Vladimir Gennadievich, DSc (Law), Professor, professor of criminal, environmental law and criminology department, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, gromov_vg@mail.ru.

Detkov Aleksey Petrovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Altai State University, Barnaul, Russia, kafupik@law.asu.ru.

Ermasov Evgeny Viktorovich, PhD (History), deputy director of the Department of State Policy in the Field of the Penal System, Ministry of Justice of Russia; associate professor of criminology and penal law department, Moscow State Law Institute; leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, vvk6974@yandex.ru.

Ivantsov Sergey Vyacheslavovich, DSc (Law), Professor, Academic Secretary of the Academic Council, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, isv1970@mail.ru.

Kashuba Yuriy Anatolevich, DSc (Law), Professor, professor of penal law and organization of educational work with convicts department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, koshianatol@yandex.ru.

Kiyko Nikolay Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor, head of penal law faculty, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, avant_n@mail.ru.

Kozachenko Ivan Yakovlevich, DSc (Law), Professor, Honored worker of science of the Russia, head of criminal law department, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia, uglaw@yandex.ru.

Kunts Elena Vladimirovna, DSc (Law), Professor, leading researcher of department for the development of methodologies for the execution of sentences related to deprivation of liberty and the study of penal crime of the Center for the study of security issues in institutions of the penal system, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Malikov Boris Zufarovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, Ufa, Russia, malikov_bz@mail.ru.

Maloletkina Natalia Sergeevna, PhD (Law), Associate Professor, head of public law disciplines department, Samara Law Institute of the FPS of Russia, Samara, Russia, levkovka707@mail.ru.

Petryanin Alexey Vladimirovich, DSc (Law), Professor, Director of the Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russia, Nizhny Novgorod, Russia, petryanin@mail.ru.

Salaev Nodirbek Saparbaevich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law, criminology and anti-corruption department, Tashkent State Law University, Tashkent, Uzbekistan, nodir-law@mail.ru.

Skakov Aydarkan Baidekovich, DSc (Law), Professor, professor of execution of sentences organization department, Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylbayev, Kostanay, Kazakhstan, aidarkan@mail.ru.

Skomorokh Oleg Alexandrovich, PhD (Law), Doctor of Theology, professor of ecclesiastical and practical disciplines department, St. Petersburg Theological Academy, St. Petersburg, Russia, skomorokh@mail.ru.

Skipchenko Nina Yurievna, DSc (Law), Associate Professor, professor of criminal law and procedure department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, n.skipchenko@narfu.ru.

Teplyashin Pavel Vladimirovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru.

Tereshchenko Tatyana Georgievna, PhD (Law), Associate Professor, deputy head of penal law department, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, tati2034@yandex.ru.

Tokubaev Zairulla Sembayevich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and procedure department, Central Kazakhstan Academy, Karaganda, Kazakhstan, zairulla@mail.ru.

Utkin Vladimir Aleksandrovich, DSc (Law), Professor, Honored lawyer of the Russia, head of penal law and criminology department of Law Institute, National research Tomsk State University, Tomsk, Russia, utkin@ui.tsu.ru.

Shabanov Vyacheslav Borisovich, DSc (Law), Professor, head of criminology department, Belarusian State University, Minsk, Belarus, lawcrim@bsu.by.

Shesler Alexander Viktorovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law disciplines department, Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, sofish@inbox.ru.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

Деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, играет важную роль в функционировании правоохранительной системы России, а также в обеспечении целостности внутренней политики государства. Уголовно-исполнительное право ориентировано на достижение целей наказания, органично дополняет различные правоотношения в области уголовного права, уголовного процесса, общественного контроля, прокурорского надзора и других форм обеспечения законности при исполнении уголовных наказаний, а также затрагивает сферу управленческих, экономических, психолого-педагогических и иных основ деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Немаловажное значение имеет исследование международных стандартов и зарубежного опыта в области исполнения уголовных наказаний. В связи с этим журнал «Уголовно-исполнительное право» является площадкой для обсуждения теоретических, правовых, организационных и иных аспектов исполнения уголовных наказаний, а также деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Журнал посвящен актуальным проблемам теории уголовно-исполнительного права, эффективности и практики его применения, межотраслевым аспектам применения уголовных наказаний, совершенствованию уголовно-исполнительного и иного законодательства, разнообразным аспектам деятельности уголовно-исполнительной системы и других учреждений и органов, исполняющих наказания, а также их взаимодействию с различными органами (организациями). Издание ориентировано на расширение контактов между учеными-пенитенциаристами, специалистами из других отраслей науки России и других государств, занимающимися различными аспектами деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Рубрики журнала охватывают все основные разделы уголовно-исполнительного права, межотраслевые

Journal mission

The activities of institutions and bodies that execute criminal penalties play an important role in the functioning of the Russian law enforcement system, as well as in ensuring the integrity of the state's internal policy. Penal law is aimed at achieving the goals of punishment, organically complements the various legal relations in the field of criminal law, criminal procedure, public control, prosecutorial supervision and other forms of ensuring the rule of law in the execution of criminal penalties, and also affects the sphere of administrative, economic, psychological, pedagogical and other activities of institutions and bodies executing punishment. The study of international standards and foreign experience in the field of execution of criminal sanctions is of great importance. In this regard, the journal «Penal law» is a platform for discussion of theoretical, legal, organizational and other aspects of the execution of criminal penalties, as well as the activities of institutions and bodies executing punishment. The journal is devoted to actual problems of theory of penal law, efficiency and practice of its application, cross-sectoral aspects of the application of criminal penalties, improvement of penal and other legislation, various aspects of Penal system and other institutions and bodies executing sentences, as well as their interaction with various bodies (organizations). The publication is aimed at expanding contacts between penitentiary scientists, specialists from other branches of science in Russia and other countries involved in various aspects of activities of institutions and bodies executing punishment. The headings of the journal cover all the main sections of penal law, inter-sectoral aspects of the application of criminal penalties, take into account the full range of penal issues. The journal publishes announcements of conferences and other information about scientific and educational life. Specific sections dedicated to the ideas of famous penitentiary scientists, including M. N. Galkin-Vraskoj, N. A. Struchkov and M. P. Melentiev.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

аспекты применения уголовных наказаний, учитывают весь спектр уголовно-исполнительной проблематики. На страницах журнала размещаются анонсы конференций и иные сведения о научной и образовательной жизни. Отдельные рубрики посвящены идеям известных пенитенциаристов, в том числе М. Н. Галкина-Враского, Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций;

свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями;

соблюдение международных этических редакционных правил.

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication Frequency

Quarterly.

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement;

free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange;

compliance with international ethical editorial rules.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Недопускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL: www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПРИ МИНЮСТЕ РОССИИ

- 516** *Скиба А. П.* К вопросу об актуальности введения балльной системы оценки степени исправления осужденных при рассмотрении вопроса об их условно-досрочном освобождении : тезисы доклада на заседании Научно-консультативного совета при Минюсте России

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

- 524** *Курохтина Е. С.* К вопросу о критериях эффективности деятельности субъектов probation в России

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 532** *Казакова В. А.* Уголовное наказание в свете стратегии национальной безопасности Российской Федерации
- 538** *Орлов В. Н.* Криминология государственной (национальной) безопасности (антигосударственная криминология или криминоантигосударствология): внутренние, внешние причины, условия и факторы антигосударственной преступности

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

- 549** *Беспамятнов Р. В.* Результаты оперативно-розыскной деятельности и их использование в особых условиях: постановка проблемы
- 561** *Бутенко Т. П., Подлипенко Р. С.* Введение военного положения на территории Российской Федерации как фактор, усиливающий коррупционные риски в уголовно-исполнительной системе

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- 568** *Никитин Д. А.* Правовое положение больных осужденных и его взаимосвязь с целями уголовно-исполнительного законодательства

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

- 577** *Пупышева Л. А., Десятов М. С.* Современное состояние законодательства об исполнении приговора и перспективы его развития
- 584** *Баскакова Н. Н.* Выявление побуждения к передаче денежных средств при производстве судебной лингвистической экспертизы материалов коррупционной направленности
- 593** *Гусак М. Ю.* Проблемы применения уголовно-правовой нормы об ответственности за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц
- 601** *Черных Е. Е.* Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь»: социально-правовые и уголовно-политические аспекты в ключе развития инновационной медицины
- 612** *Ширшанова Е. А.* Современное состояние взяточничества в органах внутренних дел
- 624** *Липский В. А.* Частно-гносеологические аспекты становления и развития института уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности личности
- 631** *Дулкарнаев М. С.* Генезис социально-правовой обусловленности противодействия незаконному обналичиванию денежных средств
- 639** *Цветков А. А.* Методологические основы предупреждения преступности, связанной с диверсионной деятельностью: теоретико-прикладные аспекты

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

- 645** *Мяханова А. Н.* Положение Верховного Народного Суда Китайской Народной Республики «О пересмотре исполнения решений по имущественным вопросам при смягчении наказания и условно-досрочном освобождении» от 2024 года: авторский перевод ряда статей и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

- 649** *Скиба А. П.* Рецензия на монографию «Пробация: теоретико-правовые основы и научно-исследовательские проблемы» (2025)
- 653** *Шамсунов С. Х., Корнеев С. А.* 55 лет на страже российской науки

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПРИ МИНЮСТЕ РОССИИ

Научная статья

УДК 343.846

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.516-523

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ВВЕДЕНИЯ БАЛЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ВОПРОСА ОБ ИХ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ : ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА НА ЗАСЕДАНИИ НАУЧНО- КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА ПРИ МИНЮСТЕ РОССИИ

Андрей Петрович Скиба¹

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия, apskiba@mail.ru

Аннотация. На основе результатов критического анализа уголовно-правового и уголовно-исполнительного регулирования критериев принятия решения об условно-досрочном освобождении осужденного от наказания и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 года № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» сделан вывод о необходимости поиска нового комплексного подхода, в том числе в контексте предупреждения совершения новых преступлений. В рамках дискуссии предлагается обсудить теоретическую возможность с применением различных информационных технологий введения балльной системы оценки степени исправления осужденных, когда за их конкретные положительные или правонарушающие действия, а также при применении мер поощрения и взыскания будут прибавляться или вычитаться соответствующие баллы.

Ключевые слова: критерии условно-досрочного освобождения, исправление осужденного, балльная система, информационные технологии

Для цитирования

Скиба А. П. К вопросу об актуальности введения балльной системы оценки степени исправления осужденных при рассмотрении вопроса об их условно-досрочном освобождении : тезисы доклада на заседании Научно-консультативного

Данный доклад был представлен 26 ноября 2025 г. на заседании Научно-консультативного совета по совершенствованию уголовной политики (в части уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного регулирования) при Минюсте России.

© Скиба А. П., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

совета при Минюсте России // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 516–523. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.516-523.

SCIENTIFIC ADVISORY COUNCIL UNDER THE MINISTRY OF JUSTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Original article

ON THE ISSUE OF THE RELEVANCE OF INTRODUCING A POINT SYSTEM FOR ASSESSING THE DEGREE OF CORRECTION OF CONVICTS WHEN CONSIDERING THEIR PAROLE: ABSTRACTS OF A REPORT AT A MEETING OF THE SCIENTIFIC ADVISORY COUNCIL UNDER THE MINISTRY OF JUSTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Andrey Petrovich Skiba¹

¹ St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, apskiba@mail.ru

Abstract. Based on the results of a critical analysis of the criminal law and penal regulation of the criteria for deciding on the conditional early release of a convicted person from punishment and the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 21, 2009 No. 8 "On judicial practice of conditional early release from serving a sentence, replacing the unserved part of the sentence with a more lenient type of punishment", the conclusion is that it is necessary to find a new integrated approach, including in the context of preventing the commission of new crimes. As part of the discussion, it is proposed to discuss the theoretical possibility, using various information technologies, of introducing a point system for assessing the degree of correction of convicts, when appropriate points will be added or subtracted for their specific positive or delinquent actions, as well as when applying incentive and punishment measures.

Keywords: criteria for parole, correction of a convicted person, point system, information technology

For citation

Skiba, A. P. 2025, 'On the issue of the relevance of introducing a point system for assessing the degree of correction of convicts when considering their parole: abstracts of a report at a meeting of the Scientific Advisory Council under the Ministry of Justice of the Russian Federation', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 516–523, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.516-523.

Вопрос о взаимосвязи системы оценки степени исправления осужденных с их условно-досрочным освобождением является одним из наиболее обсуждаемых в науке, прежде всего, уголовного и уголовно-исполнительного (исправительно-трудового)

права. Доклад призывает к полемике и ориентирует на необходимость поиска нового комплексного подхода к разрешению рассматриваемых проблем.

Еще в советский период взаимоувязывались вопросы оценки эффективности наказания, исправления осужденных и достижения иных целей наказания, а также досрочного освобождения от наказания. Однако отсутствие четких критериев, как считалось в то время, не должно было приводить к субъективизму в рассматриваемой области. При этом акцентировалось внимание на том, что должен быть обеспечен строго индивидуальный подход с тщательным изучением всех показателей, свидетельствующих о действительно наступившем исправлении осужденного. Возможно, такая позиция была основана на том, что в соответствии с уголовным законодательством того времени при принятии решения об условно-досрочном освобождении уже фактически давалась окончательная оценка исправления осужденного. Так, согласно ст. 53 УК РСФСР 1960 г. лицам, осужденным к лишению свободы, исправительным работам или направлению в дисциплинарный батальон, может быть применено условно-досрочное освобождение от наказания лишь в том случае, если он примерным поведением и честным отношением к труду доказал свое исправление. Причем более объективный подход, чем сейчас, возможно, обеспечивало участие в рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного от наказания не только администрации органа, ведающего исполнением наказания, суда и прокурора, но и наблюдательной комиссии при исполнительном комитете местного Совета народных депутатов (представителей общественности).

В настоящее время по ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. Суд не обязан удостовериться в исправлении осужденного. Кроме того, сейчас представители общественности не принимают участия в решении данного вопроса ни в стадии исполнения приговора, ни в стадии возбуждения производства, ни в самом судебном заседании.

Несмотря на то что в ст. 79 УК РФ и ст. 175 УИК РФ указываются определенные условные критерии для принятия решения об условно-досрочном освобождении осужденного (поведение осужденного, его отношение к учебе и труду, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, отношение к совершенному деянию, частичное или полное возмещение причиненного ущерба и др.), на практике имеют место многочисленные проблемы в их единообразном применении. Здесь хотелось бы отметить следующее (сейчас не затрагиваются многочисленные проблемные процедурные вопросы).

Во-первых, имеют место различия положений ст. 79 УК РФ и ст. 175 УИК РФ, предусматривающих перечень критериев для принятия решения об условно-досрочном освобождении осужденных. В частности, некоторые из них указаны только в уголовном законе без аналогичного упоминания в уголовно-исполнительном законе (например, наличие у осужденного взысканий и поощрений). Более того, перечень таких критериев в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ носит исчерпывающий характер, в то время как в ч. 1 ст. 175 УИК РФ закреплено, что в ходатайстве осужденного «могут содержаться иные сведения, свидетельствующие об исправлении». При этом некоторые критерии при общем сходстве имеют определенные отличия в формулировках вышеуказанных норм уголовного и уголовно-исполнительного законов, например, «раскаяние в совершенном деянии» и

«отношение к совершенному деянию» либо «частично или полностью возмещение причиненного ущерба» и «возмещение причиненного преступлением вреда».

Во-вторых, формулировка критерия «отношение осужденного к учебе» не позволяет четко определить, что конкретно оценивать: только стопроцентное (или относительно регулярное) посещение осужденным занятий по всем (или отдельным/основным) дисциплинам; получение им оценок по экзаменам и/или контрольным работам в виде «отлично» и «хорошо» (или, может быть, также «удовлетворительно»); отсутствие академических задолженностей и т. п.

В-третьих, при оценке «отношение осужденного к труду» появляются такие вопросы, как: трудится ли осужденный (не-) полный рабочий день, его заработная плата больше/меньше минимального размера оплаты труда, выполняет ли он в полном объеме норму нагрузок и пр., а также, что не менее важно, смог ли осужденный своими действиями проявить «положительное» отношение к труду (с учетом того, что у него соответствующие права в этой области крайне ограничены), а администрация ИУ обеспечить его надлежащее трудоустройство в соответствии со ст. 103–105 и др. УИК РФ.

В-четвертых, отношение осужденного к совершенному деянию и то, что он частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, вызывает следующие вопросы: достаточно ли составление осужденным заявления на имя начальника исправительного учреждения о том, что он раскаялся в совершенном общественно опасном деянии и признал вину или он все же должен путем активной переписки и/или иным образом примириться с потерпевшим; обязан ли осужденный дополнительно перечислять потерпевшему денежные средства, уже зачисленные на его лицевой счет после всех удержаний, произведенных в соответствии со ст. 107 УИК РФ, и т. д.

Указанные и иные недостатки законодательства могут способствовать излишне субъективной оценке у соответствующих участников различных этапов стадии исполнения приговора.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» только затрагиваются некоторые из вышеуказанных проблем. Более того, вызывают вопросы отдельные рекомендации в этой области, например, наличие у осужденного взысканий само по себе не может свидетельствовать о том, что он нуждается в дальнейшем отбывании назначенного судом наказания, следует учитывать конкретные обстоятельства, тяжесть и характер каждого допущенного осужденным нарушения за весь период отбывания наказания, а не только за время, непосредственно предшествующее рассмотрению ходатайства, данные о снятии или погашении взысканий, время, прошедшее с момента последнего взыскания, последующее поведение осужденного и другие характеризующие его сведения (п. 6 постановления), или что суд не вправе отказать в условно-досрочном освобождении, если в силу объективных причин осужденный возместил причиненный преступлением вред лишь в незначительном размере (п. 7 постановления).

В условиях размытости критериев досрочного освобождения от отбывания наказания немаловажным становится учет судьями мнений прокурора и администрации учреждения или органа, исполняющего наказание. Однако в названном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации никаких указаний по этому поводу не дается.

Кроме того, в ст. 79 УК РФ говорится о необходимости в целом оценки поведения лица (а не его конкретных действий), что фактически добавляет новый «обобщенный» критерий в рассматриваемой области и образует новые затруднения при решении различных вопросов в стадии исполнения приговора. В частности, при исполнении лишения свободы можно говорить о возможном учете таких обстоятельств, отсутствующих в ст. 175 УИК РФ, но характеризующих поведение осужденного, как: наличие у положительно характеризующегося осужденного права передвижения без конвоя или сопровождения (ст. 96 УИК РФ); реализованный по ст. 97 УИК РФ выезд осужденного за пределы исправительного учреждения (а также его возвращение в надлежащем порядке); (не-) совершение осужденным умышленного причинения вреда своему здоровью (ч. 2 ст. 102 УИК РФ) и т. д. Вопрос о том, законно/целесообразно ли учитывать вышеуказанные и иные аспекты исполнения лишения свободы, отражающие поведение осужденного, в качестве критериев для принятия решения по вопросам, рассматриваемым при исполнении приговора, остается открытым. При этом по п. 4 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации суду также надлежит учитывать данные о личности осужденного (что гораздо шире всех ранее рассмотренных показателей из ст. 79 УК РФ и ст. 175 УИК РФ), ввиду чего перечень критериев для принятия решения об условно-досрочном освобождении осужденного теоретически может быть расширен за счет не только указанных выше действий осужденного, предусмотренных в ст. 96, 97, 102 и др. УИК РФ, но и его социально-демографических, уголовно-правовых и иных индивидуальных характеристик.

Имеющееся в настоящее время регулирование критериев условно-досрочного освобождения может способствовать излишне субъективному поведению у соответствующих участников. При этом на практике каждый участник разных этапов стадии исполнения приговора (сотрудник исправительного учреждения, осужденный (его адвокат), потерпевший, прокурор, судья и т. д.) может иметь собственное мнение, которое фактически соответствует законодательству, как в целом по существу рассматриваемого вопроса, так и при оценке конкретных обстоятельств, но приводит к противоречивой практике рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении. Да и в целом наличие нечеткости положений законодательства, способствующего всестороннему подходу к рассмотрению данного вопроса в стадии исполнения приговора.

При всех указанных недостатках такого подхода крайне значимым обстоятельством при вынесении наиболее объективного и законного решения выступает внутреннее убеждение суда и иных лиц, участвующих в рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного на различных этапах стадии исполнения приговора, что является немаловажным ввиду статуса указанных лиц и значимости принимаемых ими решений.

В качестве возможного альтернативного варианта можно рассмотреть так называемую балльную систему оценки степени исправления осужденных при рассмотрении вопроса об их условно-досрочном освобождении.

Интересен зарубежный опыт, в том числе стран Восточной Азии, связанный с применением в деятельности правоохранительных и судебных органов информационных технологий, вплоть до искусственного интеллекта. В России расширение сферы применения различных информационных технологий может быть ориентировано как на повышение уровня эффективности деятельности УИС, так и на усиление контроля за поведением осужденных (при этом понимаем, что в этом случае будет наблюдаться более выраженный формальный подход к решению различных вопросов без учета таких

категорий, как социальная справедливость, нравственность, милосердие и т. п.). Так, балльная система оценки поведения осужденного может заключаться в том, что за конкретные положительные или правонарушающие действия ему будут прибавляться или вычитаться соответствующие баллы. Кроме того, возможно, баллы могут начисляться за досрочное возмещение осужденным ущерба, причиненного преступлением, участие в общественных мероприятиях, соблюдение им врачебных предписаний в случае заболевания, несовершение членовредительств и иных правонарушающих действий (которые формально не являются основанием для поощрения по ч. 1 ст. 113 УИК РФ). Развивая этот подход, предположим, что при отсутствии конкретного количества начисленных баллов осужденный, например, не может претендовать на условно-досрочное освобождение, предоставление права передвижения без конвоя или сопровождения, перевод в облегченные условия отбывания наказания, изменение вида исправительного учреждения для перевода в колонию-поселение и т. п.

Целесообразно было бы с учетом расширения сферы применения информационных технологий указанные и иные данные об осужденном размещать в единой информационной системе. Рассматривая этот вопрос более широко, добавим, что логично создание общей информационной системы, содержащей данные о самом осужденном, его гражданстве, месте регистрации, состоянии здоровья и трудоспособности, наличии специальности, совершенном им преступлении, начале и окончании срока наказания, дате срока наступления условно-досрочного освобождения, размере причиненного преступлением вреда и его возмещении, применении мер поощрения и взыскания, особенно в виде водворения в штрафной изолятор, перевода в помещения камерного типа или единые помещения камерного типа, изменении условий отбывания наказания, предоставлении выездов за пределы исправительного учреждения или права передвижения без конвоя или сопровождения, его родственниках и способах поддержания связи между ними (путем свиданий, посылок, денежных переводов, и т. д.).

Обоснованно ведение личных дел осужденных в электронной форме, к которым будут иметь доступ, кроме сотрудников уголовно-исполнительной системы, например, судьи и прокуроры, участвующие в принятии решений об условно-досрочном освобождении этих осужденных (общеизвестно, что во ФСИН России уже несколько лет идет работа по созданию электронного личного дела осужденного). По всей видимости, логично результаты вышеуказанной информационной системы использовать также для достижения целей пробации и/или переносить соответствующие сведения в реестр лиц, в отношении которых применяется пробация, согласно Федеральному закону «О пробации в Российской Федерации».

При размещении в информационной системе всех данных об осужденном субъективизм в оценке степени его исправления, в том числе при принятии решения об условно-досрочном освобождении, будет сокращен, а общую/первичную оценку его поведения через подсчет баллов можно поручить искусственному интеллекту (фактическое участие судьи с соблюдением всех требований, указанных в ст. 399 УПК РФ, для рассмотрения вопроса о (не-) удовлетворении ходатайства осужденного возможно ограничить определенными случаями, особенно при обжаловании решения, ранее вынесенного искусственным интеллектом). В этом случае может быть создана ситуация, когда отражение в информационной системе данных о поведении осужденного (в том числе примененных к нему мерах поощрения, взыскания и т. д.) автоматически повлечет за собой прибавление или вычет соответствующих баллов, что впоследствии позво-

лит наиболее беспристрастно оценить степень его исправления, в том числе с использованием искусственного интеллекта (в частности, имеется успешный зарубежный опыт использования информационных технологий в деятельности правоохранительных и судебных органов).

Расширение сферы применения информационных технологий целесообразно и для фиксации конкретных правонарушающих действий и иных осужденных, в том числе отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы, предупреждения преступлений и других правонарушений, наложения взысканий, изменения количества баллов при оценке отдельных действий и в целом поведения осужденных.

В Китае также реализуется комплексный организационно-правовой механизм оценки прогноза поведения лица после освобождения при принятии решения об условно-досрочном освобождении, оказания помощи как в период отбывания наказания, так и в постпенитенциарный период с одновременным осуществлением контроля за его поведением, принятия мер по недопущению правонарушений, стимулирования его правопослушного поведения, устранения факторов возможного совершения новых преступлений, всестороннего применения информационных технологий с классификацией всех указанных мер на четыре уровня: мягкое, общее, строгое и специальное в зависимости от предрасположенности лица к положительному или правонарушающему образу жизни, а также возможности самостоятельно обеспечивать свою жизнедеятельность (у пожилых, больных, инвалидов и т. д.). В этом случае вопрос о (не-) применении условно-досрочного освобождения осужденного прямо взаимосвязывается с необходимостью предупреждения совершения этим лицом нового преступления (подобный подход, к сожалению, отсутствует в нашей стране и не закреплён ни в ст. 79 УК РФ, ни в ст. 175 УИК РФ). При этом разрабатывается оценка степени исправления лица и его готовности к реинтеграции в общество, а также критерии взаимодействия китайских государственных органов (пенитенциарных учреждений, прокуратуры, суда, местных органов власти и пр.) и негосударственных организаций (включая различные общественные институты, хозяйствующие субъекты, коммерческие банки, медицинские учреждения и т. д.) в рассматриваемой сфере, в том числе эффективность обмена сведениями между ними об освобождённом лице для преодоления информационных барьеров. Расширяется в Китае и подход к комплексной оценке степени исправления осужденных и возможности совершения ими повторных преступлений (в виде прогнозирования постпенитенциарного поведения, в том числе на основе балльного рейтинга), осуществляемой, кроме сотрудников пенитенциарных учреждений, психологами, врачами, педагогами, представителями общественности и местных органов власти, социальными работниками и др.

В России теоретически в случае возможного введения балльной системы оценки степени исправления осужденных (или даже хотя бы ее отдельных элементов), с одной стороны, будет более унифицирована практика рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении, с другой – при широкомасштабном применении информационных технологий может быть снижена не только субъективность, но и в целом значимость принимаемых решений судьями, начальниками исправительных учреждений и иными лицами в рассматриваемой области.

Информация об авторе

А. П. Скиба – доктор юридических наук, профессор, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы.

Information about the author

A. P. Skiba – Sc.D (Law), Professor, dean of the faculty of scientific and pedagogical personnel training and organization of research work.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Научная статья

УДК 343.847

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.524-531

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРОБАЦИИ В РОССИИ

Елена Сергеевна Курохтина¹

¹ Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия, k_pn@ssla.ru

Аннотация. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года закрепляет необходимость совершенствования механизма оценки эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы. Процедура ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, не адаптированных к жизни в гражданском обществе, потерявших социальные связи, требует пристального внимания как законодателя, так и правоприменителя. Это неслучайно, поскольку среди освободившихся отмечается отсутствие востребованности профессиональных навыков, жилья, средств к существованию и, как следствие, фиксируется рост уровня рецидивной преступности. Особое значение в условиях второго года действия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» приобретает формирование критериев эффективности деятельности субъектов пробации в России применительно к органам государственной власти, коммерческим и некоммерческим, а также религиозным организациям. Специализированные научные исследования по разработке таких критериев отечественными учеными проводятся редко и имеют узкую направленность, в то время как для решения вопроса необходим комплексный подход с учетом передового международного опыта.

Ключевые слова: пробация, субъекты пробации, коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация, профилактика рецидивной преступности

Для цитирования

Курохтина Е. С. К вопросу о критериях эффективности деятельности субъектов пробации в России // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 524–531. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.524-531.

THEORY OF PENAL LAW

Original article

ON THE ISSUE OF CRITERIA FOR THE EFFECTIVENESS OF PROBATION SUBJECTS IN RUSSIA

Elena Sergeevna Kurokhtina¹

¹ Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, k_pn@ssla.ru

Abstract. The concept of the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030 establishes the need to improve the mechanism for evaluating the effectiveness of the penal system. The procedure for the re-socialization of persons released from prison, not adapted to life in civil society, who have lost social ties, requires close attention from both the legislator and the law enforcement officer. This is no coincidence, since there is a lack of demand for professional skills, housing, and livelihood among those released, and as a result, an increase in the rate of recidivism is recorded. Of particular importance in the context of the second year of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation" is the formation of criteria for the effectiveness of probation subjects in Russia in relation to public authorities, commercial and non-profit, as well as religious organizations. Specialized scientific research on the development of such criteria is rarely conducted by domestic scientists and has a narrow focus, while an integrated approach is needed to address the issue, taking into account international best practices.

Keywords: probation, probation subjects, correction of social behavior, re-socialization, social adaptation, social rehabilitation, prevention of recidivism

For citation

Kurokhtina, E. S. 2025, 'On the issue of criteria for the effectiveness of probation subjects in Russia', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 524–531, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.524-531.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, с одной стороны, закрепляет необходимость совершенствования механизма оценки эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы¹, с другой – отмечает, что лица, освободившиеся из мест лишения свободы, не адаптированы к жизни в гражданском обществе, теряют социальные связи, среди освободившихся отмечается отсутствие востребованности профессиональных навыков, жилья, средств к существованию и, как следствие, фиксируется рост уровня рецидивной преступности. Это проблемы не только материального обеспечения, но и организационно-правового и социально-психологического характера.

¹ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397; 2023. № 22. Ст. 3996.

Немаловажное значение имеет и человеческий фактор – наличие знаний, умений, навыков в вопросах создания системы ресоциализации и социальной адаптации, предполагающей внедрение единых принципов и механизмов оказания всесторонней помощи специалистами подозреваемым, обвиняемым, осужденным и лицам, освободившимся от отбывания наказания, а также преемственности при ведении социальной, воспитательной и психологической работы на различных этапах пребывания подозреваемого, обвиняемого и осужденного в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) в рамках пенитенциарной, исполнительной и постпенитенциарной probation.

Несмотря на то что институт probation внедряется в нашей стране впервые, достигнуты первые положительные результаты. Так, в 2024 г. в рамках пенитенциарной probation помощь оказана более 35 тыс. граждан в рамках их подготовки к освобождению. Более 12 тыс. человек обратились с заявлением об оказании содействия в рамках probation, принято решение о целесообразности применения probation и разработаны индивидуальные программы в отношении более 10 тыс. человек¹.

Реализация норм Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации»² потребует не только развития системы уголовно-исполнительных инспекций, совершенствования научно-методической базы в целях подготовки квалифицированных кадров, внедрения новых информационных технологий в деятельность уголовно-исполнительных инспекций, повышения уровня взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) с органами государственной власти, органами местного самоуправления и общественными организациями, с учреждениями и предприятиями социального обслуживания по вопросам оказания адресной социальной помощи осужденным и лицам, освободившимся из мест лишения свободы, но и разработки качественных критериев эффективности деятельности субъектов probation. В связи с этим возникает вопрос о необходимости принятия на федеральном уровне официально закрепленного перечня критериев эффективности деятельности субъектов probation. Специализированные научные исследования по разработке таких критериев отечественными учеными проводятся редко и имеют узкую направленность, в то время как для решения вопроса необходим комплексный подход с учетом передового международного опыта.

Предмет исследования составляют нормы действующего российского законодательства, регламентирующие создание и развитие системы probation в России, данные официальной статистики, материалы отечественной и зарубежной практики, научные концепции, посвященные вопросам probationной деятельности органов государственной власти.

Основной целью исследования является анализ деятельности органов и организаций, осуществляющих создание условий для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется probation, в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи, обеспечения гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина с учетом опыта служб probation зарубежных государств, а также разработка предложений по формулированию исследуемых критериев эффективности.

¹ См.: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50212> (дата обращения: 18.09.2024).

² См.: О probation в Российской Федерации : федер. закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ // Рос. газ. 2023. 9 февр.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Основным методом исследования стал диалектический метод. Кроме того, применялись такие общенаучные методы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, логический, системно-структурный, наряду с которыми использовались частнонаучные методы познания (научно-статистический, формально-юридический).

Отбывание уголовного наказания в условиях изоляции от общества влечет за собой ослабление, а нередко полный разрыв социальных связей, потерю навыков жизни в обществе, что влияет на формирование дезадаптивной направленности в поведении и, как следствие, на совершение повторных преступлений.

Законодатель определяет пробацию как совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц. В связи с созданием отечественной системы пробации предполагается, что количество лиц, содержащихся в учреждениях УИС, к 2030 г. снизится, в том числе за счет сокращения рецидивов преступлений. В научной литературе выделяют две группы факторов, влияющих на рецидивную преступность: одна группа, непосредственно связанная с недостатками деятельности правоохранительных органов и судов, другая – объединяющая факторы, влияющие на неблагоприятное протекание постпенитенциарной адаптации [5, с. 138].

Т. В. Филоненко предлагает в качестве ключевого показателя эффективности системы исправительных учреждений рассматривать постпенитенциарный рецидив [4, с.198] с учетом его определения, данного В. В. Городнянской, как разновидности криминологического рецидива, состоящей в совершении лицом, освобожденным из исправительного учреждения, в течение срока судимости всякого нового преступления, независимо от формы его вины [1, с. 106].

Оценка эффективности любой деятельности, в том числе и правоохранительной, производится непосредственно по факту ее осуществления путем анализа и сопоставления положительных результатов и выявленных недостатков. Под эффективностью правоохранительной деятельности следует понимать уровень соответствия ее количественно-качественных показателей целям и задачам конкретного правоохранительного органа, а также состоянию объекта правоохраны (уровень преступности в стране, уровень повторной преступности лиц, отбывающих или отбывших уголовные наказания, и т. п.). Следовательно, критерии эффективности соответствующей правоохранительной сферы должны быть представлены методологически верными показателями (индикаторами), которые в совокупности способны дать объективную картину текущего состояния эффективности правоохранительной деятельности [2, с. 149]. Данную позицию можно поддержать тем, что подобные индикаторы как постоянные величины помогут сопоставить качественные и количественные показатели института пробации в разных регионах, демонстрируя его открытость, эффективность и динамику. Последнее создаст объективную основу не только для принятия обоснованных решений по усовершенствованию практики правоприменения в исследуемой сфере, но и для формулирования предложений для законодателя.

В Англии служба пробации существует при суде, в большинстве тюрем действуют отделения пробации [3, с. 224], в Республике Казахстан служба пробации является самостоятельным структурным подразделением органов внутренних дел, и именно служба

пробации – основной субъект пробационного процесса (Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI «О пробации»). Согласно действующему российскому законодательству субъектами пробации являются: 1) федеральные органы исполнительной власти; 2) органы государственной власти субъектов Российской Федерации; 3) учреждения уголовно-исполнительной системы; 4) органы службы занятости; 5) организации социального обслуживания, к полномочиям которых относятся: нормативно-правовое регулирование в сфере пробации, в том числе определение порядка осуществления прав и исполнения обязанностей учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций в сфере пробации; утверждение правил организации деятельности центров пробации; мониторинг в пределах компетенции практики применения законодательства Российской Федерации в сфере пробации; организация взаимодействия территориальных органов федерального органа исполнительной власти, осуществляющего правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, с территориальными органами других федеральных органов исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, а также с общественными объединениями и религиозными организациями, гражданами и др. Из содержания полномочий, предусмотренных российским законодательством, вытекает необходимость формирования действенных критериев эффективности с учетом особенностей отечественной пенитенциарной системы.

В специальной литературе встречаются авторские классификации критериев эффективности деятельности субъектов пробации. Например, С. М. Жолдаскалиев среди таковых называет оценку социальной обусловленности пробационной деятельности и соответствие социальным ожиданиям граждан, текущие оценки эффективности пробационного процесса посредством сопоставления данных об уровне преступности за сравниваемые календарные периоды, эффективность методов управления и контроля правоохранительной деятельности УИС в пробационном процессе [2, с. 150–151].

Представляется, что эффективность деятельности субъектов пробации определяется комплексом показателей, отражающих достижение целей пробации, таких как социальная адаптация, ресоциализация и снижение уровня рецидивной преступности. Основные критерии эффективности включают в себя: снижение уровня рецидивной преступности среди лиц, находящихся под пробацией; успешную социальную адаптацию и реинтеграцию в общество; повышение уровня правосознания и правопослушного поведения; улучшение социально-экономического положения клиентов пробации и как итог снижение уровня рецидивной преступности как в отдельно взятом регионе, так и в России в целом. Критерии эффективности можно разделить на определенные группы:

1) критерии, связанные с предупреждением преступлений и отражающие количество лиц, к которым применялась пробация и которые вновь совершили преступления, а также количество лиц, их не совершивших;

2) критерии, связанные с процессом социальной адаптации и реинтеграции на территории региона лиц, в отношении которых применялись и применяются все виды пробации. Данные критерии целесообразно раскрывать через такие показатели, как количество лиц, успешно трудоустроенных, не только в период пробации, но и после ее окончания; возможности приобретения в собственность или съема жилья у лиц, проходящих пробацию; качество восстановления семейных связей, умение взаимодействовать

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

с близкими; активная позиция как законопослушного члена общества, реализующего конституционные права и обязанности;

3) критерии, связанные с процессом probation и отражающие соблюдение лицом условий probation, участие в мероприятиях, предусмотренных индивидуальной программой probation, качество взаимодействия, коммуникации с сотрудниками службы probation, своевременность и полнота предоставления необходимой им информации;

4) критерии, связанные с взаимодействием субъектов probation, раскрывающие механизм взаимодействия между ними через взаимодействие Центра probation с государственными органами, например, органами занятости, органами социальной защиты, уголовно-исполнительной инспекцией.

Однако, эффективность probation не может быть оценена только по одному критерию, необходим комплексный подход, учитывающий все вышеперечисленные аспекты. Кроме того, критерии эффективности могут варьироваться в зависимости от конкретного вида probation (исполнительная, пенитенциарная, постпенитенциарная).

В современных условиях служба probation во многих странах доказала свою эффективность в вопросах предупреждения преступлений. За рубежом службы probation существуют либо как самостоятельные государственные учреждения, либо как подразделения правоохранительных органов.

В России понятие «центр probation» закреплено в п. 12 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О probation в Российской Федерации» как специализированная организация, создаваемая в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная probation, в том числе в предоставлении временного места пребывания. Постпенитенциарная probation применяется в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, реализуемая через такие основные направления деятельности в сфере постпенитенциарной probation, как ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация.

В России центры probation согласно ч. 1 ст. 27 Федерального закона «О probation в Российской Федерации» создаются в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная probation, в том числе в предоставлении временного места пребывания, могут создаваться некоммерческими, в том числе религиозными, организациями и общественными объединениями, социально ориентированными некоммерческими организациями. Приказ Минюста России от 16 сентября 2024 г. № 278 «Об утверждении Правил организации деятельности центров probation» устанавливает не только порядок утверждения структуры, штатной численности и правил внутреннего распорядка, но и основы взаимодействия с субъектами probation, органами местного самоуправления, коммерческими и некоммерческими, в том числе религиозными, социально ориентированными некоммерческими организациями, организациями и общественными объединениями, негосударственными (коммерческими и некоммерческими) организациями социального обслуживания, предоставляющими социальные услуги, организациями, осуществляющими образовательную деятельность, научными, медицинскими организациями, индивидуальными предпринимателями, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами probation, общественными наблюдательными комиссиями, а

также гражданами¹. В отличие от зарубежной практики, финансирование центров пробации лежит на организациях, перечисленных в законе, и заключается в получении организаторами центра пробации грантов, региональных субсидий и т. д. При этом ни один из источников не является постоянным и стабильным, что напрямую влияет на эффективность реализуемой постпенитенциарной пробации, точнее – на снижение ее эффективности при таких условиях.

Эффективность деятельности субъектов пробации должна быть основана не только на количественных показателях (количество повторных уголовных правонарушений и рецидива преступлений, количество подучетных лиц, получивших социально-правовую помощь, и т. д.), но и на динамичных параметрах (степень вовлечения населения, качество и объем оказываемой социально-правовой помощи, степень согласованности мероприятий, осуществляемых субъектами пробации, оценка объема и интенсивности, результативности проводимых мероприятий, способности к установлению психологического контакта) [3, с. 224]. Рассматривая иные основания классификации критериев эффективности, представляется возможным заложить в ее основу направления пробационной деятельности, такие как воспитательная, социально-правовая, психологическая работа и оказание бесплатной юридической помощи.

В рамках статьи отмечены не все проблемные моменты организации системы пробации в России и формулирования критериев эффективности деятельности субъектов пробации. Пробация отмечена деятельностью всех органов государственной власти и при реализации предусмотренных законом полномочий, и во взаимодействии не только с коммерческими и некоммерческими, в том числе религиозными, социально ориентированными некоммерческими организациями, организациями и общественными объединениями, негосударственными (коммерческими и некоммерческими) организациями социального обслуживания, предоставляющими социальные услуги, организациями, осуществляющими образовательную деятельность, научными, медицинскими организациями, индивидуальными предпринимателями, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации, общественными наблюдательными комиссиями, но и с гражданами. Для качественного внедрения критериев эффективности органов государственной власти в сфере пробации необходимы новые, нестандартные подходы и меры противодействия, что, в свою очередь, требует фундаментальных научных исследований.

Список источников

1. Городнянская В. В. Структура рецидивной преступности (постпенитенциарный рецидив) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 105–108.
2. Жолдаскалиев С. М. Критерии эффективности пробационной деятельности уголовно-исполнительной системы органов внутренних дел Республики Казахстан: постановка отдельных методологических аспектов // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3(47). С. 147–161.
3. Полосухина О. В. Особенности деятельности службы пробации в Англии // Аграрное и земельное право. 2022. № 12(216). С. 221–225.

¹ См.: Об утверждении Правил организации деятельности центров пробации : приказ Минюста России от 16 сентября 2024 г. № 278. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.09.2024).

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

4. Филоненко Т. В. Формирование института пробации в России: аспекты нормативно-го закрепления механизма правового регулирования // Юридическая наука. 2022. № 12. С. 197–204.

5. Хикматзодадж У. Криминологическая характеристика рецидива преступления // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2016. № 3(31). С. 138–144.

References

1. Gorodnyanskaya, V. V. 2010, 'The structure of recidivism (post-penitentiary recidivism)', *Bulletin of Tomsk State University*, iss. 335, pp. 105–108.

2. Zholdaskaliev, S. M. 2018, 'Criteria for the effectiveness of probation activities of the penal enforcement system of the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan: formulation of certain methodological aspects', *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 3(47), pp. 147–161

3. Polosukhina, O. V. 2022, 'Features of the probation service in England'. *Agrarian and land law*, iss. 12(216), pp. 221–225.

4. Filonenko, T. V. 2022, 'Formation of the probation institute in Russia: aspects of the regulatory consolidation of the mechanism of legal regulation', *Legal Science*, iss. 12, pp. 197–204.

5. Hikmatzodaj, U. 2016, 'Criminological characteristics of recidivism', *Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan*, iss. 3(31), pp. 138–144.

Информация об авторе

Е. С. Курохтина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии.

Information about the author

E. S. Kurokhtina – PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the prosecutorial supervision and criminology department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 12.09.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 12.09.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Научная статья

УДК 343.24

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.532-537

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В СВЕТЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вера Александровна Казакова¹

¹ Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, г. Москва, Россия, vera1313@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам реализации стратегии национальной безопасности и борьбы с преступностью. На современном этапе развития российского общества выделяются проблемы в сфере борьбы с преступностью, обострившиеся в настоящий момент. В первую очередь это относится к киберпреступлениям, терроризму и диверсионной деятельности. Рассматривается роль уголовного наказания в формировании эффективной системы безопасности в Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное наказание, национальная безопасность, угрозы российскому обществу, противодействие преступности

Для цитирования

Казакова В. А. Уголовное наказание в свете стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 532–537. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.532-537.

PENAL POLICY

Original article

CRIMINAL PUNISHMENT IN THE LIGHT OF THE NATIONAL SECURITY STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vera Alexandrovna Kazakova¹

¹ Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
vera1313@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the topical issues of the implementation of the national security strategy and the fight against crime. At the current stage of the development of Russian society, problems in the field of combating crime are highlighted, which have become more acute at the moment. First of all, this applies to cybercrimes, terrorism and sabotage activities. The role of criminal punishment in the formation of an effective security system in the Russian Federation is considered.

Keywords: criminal punishment, national security, threats to Russian society, crime prevention

For citation

Kazakova, V. A. 2025, 'Criminal punishment in the light of the national security strategy of the Russian Federation', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 532–537, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.532-537.

Уголовное наказание играет ключевую роль в поддержании национальной безопасности Российской Федерации, выступая не только механизмом воздействия на правонарушителей, но и инструментом профилактики преступлений, что способствует укреплению общественного порядка. Уголовное наказание наряду с иными мерами уголовно-правового характера является неотъемлемой частью государственно-правового механизма принудительного воздействия на граждан для стимулирования правопослушного поведения и недопущения совершения преступлений [1, с. 209].

Как известно, национальная безопасность предполагает защищенность человека, общества и государства от внешних и внутренних угроз, в том числе от преступных посягательств. В 2024 г. в стране, по данным ГИАЦ МВД России, было зарегистрировано чуть менее 2 млн преступлений¹, что подчеркивает необходимость постоянного совершенствования стратегий борьбы с преступностью. Одним из самых важных инструментов в борьбе с преступностью было и есть уголовное наказание, поэтому повышение эффективности мер уголовного наказания позволяет минимизировать угрозы, возникающие перед обществом в условиях глобализации и технологического прогресса. Это подчеркивает важность комплексного подхода к решению вопросов

¹ См.: Краткая характеристика состояния преступности за 2021–2024 гг. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> (дата обращения: 15.10.2025).

уголовного наказания и его роли в формировании эффективной системы безопасности в Российской Федерации.

Современные угрозы, такие как киберпреступность, терроризм и транснациональная организованная преступность, представляют собой значительный вызов для национальной безопасности Российской Федерации. Согласно данным МВД России, в 2024 г. количество преступлений в сфере информационных технологий возросло на 13 % по сравнению с предыдущим годом, что указывает на рост активности преступных группировок в цифровой среде. В связи с увеличением числа киберпреступлений возникает острая необходимость в принятии мер по борьбе с отмеченными преступлениями как на международном уровне, так и в Российской Федерации. Важность борьбы с киберпреступностью подчеркивает принятие 24 декабря 2024 г. Организацией Объединенных Наций Конвенции против киберпреступности.

В конце 2024 г. были внесены изменения в УК РФ, которые вводят ст. 272.1, устанавливающую ответственность за незаконные использование и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные. Уголовно-правовое реагирование на инновационные криминогенные и криминальные проявления представляется важной правовой основой для системного обеспечения криминологической безопасности, в том числе и в киберпространстве [2, с. 127].

Противодействие преступности в сфере киберпространства – многосоставная и сложная задача не только в плоскости уголовного права, необходим комплексный подход, который включал бы наряду с организационно-правовыми мерами социально-экономические, образовательные и просветительские.

Развитие уголовного законодательства в области борьбы с киберпреступностью является одним из главных направлений в современных условиях. Особенно это касается установления мер уголовного наказания за новые преступления в сфере компьютерной информации. Эффективность уголовного наказания во многом определяется его способностью адаптироваться к новым вызовам. Лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации, можно активно привлекать к работе по восстановлению причиненного вреда. Это обусловлено наличием у них специфических знаний и умений, которые возможно использовать на благо общества и государства. Разумеется, реализация данного направления потребует разработки строгих механизмов контроля над осужденными за киберпреступления, однако, на наш взгляд, возможность использования своих знаний и навыков во благо и для возмещения причиненного вреда для отмеченной категории лиц благоприятно скажется как на процессе их исправления, так и на дальнейшей постпенитенциарной ресоциализации. Целесообразно реализовывать это посредством исправительных центров (ИЦ), создавая как специализированные ИЦ для данной категории осужденных, так и отдельные участки на базе существующих. Тем более что уголовно-исполнительное законодательство допускает отбывание наказания в виде принудительных работ в ближайших субъектах, если в том, в котором лицо было осуждено, отсутствует такая возможность [3, с. 140].

Отметим возможность извлечения государством экономических выгод из использования труда киберпреступников. По нашему мнению, данная мера будет иметь широкое общепреventивное воздействие на других лиц, собирающихся совершить преступления в сфере компьютерной информации.

Терроризм и диверсионная деятельность представляют собой одну из самых серьезных угроз для национальной безопасности в современной обстановке. В 2024 г., по

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

данным Национального антитеррористического комитета, было предотвращено более 190 террористических актов на территории Российской Федерации, что свидетельствует о повышенном внимании правоохранительных органов к этой сфере. В свете высокой активности международных террористических группировок, а также подрывной деятельности на территории Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции различных иностранных спецслужб борьба с терроризмом и противодействие деятельности иностранных спецслужб остаются одними из основных направлений борьбы с преступностью в свете реализации концепции национальной безопасности. В связи с этим стоит отметить изменения уголовного законодательства, направленного на борьбу с диверсионной деятельностью, не только устанавливающие ряд новых терминов, но и вводящие дополнительно пожизненное лишение свободы по некоторым составам [4, с. 105].

Деятельность правоохранительных органов по предупреждению отмеченной группы преступлений помимо специальных и оперативно-розыскных мероприятий должна включать в себя меры, направленные на информирование граждан о возможностях вербовки их как в интернете, путем рассылки сообщений, приглашения в различные экстремистские группы, общения на соответствующих сайтах и т. д., так и в реальной жизни в различных религиозных организациях и общественных местах, и выработку у них установок по недопущению совершения действий террористического и диверсионного характера. Кроме того, необходимо разъяснять, в первую очередь в среде подростков и лиц пожилого возраста, суть диверсионных действий и ответственность за их совершение. Как показывают сотрудники уголовно-исполнительной системы, многие из совершивших диверсии граждан не осознавали тяжесть совершенных ими преступлений и реальные сроки лишения свободы, которые им грозят.

Просветительская работа по информированию граждан о тяжести совершения диверсий может строиться на репортажах и статьях средств массовой информации, постов в различных социальных сетях, в которых освещались условия отбывания наказания и его реальные сроки, лицами, совершившими диверсии и преступления террористического характера. Данные репортажи и посты целесообразно адресовать целевой аудитории вербовщиков данных преступлений (подростки, молодые люди до 25 лет с низким образовательным и культурным уровнем, пенсионеры, мигранты и т. д.)

Строгие меры наказания за указанные категории преступлений оказывают превентивный эффект на граждан, в первую очередь это касается лишения свободы на определенный срок и пожизненного лишения свободы. Однако невозможность привлечения к уголовной ответственности вербовщиков и инициаторов совершения таких действий ввиду объективных причин их нахождения вне пределов Российской Федерации является одной из главных проблем противодействия указанной категории преступлений, создающей реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Уголовное наказание играет ключевую роль в системе общественной безопасности и борьбы с преступностью в целом, обеспечивая защиту граждан от преступных посягательств. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2024 г. всего было осуждено 512 845 человек, что свидетельствует о востребованности уголовного наказания как меры обеспечения национальной безопасности и борьбы с преступностью. Кроме того, эти цифры демонстрируют необходимость совершенствования как самого института уголовного наказания и мер, с ним связанных,

в целом, так и отдельных видов и всей системы действующих уголовных наказаний, воплощения принципа их дифференциации и индивидуализации.

Список источников

1. Сыч В. К. Наказание и иные меры уголовно-правового характера на различных этапах развития Российского государства // Проблемы уголовной ответственности и наказания : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (Рязань, 19 мая 2023 г.). Рязань : Академия ФСИН России, 2023. С. 209–213.
2. Лебедев С. Я., Джафарли В. Ф. Перспективы развития уголовно-правовых инноваций в системе обеспечения криминологической кибербезопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 125–130.
3. Грушин Ф. В. Уголовное наказание в виде принудительных работ: некоторые проблемы применения // Проблемы уголовной ответственности и наказания : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (Рязань, 30 мая 2025 г.). Рязань : Академия ФСИН России, 2025. С. 138–141.
4. Иншаков С. М., Казакова В. А. Уголовно-правовые аспекты реализации стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 4(849). С. 104–107.

References

1. Sych, V. K. 2023, 'Punishment and other criminal law measures at various stages of the development of the Russian state', in *Problems of criminal responsibility and punishment: collection of materials from the International Scientific and practical Conference dedicated to the memory of Professors V. A. Eleonsky and N. A. Ogurtsov (Ryazan, May 19, 2023)*, pp. 209–213, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
2. Lebedev, S. Ya. & Jafarli, V. F. 2021, 'Prospects for the development of criminal law innovations in the system of criminological cybersecurity', *Humanities, socio-economic and social sciences*, iss. 5, pp. 125–130.
3. Grushin, F. V. 2025, 'Criminal punishment in the form of forced labor: some problems of application', in *Problems of criminal responsibility and punishment : collection of materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Professors V. A. Eleonsky and N. A. Ogurtsov (Ryazan, May 30, 2025)*, pp. 138–141, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
4. Inshakov, S. M. & Kazakova, V. A. 2023, 'Criminal law aspects of the implementation of the national security strategy of the Russian Federation', *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences*, iss. 4(849), pp. 104–107.

Информация об авторе

В. А. Казакова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин.

Information about the author

V. A. Kazakova – Sc.D (Law), Professor, head of the criminal law disciplines department

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 09.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 09.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.538-548

КРИМИНОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ (НАЦИОНАЛЬНОЙ) БЕЗОПАСНОСТИ (АНТИГОСУДАРСТВЕННАЯ КРИМИНОЛОГИЯ ИЛИ КРИМИНОАНТИГОСУДАРСТВОЛОГИЯ): ВНУТРЕННИЕ, ВНЕШНИЕ ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ АНТИГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Владислав Николаевич Орлов¹

¹ Редакция журнала «Российский криминологический взгляд», г. Москва, Россия, vlad-orlov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются внутренние и внешние причины, условия и факторы антигосударственной преступности как важнейший элемент предмета криминологии государственной (национальной) безопасности (антигосударственной криминологии или криминоантигосударствологии).

Ключевые слова: национальная безопасность, государственная безопасность, криминология национальной безопасности, криминология государственной безопасности

Для цитирования

Орлов В. Н. Криминология государственной (национальной) безопасности (антигосударственная криминология или криминоантигосударствология): внутренние, внешние причины, условия и факторы антигосударственной преступности // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 538–548. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.538-548.

Original article

CRIMINOLOGY OF STATE (NATIONAL) SECURITY (ANTI-STATE CRIMINOLOGY): INTERNAL AND EXTERNAL CAUSES, CONDITIONS AND FACTORS OF ANTI-STATE CRIME

Vladislav Nikolaevich Orlov¹

¹ Editorial board of the journal "Russian criminological view", Moscow, Russia, vlad-orlov@mail.ru

Abstract. The article examines the internal and external causes, conditions and factors of anti-state crime as the most important element of the subject of criminology of state (national) security (anti-state criminology or crimiointegrationology).

Keywords: national security, state security, criminology of national security, criminology of state security

For citation

Orlov, V. N. 2025, 'Criminology of State (national) security (anti-state criminology): internal and external causes, conditions and factors of anti-State crime', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 538–548, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.538-548.

Рассмотрим три основных тезиса, раскрывающих концепцию внутренних, внешних причин, условий и факторов антигосударственной преступности и ее основные понятия: введение и отдельные основы; внутренние общесоциальные причины, условия и факторы антигосударственной преступности; внешние общесоциальные причины, условия и факторы антигосударственной преступности.

I. Введение и отдельные основы. В теории общей криминологии проблемы причин и условий преступности и преступлений занимают особое место, поскольку если исследователь понимает причины и условия, то он может четко сформулировать меры предупреждения. Наоборот, в случае если понимания нет, то эффективные меры предупреждения вряд ли будут определены. Начиная с первого учебника криминологии (1966 г.) положения, касающиеся причин и условий преступности, преступного поведения и преступлений, включались во все учебные издания. До этого причины и условия преступлений, преступности в основном рассматривались в монографической литературе, диссертациях, статьях и т. д.

В 1976 г. в третьем издании первого учебника по криминологии И. И. Карпец утверждал, что «под причиной понимается явление (или совокупность взаимосвязанных явлений), которое порождает, производит другое явление, рассматриваемое в этих случаях как следствие. ... К причинам преступности относятся те социальные явления и процессы, которые вызывают ее, то есть порождают или обуславливают совершение преступных деяний. Условия, способствующие совершению преступлений, это конкретные, частные недостатки в различных сферах экономической и идеологической жизни общества, объективно существующие трудности в социальной жизни и т. д., которые сами по себе не порождают преступления, но облегчают их совершение» [6]. В принципе и в настоящее время исследователи исходят из подобного толкования причин и условий преступности.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

В 1980 г. и 1984 г. Г. А. Аванесов отмечал, что «для создания систематизированного учения о причинах и условиях преступности, ее факторах, а также обстоятельствах, способствующих преступлению, необходимо оценить значение самих этих терминов: «причины», «условия», «обстоятельства», «факторы», причем применительно как к преступности в целом (и отдельным ее видам), так и к конкретным преступлениям. ... Лишь немногие авторы определяют разницу между этими терминами, кроющимися за ними понятиями» [1, 2].

Под факторами понимаются те или иные конкретные явления или процессы, но не причины и не условия, хотя связь с последними существует [1, 2]. По мнению советских ученых, факторы преступности необходимо исследовать комплексно. При этом комплексность проявляется в двух направлениях. Во-первых, в необходимости исследования отрицательных и положительных факторов. Под отрицательными факторами следует понимать факторы, воздействующие на преступность, ее причины и условия позитивно, то есть стимулирующие их возникновение и развитие. Положительными факторами являются факторы, влияющие на преступность, ее причины и условия негативно, то есть противодействующие возникновению и развитию преступности, ее причин и условий. Во-вторых, в потребности привлечения к исследованию факторов преступности не только юристов, но и ученых разных наук: социологов, экономистов, политологов, психологов, педагогов и др.

В 1964 г. Б. С. Утевский отмечал, что «почему-то считается достаточным исследовать причины и условия преступности (то есть обстоятельства, вызывающие и облегчающие совершение преступлений). Такой подход чрезвычайно односторонен. Ведь состояние и динамика преступности определяется не только тем, что порождает ее и содействует ей, но и тем, что противодействует совершению преступлений, нейтрализует причины, их вызывающие, способствует в конечном итоге ликвидации преступлений.

Разнообразие корней преступности, многосторонность ее связей с различными отрицательными факторами, противодействие ей положительных факторов – все это свидетельствует о научной неправомерности ее изучения только с юридических позиций. Сложность проблемы требует именно комплексного к ней подхода. Очевидно, что такое комплексное исследование не под силу одним лишь юристам или представителям какой-либо другой общественной науки. Здесь требуется тесная научная кооперация социологов, экономистов, педагогов, психологов, юристов-криминалистов и т. д. В частности, объединение в данной области усилий криминологов и социологов целесообразно еще и потому, что наука об обществе изучает не только прогрессивные социальные процессы, но и отрицательные общественные явления, тормозящие в той или иной степени наше движение вперед (религиозные пережитки, тунеядство, алкоголизм и т. п.). Наиболее опасная форма таких явлений – это преступность» [6].

Заметим, что Б. С. Утевский причины и условия преступности объединил понятием «обстоятельства, вызывающие и облегчающие совершение преступлений». Данное утверждение дискуссионно и не соответствует современному пониманию концепции обстоятельств преступлений.

В юридической литературе указываются следующие факторы преступности: а) урбанизация (от лат. *urbanus* – городской), процесс концентрации населения в городах, повышения их роли в социально-экономическом развитии общества, распространения городского образа жизни на всю сеть населенных мест¹); б) миграция населения (пе-

¹ См.: Большая российская энциклопедия. Урбанизация. URL: <https://bigenc.ru/c/urbanizatsiia-54f860?ysclid=ly01p4pykd61230002> (дата обращения: 06.07.2024).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ремещение людей через административно-территориальные границы, связанное с их переселением из одного места в другое, часто с переменой места жительства на длительное время или навсегда; при пересечении государственной границы – международная миграция населения¹); в) рождаемость населения; г) изменение половозрастной структуры населения; д) свободное время; е) занятость женщин в общественном производстве; ж) образовательный и культурный уровень населения и др. [1, 2, 5].

Указанный перечень возможно дополнить еще тремя факторами: 1) научно-технологический процесс; 2) развитие и влияние киберпространства, в том числе развитие информационно-коммуникационных технологий, цифровизация различных сфер жизнедеятельности и т. д.; 3) информационное воздействие, в том числе деятельность средств массовой информации, уровень пропаганды и т. д.

В теории криминологии помимо понятий «причина, условие преступности и преступного поведения», «факторы преступности» используется термин «обстоятельства преступления».

Исследуя понятие «обстоятельства», Г. А. Аванесов предлагал: 1) не отвергая большую схожесть, отличать его от понятия «ситуация» как более широкое и менее конкретизированное, означающее положение, обстановку, совокупность обстоятельств; 2) использовать его применительно только к конкретному преступлению, ведя при этом речь также о «причинах» и «условиях» [1, 2].

Позднее, в 2012 г., О. В. Старков, рассматривая проблемы классификации и механизма взаимодействия причин и условий преступлений, определил два уровня, включающих в себя и пять видов причин, условий преступности, преступного поведения и преступлений.

I. Общесоциальный – содержит общесоциальные причины и условия преступности и особенные общесоциальные причины и условия типов преступности.

II. Личностно-микросредовый – охватывает личностно-микросредовые причины и условия преступного поведения, особенные личностно-микросредовые причины и условия типов преступного поведения, индивидуально значимые личностно-микросредовые причины и условия конкретного преступления [5].

Причины и условия классифицируются по различным основаниям.

Н. Ф. Кузнецова отмечала следующие основания классификаций и их виды, они определялись: 1) по уровню действия (субординации): а) преступности в целом, называемые иногда общими; б) видов (категорий, групп) преступлений; в) отдельных преступлений; 2) содержанию – на действующие в сферах: а) социально-экономической; б) идеологической; в) политической; г) социально-психологической; д) воспитательной; е) организационно-управленческой; 3) природе: а) формирующие в качестве предшествующего звена социально-психологические явления (причины), которые продуцируют преступность и преступления; б) способствующие проявлению преступности и преступлениям, наступлению последствий преступности и достижению преступных результатов; 4) близости к событию преступления: а) ближайшие; б) отдаленные; 5) определенной совокупности: непосредственные и опосредованные; 6) источникам: а) внутренние детерминанты преступности связаны с внутренними противоречиями нашего общества; б) внешние – с противоречиями на международной арене [4].

¹ См.: Большая российская энциклопедия 2004–2017. Миграция населения. URL: <https://old.bigenc.ru/economics/text/2211349?ysclid=ly026nogkh58109941> (дата обращения: 06.07.2024).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

В настоящее время активно развивается криминология государственной (национальной) безопасности (антигосударственная криминология или криминоантигосударствология), сформулированы ее концептуальные основы. Становление и развитие криминоантигосударствологии соответствует общей тенденции формирования, развития самостоятельных учений, освещающие взаимосвязь преступного множества с отдельными функциональными общественными системами, начатой еще с середины 70-х годов XX столетия в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) и продолжающейся в современной России.

Важнейшим элементом предмета криминоантигосударствологии являются причины, условия и факторы антигосударственной преступности, преступного поведения и преступлений против России.

Понятие причин, условий и факторов антигосударственной преступности, преступного поведения и преступлений важно для определения соответствующих мер предупреждения в статьях разрабатываемого Криминологического кодекса Российской Федерации. Предполагается, что нормы, касающиеся предупреждения антигосударственных преступлений, должны быть включены в главу «Предупреждение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела VII «Предупреждение преступлений против государственной власти» Особенной части Криминологического кодекса Российской Федерации.

Учитывая изложенное, перейдем к анализу причин, условий и факторов антигосударственной преступности, преступного поведения и преступлений против России. Принимая во внимание специфику и особый характер антигосударственной преступности, преступного поведения и преступления, возьмем за основу классификацию причин и условий по источнику их возникновения на внутренние, возникшие внутри России, и внешние, зародившиеся за пределами России, вне ее границ.

В настоящее время указанная классификация применяется не только для анализа современных угроз национальной безопасности России, но и для определения самого понятия «национальная безопасность». Так, в подп. 1 ч. 5 п. 2 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, определяется, что «национальная безопасность Российской Федерации (далее – национальная безопасность) – состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от **внешних и внутренних угроз** (выделено авт. – В. О.), при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»¹.

II. Внутренние общесоциальные причины, условия и факторы антигосударственной преступности, то есть возникшие внутри Российской Федерации. Внутренние общесоциальные причины антигосударственной преступности – это те социальные явления, процессы или их совокупность, которые порождают антигосударственную преступность на территории России. Внутренними общесоциальными причинами антигосударственной преступности являются противоречия социального бытия и общественного сознания в сфере государственной деятельности.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27. Ч. 2. Ст. 5351.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Основываясь на утверждении К. Маркса о том, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹, прежде всего, рассмотрим противоречия в сфере социального бытия в процессе государственной деятельности.

1. Одно из основных противоречий заключается в том, что, с одной стороны, согласно ст. 2 Конституции РФ «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», с другой стороны, именно государство, обладая самым масштабным аппаратом принуждения и защищая своих граждан, применяет меры принуждения в отношении отдельных лиц. В некоторых случаях принудительная деятельность самого государства наносит непоправимый вред законным правам граждан. Как правило, государство признает свои ошибки и гражданин реабилитируется, иногда даже посмертно. Отметим, что в дальнейшем судебные и иные ошибки, просчеты различных государственных органов эффективно используются деструктивными силами внутри России.

По мнению И. С. Штода, «государственное принуждение в правовом государстве характеризуется, помимо того, что осуществляется в целях защиты прав человека и тем самым обеспечения общего блага, следующими чертами. Государственное принуждение не должно унижать достоинство человека. Государственное принуждение должно быть соразмерным и обоснованным. Государственное принуждение имеет нормативный характер. Государственное принуждение должно осуществляться на основании качественного законодательного материала» [7].

2. Противоречия между властью законной и властью фактической, олицетворяемой представителями иностранных государств, различных международных организаций, зарубежных общественных объединений, компаний, частных образовательных учреждений, религиозных организаций и др., действующих на территории России.

3. Отдельные экономические противоречия, которые заключаются в том, что, с одной стороны, в соответствии с ч. 1 ст. 7 Конституции РФ «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека», с другой стороны, государство не может эффективно регулировать различия в доходах граждан. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), «с мнением, что различия в доходах в нашей стране слишком велики, согласны 69 % опрошенных россиян... каждый второй считает, что государство должно сокращать разницу в доходах между людьми»². Достойная жизнь и свободное развитие человека, провозглашенные в Конституции РФ, для большей части населения становятся весьма относительными.

Противоречия в сфере общественного сознания в процессе государственной деятельности:

1) противоречия, которые образуются вследствие взаимодействия обычаев, традиций, стереотипов, моделей поведения, нравов, характерных, с одной стороны, для граждан России и иных лиц, находящихся в России, представителей западной или зарубежной культуры, идеологии, то есть в целом западной цивилизации, с другой – для россиян –

¹ Большая российская энциклопедия. К. Маркс. URL: <https://bigenc.ru/c/marks-karl-6e0011?ysclid=lya5sbc4m648420383> (дата обращения: 06.07.2024).

² Неравенство доходов: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neravenstvo-dokhodov-monitoring?ysclid=ly5pkd67un48309166> (дата обращения: 06.07.2024).

носителей идей русской цивилизации, защитников русских (российских) традиционных ценностей, идей и взглядов;

2) противоречия в информационной, образовательной и управленческой сферах: с одной стороны, государство, относительно ограничивая, допускает деятельность иностранных средств массовой информации, иностранных агентов, лиц с двойным, тройным гражданством, обладающих значительным капиталом за пределами России, зарубежных преподавателей в информационной и образовательной сферах, управлении и т. д., с другой – именно эта деятельность несет в себе современные угрозы нашей информационной, образовательной и управленческой безопасности, является источником недостоверной информации, пропаганды антироссийских взглядов, наносит колоссальный вред современной российской молодежи, формируя у нее ошибочное представление о роли государства в различных социально-экономических, политических и иных процессах;

3) противоречия в сфере познания и педагогической деятельности: с одной стороны, в государственных образовательных и иных учреждениях идет сокращение часов по отдельным юридическим дисциплинам, касающимся проблем борьбы с преступностью, с другой – современная криминологическая ситуация в мире, активная антигосударственная деятельность подтверждают острую востребованность в специалистах, обладающих соответствующими специальными юридическими знаниями. Так, в настоящее время активно формируется и развивается новое учение – антигосударственная криминология (криминоантигосударствология), которая должна в обязательном порядке преподаваться в соответствующих ведомственных вузах.

К внутренним общесоциальным условиям антигосударственной преступности относятся следующие:

1. Правовые условия – отсутствие эффективной правовой базы для борьбы с антигосударственной преступностью, преступным поведением и преступлениями против России, предупреждением антигосударственной деятельности и т. д. Нормы, касающиеся предупреждения антигосударственных преступлений, должны быть включены в главу «Предупреждение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства» раздела VII «Предупреждение преступлений против государственной власти» Особенной части Криминологического кодекса Российской Федерации. Необходимо, как можно скорее разработать проект Криминологического кодекса Российской Федерации.

2. Недостатки и просчеты в деятельности отдельных субъектов:

а) в кадровых подразделениях соответствующих органов: не разрабатываются дополнительные меры по изучению будущих кандидатов в соответствующие подразделения, нет постоянного изучения лиц и нет внедрения дополнительных мер контроля за поведением лиц, потенциально способных совершить преступления против России, и др.;

б) в правоохранительных и иных органах в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации: лица, склонные и потенциально способные совершить антигосударственные преступления, а также освобожденные от отбывания уголовного наказания, не находятся под постоянным контролем со стороны соответствующих правоохранительных и иных органов в сфере обеспечения безопасности государства, не применяются электронные и иные современные средства и способы контроля и т. д., неэффективная собственная деятельность правоохранительных и иных органов в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации, не только способствующая совершению служебных и иных преступлений в самих органах, но и создающая

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

негативную среду для совершения антигосударственных преступлений и антигосударственной преступности;

в) в различных общественных организациях: отсутствует эффективная система предупредительной работы и контроля со стороны общественных организаций за поведением лиц, склонных и потенциально способных совершить антигосударственные преступления, а также за теми, кто уже совершил данные преступления.

3. Деятельность деструктивных сил внутри страны, в том числе лиц, находящихся под иностранным влиянием: данное условие основывается на отдельных законодательных положениях: 1) в п. 44 Стратегии национальной безопасности РФ указывается, что деструктивные силы «внутри страны предпринимают попытки использования объективных социально-экономических трудностей в Российской Федерации в целях стимулирования негативных социальных процессов, обострения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, манипулирования в информационной сфере»; 2) согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» под иностранным влиянием понимается предоставление иностранным источником лицу поддержки и (или) оказание воздействия на лицо, в том числе путем принуждения, убеждения и (или) иными способами¹.

Внутренними общесоциальными факторами антигосударственной преступности выступают явления или процессы, создающие фон, но не порождающие антигосударственную преступность и не способствующие ей, то есть не причины и не условия, возникающие внутри России. В настоящее время среди факторов антигосударственной преступности особо следует отметить управленческие, миграционные, демографические и иные процессы.

III. Внешние общесоциальные причины, условия и факторы антигосударственной преступности. Внешние общесоциальные причины антигосударственной преступности – это те социальные явления, процессы или их совокупность, которые зародились или возникли за пределами России, вне ее границ. Внешними общесоциальными причинами антигосударственной преступности являются противоречия социального бытия и общественного сознания в сфере международной, межгосударственной и иной деятельности отдельных государств.

К противоречиям в сфере социального бытия в процессе международной, межгосударственной и иной деятельности отдельных зарубежных государств следует отнести:

1) противоречия между нормативно регламентированной деятельностью отдельных государств и союзов, основанной на международном праве, и их фактической деятельностью, направленной на перераспределение мирового экономического потенциала развития, глобальных рынков и ресурсов, создание новой структуры мирового порядка, формирование иных правил и принципов мироустройства, отличающихся от общепризнанных в мире;

2) некоторые экономические противоречия заключаются в том, что, с одной стороны, создаются различные экономические межгосударственные союзы, направленные на совершенствование экономической деятельности во всем мире, с другой – применяются различные санкции в отношении отдельных неугодных государств, задерживающие их экономическое развитие, негативно влияющие в целом на экономические отношения и стабильность во всем мире;

¹ См.: О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием : федер. закон от 14 июля 2022 г № 255-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 29. Ч. 2. Ст. 5222.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

3) противоречие между деятельностью, направленной на защиту государственного суверенитета, и деятельностью, не только связанной с вмешательством во внутренние дела отдельных государств, но и преследующей разделение государств на несколько его частей, обосновывая свои действия правом народов на самоопределение. Данное противоречие подтверждается и законодательным положением. Так, в пп. 94, 95 Стратегии национальной безопасности РФ отмечается, что «перераспределение мирового потенциала развития, формирование новой архитектуры, правил и принципов мироустройства сопровождаются нарастанием геополитической нестабильности, обострением межгосударственных противоречий и конфликтов. Страны, теряющие безусловное лидерство, пытаются диктовать другим членам международного сообщества свои правила, используют средства недобросовестной конкуренции, применяют в одностороннем порядке ограничительные меры (санкции), открыто вмешиваются во внутренние дела суверенных государств. Такие действия ведут к расшатыванию общепризнанных принципов и норм международного права, ослаблению и разрушению существующих институтов и режимов международно-правового регулирования, обострению военно-политической обстановки, снижению предсказуемости и ослаблению доверия в отношениях между государствами».

Противоречиями в сфере общественного сознания в процессе международной, межгосударственной и иной деятельности отдельных зарубежных государств являются:

1) противоречие между провозглашенными духовно-нравственными, культурно-историческими ценностями в мире, сформированными в общественном сознании в течение ряда лет, с одной стороны, и реальной деятельностью, направленной на их разрушение и переформатирование путем негативного воздействия на общественное сознание россиян – с другой. Данное противоречие подтверждается п. 87 Стратегии национальной безопасности РФ, согласно которому «традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций. Они оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации»;

2) противоречие между сложившимися взглядами в мировом общественном сознании о роли и месте России, историческом, культурном, научном и ином наследии России и т. д., с одной стороны, и создание, конструирование в общественном сознании из России образа врага, манипулирование общественным мнением с целью оправдания действий, направленных на разрушение культурного суверенитета России, формирование разобщенности граждан, различных социальных групп и сообществ, подрыв политической стабильности и важнейших основ государственности – с другой. В дальнейшем сформированный в общественном сознании мировой общественности негативный образ России, образ врага не только поможет оправдать агрессивное поведение одного или нескольких государств по отношению к нам, но и будет перенесен в Россию для формирования уже внутри нашей страны негативного отношения граждан к своей Родине, своему руководству и т. д.

Внешними общесоциальными условиями антигосударственной преступности являются:

1) деятельность недружественных стран и деструктивных сил за рубежом. Данное условие основывается на отдельных нормах Стратегии национальной безопасности РФ:

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

«недружественные страны пытаются использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества. Все более активно применяются не прямые методы, направленные на провоцирование долговременной нестабильности внутри Российской Федерации» (п. 20); деструктивные силы «за рубежом предпринимают попытки использования объективных социально-экономических трудностей в Российской Федерации в целях стимулирования негативных социальных процессов, обострения международных и межконфессиональных конфликтов, манипулирования в информационной сфере» (п. 44);

2) разведывательная и иная деятельность спецслужб и организаций иностранных государств. Данное условие подтверждается п. 44 Стратегии национальной безопасности РФ, в котором указывается, что «не ослабевает активность разведывательной и иной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, осуществляемой в том числе с использованием подконтрольных им российских общественных объединений и отдельных лиц»;

3) деятельность международных террористических и экстремистских организаций. Указанное условие основывается на положении п. 44 Стратегии национальной безопасности РФ, который гласит, что «международные террористические и экстремистские организации стремятся усилить пропагандистскую работу и работу по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечению в противоправную деятельность российской молодежи. Для распространения недостоверной информации, организации незаконных публичных акций широко используются возможности глобальных интернет-компаний».

Внешние общесоциальные факторы антигосударственной преступности – это явления или процессы, создающие фон, но не порождающие и не способствующие антигосударственной преступности, то есть не причины и не условия, возникающие за пределами России. В настоящее время среди внешних факторов антигосударственной преступности заслуживают особого внимания научно-технологические процессы, в том числе развитие информационно-коммуникационных технологий, мировые экономические процессы, экологические процессы, развитие рационального природопользования, а также социальные, правовые и иные зарубежные и международные современные явления и процессы.

Список источников

1. Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М. : Академия МВД СССР, 1980. 175 с.
2. Аванесов Г. А. Криминология. 2-изд., перераб. и доп. М. : Академия МВД СССР, 1984. 188 с.
3. Карпец И. И. Причины преступности в СССР // Криминология. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1976. Гл. 7. 124 с.
4. Кузнецова Н. Ф. Причины и условия преступности // Криминология. М. : Изд-во МГУ, 1994. Гл. 7.
5. Старков О. В. Криминология: Общая, Особенная и Специальная части : учебник. СПб. : Изд-во Юрид. центр Пресс, 2012. 1048 с.
6. Утевский Б. С. Социологические исследования и криминология // Вопросы философии. 1964. № 2.

7. Штода И. С. Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 152 с.

References

1. Avanesov, G. A. 1980, *Criminology and social prevention*, Academy of the USSR Ministry of Internal Affairs, Moscow.
2. Avanesov, G. A. 1984, *Criminology*, 2nd edn, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Moscow.
3. Karpets, I. I. 1976, 'The causes of crime in the USSR', in *Criminology*, 3rd edn, Moscow.
4. Kuznetsova, N. F. 1994, 'Causes and conditions of crime', in *Criminology*, Publishing house of Moscow State University, Moscow.
5. Starkov, O. V. 2012, *Criminology: General, Special and Special parts: textbook*, Publishing house of the Legal Center Press, St. Petersburg.
6. Utevsky, B. S. 1964, 'Sociological research and criminology', *Questions of philosophy*, iss. 2.
7. Shtoda, I. S. 2020, *State coercion in modern Russia: a theoretical and legal study: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Информация об авторе

В. Н. Орлов – доктор юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Российский криминологический взгляд».

Information about the author

V. N. Orlov – Sc.D (Law), Associate Professor, Editor-in-Chief of the journal "Russian criminological view"

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; одобрена после рецензирования 09.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 15.10.2025; approved after reviewing 09.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Научная статья

УДК 343.13

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).3.549-560

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Ратмир Вячеславович Беспамятнов^{1,2}

¹ Северо-Западный филиал Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, bespamyatnovrv@mail.ru

² Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации

Аннотация. На основе изучения положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О противодействии терроризму», Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и других нормативных правовых актов приводятся основные направления использования результатов оперативно-розыскной деятельности: в уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной, уголовно-исполнительной и иных видах деятельности, в сфере борьбы с терроризмом, в области обеспечения безопасности защищаемых лиц, противодействия экстремистской деятельности, для проверки достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение соответствующих должностей. Формулируется вывод о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут также использоваться при проведении контртеррористических и иных подобных мероприятий, которые осуществляются и при введении чрезвычайного или военного положения, в иных особых условиях. Акцентируется внимание на том, что результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные с учетом скорректированной организации деятельности соответствующих правоохранительных органов в особых условиях, могут использоваться для решения специфических задач, обусловленных введением чрезвычайного или военного положения и возникновением других особых условий.

© Беспамятнов Р. В., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, особые условия, чрезвычайное положение, военное положение, уголовно-процессуальная деятельность, доказывание

Для цитирования

Беспамятнов Р. В. Результаты оперативно-розыскной деятельности и их использование в особых условиях: постановка проблемы // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 549–560. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.549-560.

PENAL LAW IN THE CONDITIONS OF NATURAL DISASTER, EMERGENCY OR MARTIAL LAW

Original article

THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND THEIR USE IN SPECIAL CONDITIONS: PROBLEM STATEMENT

Ratmir Vyacheslavovich Bespamyatnov^{1,2}

¹ Northwest Branch of the Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, bespamyatnovrv@mail.ru

² St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Abstract. The article is based on the study of the provisions of the Federal Law "On Operational Investigative Activities", the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Penal Code of the Russian Federation, the Federal Law "On Countering Terrorism", the Federal Law "On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings", the Federal Law "On Countering Extremist Activity activities" and other regulatory legal acts provide the main directions for using the results of operational investigative activities: in criminal procedure, operational investigation, penal and other types of activities, in the field of combating terrorism, in the field of ensuring the safety of protected persons, countering extremist activities, to verify the accuracy and completeness of information provided by citizens applying for relevant positions. The conclusion is formulated that the results of operational investigative activities can also be used in conducting counter-terrorism and other similar activities that are carried out during the introduction of a state of emergency or martial law, in other special conditions. Attention is focused on the fact that the results of operational investigative activities, obtained taking into account the adjusted organization of the activities of relevant law enforcement agencies in special conditions, can be used to solve specific tasks caused by the introduction of a state of emergency or martial law and the emergence of other special conditions.

Keywords: results of operational investigative activities, special conditions, state of emergency, martial law, criminal procedural activity, evidence

For citation

Bespamyatnov, R. V. 2025, 'The results of operational investigative activities and their use in special conditions: problem statement', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 549–560, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.549-560.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») не содержит понятия результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД), хотя оно активно обсуждается в юридической литературе [1, с. 51; 2, с. 21–26; 3, с. 215–217].

С учетом того что ОРД ориентирована на решение уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных и иных проблем, а также перечня задач ОРД, перечисленных в ст. 2 ФЗ «Об ОРД» [4, с. 51–54; 5–7], понятие ее результатов содержится в УПК РФ, согласно которому это сведения, полученные в соответствии с ФЗ «Об ОРД», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ). В то же время правовая основа ОРД не ограничивается одноименным законом [8, с. 54–59], а включает в себя иные федеральные законы и принятые в соответствии с ними другие нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти (ст. 4 ФЗ «Об ОРД»). Это подразумевает возможность регулирования ОРД и ее результатов в других документах: УИК РФ, федеральных законах «О противодействии терроризму», «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», «О противодействии экстремистской деятельности», «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», «О Федеральной службе безопасности» и др.

Понятие, определенное в ст. 5 УПК РФ, связывает результаты ОРД исключительно с уголовным судопроизводством (но не с иными видами правоохранительной деятельности. – *примеч. авт.*), имеет так называемую уголовно-процессуальную интерпретацию [9, с. 46–48; 10, с. 6; 11, с. 296–301; 12, с. 57–64; 13, с. 59] и базируется только на реализации положений самого ФЗ «Об ОРД» (но не других нормативных правовых актов. – *примеч. авт.*).

В юридической литературе имеются различные подходы к определению понятия результатов оперативно-розыскной деятельности [14, с. 109; 15, с. 47; 16, с. 48; 17, с. 55] (некоторые из них частично дублируют друг друга. – *примеч. авт.*), среди которых можно выделить три, когда результаты ОРД оцениваются:

- 1) исключительно с уголовно-процессуальной точки зрения;
- 2) дополнительно в контексте решения оперативно-розыскных задач;
- 3) для реализации уголовно-исполнительных и иных функций, в том числе в области обеспечения национальной безопасности.

Несмотря на то что в ФКЗ «О чрезвычайном положении» имеются единичные положения об особенностях отдельных аспектов уголовно-процессуальной деятельности, например, о возможности продления срока содержания под стражей лиц, задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца в случае введения чрезвычайного положения (ст. 12), оперативно-розыскное законодательство не предусматривает особенности как осуществления в целом ОРД, так и использования ее результатов в особых условиях (при введении чрезвычайного положения, в период контртеррори-

стической операции и пр.) [18, 19, 20, с. 64–74]. В то же время в период действия чрезвычайного положения, когда возникают обстоятельства, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю РФ и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер (попытки насильственного изменения конституционного строя РФ, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий и т. п.), объективно деятельность правоохранительных и иных государственных органов будет скорректирована (основы этого заложены в ст. 11, 12, 17, 35, 36 и др. ФКЗ «О чрезвычайном положении»), что не может не сказаться на организации осуществления ОРД и использования ее результатов.

Согласно ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использовать результаты ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ. В соответствии со ст. 11 ФЗ «Об ОРД» результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. В связи с этим в законодательстве установлен особый порядок представления таких результатов, закрепленный на подзаконном уровне – в Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. В то же время она также не предусматривает особенности представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд, объективно возникающих при введении чрезвычайного или военного положения либо в других особых условиях.

В теории оперативно-розыскной деятельности вопрос об использовании результатов ОРД остается одним из активно обсуждаемых в юридической литературе [21–24].

С учетом ст. 2, 7, 8.1, 11, 12 ФЗ «Об ОРД», ст. 38, 89 УПК РФ, ст. 84 УИК РФ, ст. 24 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», ст. 18 ФЗ «О противодействии терроризму», ст. 6 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ст. 34 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», ст. 9, 9.1 и др. ФЗ «О Федеральной службе безопасности», ст. 13 Закона РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» выделим основные направления использования результатов ОРД (в данном случае имеет место определенная условность выделения этих направлений, в том числе ввиду того, что некоторые из них частично дублируют друг друга ввиду схожести решаемых задач и достигаемых целей. – примеч. авт.).

Основным направлением использования результатов ОРД является как таковая сама ОРД. Здесь ее результаты используются для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, обеспечения безопасности органов, осуществляющих ОРД,

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ...

розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших, обеспечения конфиденциальности организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), используемых или использованных при проведении негласных ОРМ силами, средствами, источниками, методами, планах и результатах ОРД, а также лиц, внедренных в организованные преступные группы, специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями, штатных негласных сотрудников органов, осуществляющих ОРД, иных лиц, оказывающих им содействие; допуска лиц к участию в ОРД или доступа к материалам, полученным в результате ее осуществления; установления или поддержания с лицом отношений сотрудничества при подготовке и проведении ОРМ; обеспечения безопасности и сохранности имущества своих сотрудников, лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД, участников уголовного судопроизводства, а также членов семей и близких указанных лиц от преступных посягательств. В то же время имеется ряд направлений использования результатов ОРД.

1. В уголовно-процессуальной деятельности – для возбуждения уголовного дела, раскрытия и расследования преступлений, подготовки и осуществления следственных и судебных действий, использования в доказывании по уголовным делам, исполнения поручений дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа о проведении ОРМ по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, а также решения суда по уголовным делам, производства отдельных следственных действий, исполнения постановлений следователя или дознавателя о задержании, приводе, об аресте, производстве иных процессуальных действий.

2. В контексте обеспечения безопасности РФ – для добывания информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственного, военного, экономического, информационного, экологического и иного характера.

3. В уголовно-исполнительной деятельности или при реализации различных мер уголовно-правового характера – с целью обеспечения личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявления, предупреждения и раскрытия готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; установления имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации.

4. В налоговой сфере – для контроля и надзора за соблюдением законодательства о налогах и сборах, обеспечения представления интересов государства в делах о банкротстве, а также реализации полномочий в сфере государственной регистрации юридических лиц.

5. Для борьбы с терроризмом, выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия шпионажа, организованной преступности, коррупции, незаконного оборота оружия и наркотических средств, контрабанды, представляющих угрозу безопасности РФ, деятельности незаконных вооруженных формирований, преступных групп, отдельных лиц и общественных объединений, ставящих своей целью насильственное изменение конституционного строя РФ, путем проведения оперативно-розыскных, контрразведывательных, антитеррористических и иных мероприятий, в том числе специальных операций, а также ограничения или запрета передвижения граждан и транспортных средств по отдельным участкам местности (на отдельных объектах), обязывания граждан оставаться там или покинуть эти участки (объекты).

6. При допуске лиц к сведениям, составляющим государственную тайну.

7. В области обеспечения безопасности в отношении защищаемых лиц – для осуществления мер безопасности и мер социальной поддержки с определением способов их применения, соблюдения защищаемыми лицами условий применения в отношении их мер безопасности.

8. Для проверки достоверности сведений о законности происхождения денег, ценностей, иного имущества и доходов от них у близких родственников, родственников и близких лиц лица, совершившего террористический акт, при наличии достаточных оснований полагать, что деньги, ценности и иное имущество получены в результате террористической деятельности.

9. При допуске лиц к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды.

10. При предоставлении либо аннулировании лицензии на осуществление частной детективной или охранной деятельности, переоформлении документов, подтверждающих наличие лицензии, выдаче (продлении срока действия, аннулировании) удостоверения частного охранника.

11. При выдаче (предоставлении), переоформлении, изъятии и (или) аннулировании лицензий на приобретение, экспонировании или коллекционировании оружия, разрешении на ношение и использовании охотничьего оружия, разрешении на хранение, хранение и ношение, хранение и использование оружия и патронов к нему, их ввоз в РФ либо вывоз из РФ, а также при внесении изменений в реестры указанных лицензий и разрешений.

12. Для проверки достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение: должности судьи, государственных должностей РФ, государственных должностей субъектов РФ, должностей глав муниципальных образований, муниципальных должностей, замещаемых на постоянной основе, должностей федеральной государственной службы, должностей государственной гражданской службы субъектов РФ, должностей муниципальной службы, должностей в государственной корпорации, служащих Центрального банка РФ и т. д., а также соблюдения ими соответствующих ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и об исполнении ими обязанностей, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и об исполнении обязанностей.

13. Для проверки факта установления иностранным инвестором или группой лиц, в которую входит иностранный инвестор, контроля над хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также факта наличия между иностранным инвестором и третьими лицами соглашения и (или) их согласованных действий, направленных на установление такого контроля.

14. В рамках противодействия терроризму, в том числе осуществляемого путем проведения контртеррористической операции, включающего в себя предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие и/или расследование: террористического акта, его организации, планирования, подготовки, финансирования и реализации; подстрекательства к террористическому акту; организации незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, участия в такой структуре; вербовки, вооружения, обучения и использования террористов; информационного или иного пособничества в

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ...

планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганды идей терроризма, распространения материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

15. Для противодействия экстремистской деятельности, включающей в себя предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие и/или расследование насильственного изменения основ конституционного строя и (или) нарушения территориальной целостности РФ; публичного оправдания терроризма и иной террористической деятельности; возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствования законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершения преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ; использования нацистской атрибутики или символики; массового распространения заведомо экстремистских материалов, их изготовления или хранения в целях массового распространения.

16. Для исполнения запросов международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов и специальных служб иностранных государств.

Таким образом, результаты ОРД могут использоваться и при проведении контртеррористических и иных подобных мероприятий, которые также осуществляются в особых условиях при введении чрезвычайного или иного подобного положения (например, согласно ст. 3 ФКЗ «О чрезвычайном положении»). В то же время при введении чрезвычайного положения перед органами, осуществляющими ОРД, и иными государственными органами может возникнуть необходимость реализации мер и временных ограничений, применяемых в такой период, в виде установления ограничений на свободу передвижения; усиления охраны общественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране, и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта; запрета или ограничения проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, иных массовых мероприятий; обеспечения соблюдения условий комендантского часа; проверки документов, удостоверяющих личность граждан, личного досмотра, досмотра их вещей, жилища и транспортных средств; выдворения лиц, нарушающих режим чрезвычайного положения и не проживающих на территории, на которой введено чрезвычайное положение, за ее пределы; продления срока содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца; временного отселения жителей в безопасные районы; введения карантина, проведения санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других мероприятий; устранения причин и последствий обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения (ст. 12, 13 и др. ФКЗ «О чрезвычайном положении»). В этом случае результаты ОРД, полученные в условиях скорректированной организации деятельности соответствующих государственных органов, также могут использоваться в особых условиях для принятия указанных и иных

специфических мер, обусловленных введением чрезвычайного положения, и не обязательно ориентироваться на уголовно-процессуальные и иные вопросы, традиционно разрешаемые в соответствии с положениями ФЗ «Об ОРД», УПК РФ, УИК РФ и других нормативных правовых актов.

Похожая ситуация возникает и с военным положением, когда результаты ОРД могут быть использованы: для усиления охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, охраны военных, важных государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей природной среды; временного отселения жителей в безопасные районы с обязательным предоставлением им стационарных или временных жилых помещений; обеспечения особого режима въезда на территорию, на которой введено военное положение, и выезда с нее, ограничения свободы передвижения по ней; привлечения граждан к выполнению работ для нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановлению поврежденных (разрушенных) объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов, участия в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями; изъятия необходимого для нужд обороны имущества у организаций и граждан; запрещения или ограничения выбора места пребывания либо места жительства; запрещения или ограничения проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий; ограничения движения транспортных средств и осуществление их досмотра; запрета нахождения граждан на улицах и в иных общественных местах в определенное время суток и осуществления проверки документов, удостоверяющих личность граждан, личного досмотра, досмотра их вещей, жилища, досмотра и задержания транспортных средств; административного задержания на срок до 30 суток; принудительного и контролируемого перемещения граждан с территории, на которой введено военное положение, на территории, на которых военное положение не введено; запрещения продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых и ядовитых веществ, установления особого режима оборота лекарственных средств и препаратов, содержащих наркотические и иные сильнодействующие вещества, спиртных напитков; военной цензуры за почтовыми отправлениями и сообщениями, передаваемыми с помощью телекоммуникационных систем, контроля за телефонными переговорами; интернирования (изоляция) граждан иностранного государства, воюющего с РФ; запрещения или ограничения выезда граждан за пределы территории РФ (ст. 7, 8, 14 и др. ФКЗ «О военном положении»).

Таким образом, в период военного положения результаты ОРД могут использоваться для решения еще более специфических вопросов, нежели при чрезвычайном положении, таких как интернирование (изоляция) граждан иностранного государства, воюющего с РФ, изъятие необходимого для нужд обороны имущества у организаций и граждан, ограничение выезда граждан за пределы территории РФ и т. п.

Изложенное свидетельствует о том, что актуально исследование теоретико-практических аспектов использования результатов ОРД в особых условиях, которые будут отличаться от тех направлений, которые закреплены в ФЗ «Об ОРД», УПК РФ, УИК РФ и иных нормативных правовых актах, поскольку они не обязательно нацелены на решение оперативно-розыскных, уголовно-процессуальных и иных вопросов, традиционно рассматриваемых в науке ОРД.

Список источников

1. Мешков В. М. Оперативно-розыскная тактика и особенности использования полученных результатов в ходе предварительного расследования : учеб.-практ. пособие. М. : Щит-М, 2003. 107 с.
2. Нагиленко Б. Я. О понятии результата оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2006. № 4(9). С. 21–26.
3. Омелин В. Н. О понятии и значении результатов оперативно-розыскной деятельности // Закон и право. 2023. № 3. С. 215–217.
4. Горяинов К. К., Щетнев Л. Е. Некоторые проблемы соблюдения особых условий проведения оперативно-розыскного мероприятия «Прослушивание телефонных переговоров оперативными подразделениями учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 51–54.
5. Кудрявцев А. В. Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2012. 44 с.
6. Поляков М. П., Попов А. П., Попов Н. М. Уголовно-процессуальное использование результатов оперативно-розыскной деятельности: проблемы теории и практики : монография. Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 1998. 107 с.
7. Щетнев Л. Е. Проблемы правового регулирования организации и тактики оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе : монография. Иваново : ИПК «ПресСто», 2011. 90 с.
8. Мирошниченко А. Ю. Понятие результатов оперативно-розыскной деятельности и их использование в процессе доказывания // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2014. № 1(26). С. 54–59.
9. Бозров В. М. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 46–48.
10. Доля Е. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Советская юстиция. 1993. № 3. С. 6.
11. Поляков М. П. О методологической ценности понятия «уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Право. 2000. № 1. С. 296–301.
12. Харченко С. В., Пальцев А. А. Предоставление результатов оперативно-розыскной деятельности при проведении тактической операции «задержание с поличным» при расследовании взяточничества // Вестник Санкт-Петербургской академии Следственного комитета. 2024. № 1(1). С. 57–64.
13. Шейфер С. А. Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу // Государство и право. 1997. № 9. С. 59.
14. Об оперативно-розыскной деятельности : комментарий к Федеральному закону / отв. ред. А. Ю. Шумилова. М. : Вердикт-1М, 1997. 205 с.
15. Зажицкий В. И. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 47.
16. Ильиных В. Л. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: науч.-практ. коммент. Саратов, 1999. 73 с.
17. Михайлов В. И. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция : учеб.-практ. пособие. М. : Изд. И. И. Шумилова, 1998. 92 с.

18. Баранов А. М., Антонов М. Е., Кондратюков С. С. Особенности обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел при выполнении задач в особых условиях : учеб.пособие. Омск : Омская академия МВД России, 2024. 92 с.

19. Середа В. Н. Особые условия и их влияние на управление деятельностью отечественных сил обеспечения безопасности (теоретико-прикладной анализ) : монография. М. : БДЦ-Пресс, 2006. 117 с.

20. Тарасенко А. А., Кириченко Ю. Н. Отдельные аспекты обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел при действиях в особых условиях // Научный компонент. 2024. № 4(24). С. 64–74.

21. Земскова А. В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 423 с.

22. Мелихов А. И. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2023.

23. Семенцов В. А., Дзабиев У. К. Уголовно-процессуальные направления использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в досудебном производстве : монография. М. : Юрлитинформ, 2024. 181 с.

24. Чабукиани О. А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2023. 553 с.

References

1. Meshkov, V. M. 2003, *Operational search tactics and features of using the results obtained during the preliminary investigation: a training manual*, Shield-M, Moscow.

2. Nagilenko, B. Ya. 2006, 'On the concept of the result of operational investigative activity', *Operative (detective)*, iss. 4(9), pp.21–26.

3. Omelin, V. N. 2023, 'On the concept and meaning of the results of operational investigative activities', *Law and Law*, iss. 3, pp. 215–217.

4. Goryainov, K. K. & Shchetnev, L. E. 2020, 'Some problems of compliance with the special conditions of the operational search event "Wiretapping of telephone conversations by operational units of institutions and bodies of the penal system"', *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, iss. 3(56), pp. 51–54.

5. Kudryavtsev, A. V. 2012, *Theoretical and applied problems of operational investigative activities in the Russian penal system: Sc.D thesis (Law)*, Vladimir.

6. Polyakov, M. P., Popov, A. P. & Popov, N. M. 1998, *Criminal procedural use of the results of operational investigative activities: problems of theory and practice: monograph*, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk.

7. Shchetnev, L. E. 2011, *Problems of legal regulation of the organization and tactics of operational investigative activities in the penal system: monograph*, IPK "PresSto", Ivanovo.

8. Miroshnichenko, A. Y. 2014, 'The concept of the results of operational investigative activities and their use in the evidence process', *Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss.1(26), pp. 54–59.

9. Bozrov, V. M. 2004, 'The results of operational investigative activities – the status of evidence in criminal proceedings', *Russian Justice*, iss. 4, pp. 46–48.

10. Dolya, E. A. 1993, 'The use of the results of operational investigative activities in proving criminal cases', *Soviet Justice*, iss. 3, pp. 6.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ...

11. Polyakov, M. P. 2000, 'On the methodological value of the concept of "criminal procedure interpretation of the results of operational investigative activities"', *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Ser. Right*, iss.1, pp. 296–301.
12. Kharchenko, S. V. & Fingers, A. A. 2024, 'Providing the results of operational investigative activities during tactical operation "red-handed arrest" in the investigation of bribery', *Bulletin of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee*, iss.1(1), pp. 57–64.
13. Shafer, S. A. 1997, 'The use of non-procedural cognitive measures in proving a criminal case', *State and Law*, iss. 9, pp. 59.
14. Shumilova A. Yu. (ed.) 1997, *On operation of investigative activities: Commentary to the Federal Law, Verdict-1M*, Moscow.
15. Zazhitsky, V. I. 2001, 'The use of the results of operational investigative activities in criminal proceedings', *Russian Justice*, iss. 3, pp. 47.
16. Ilinykh, V. L. 1999, *Federal Law "On Operation of all Investigative Activities": scientific and practical commentary*, Saratov.
17. Mikhailov, V. I. 1998, *Controlled delivery as an operation also arch operation: an educational and practical guide*, Publisher I. I. Shumilova, Moscow.
18. Baranov, A. M., Antonov, M. E. & Kondratyukov, S. S. 2024, *Features of ensuring the personal safety of law enforcement officers when performing tasks in special conditions: textbook*, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk.
19. Sereda, V. N. 2006, *Special conditions and their impact on the management of the national security forces (theoretical and applied analysis): monograph*, BDC-Press, Moscow.
20. Tarasenko, A. A. & Kirichenko, Yu. N. 2024, 'Certain aspects of ensuring the personal safety of law enforcement officers when acting in special conditions', *Scientific component*, iss. 4(24), pp. 64–74.
21. Zemskova, A. V. 2002, *Theoretical foundations of the use of the results of operation of investigative activities in the investigation of crimes: Sc. Dthesis (Law)*, Moscow.
22. Melikhov, A. I. 2023, *Conceptual foundations of ensuring national security in the process of operational investigative activities of internal affairs bodies: Sc. Dthesis (Law)*, Volgograd.
23. Sementsov, V. A. & Dzabiev, U. K. 2024, *Criminal procedural directions of using the results of operational investigative measures in pre-trial proceedings: monograph*, Yurлитинформ, Moscow.
24. Chabukiani, O. A. 2023, *Theory of investigative activity: concept, functions, ways of improvement: Sc. Dthesis (Law)*, Saint-Petersburg.

Информация об авторе

Р. В. Беспамятнов – кандидат юридических наук, директор филиала (Северо-Западный филиал Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации), доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности (Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации).

Information about the author

R. V. Bespamyatnov – Ph.D (Law), Director of the branch (North-Western Branch of the Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation), Associate Professor of the Department of Forensic Expert and Operational Investigative Activities (St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation).

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Научная статья

УДК 342.77:343.8

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.561-567

ВВЕДЕНИЕ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР, УСИЛИВАЮЩИЙ КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Татьяна Павловна Бутенко¹, Роман Сергеевич Подлипенко²

¹ Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия, butanya1979@yandex.ru

² Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия, spax23@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается соотношение национальных планов противодействия коррупции с планами противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний в контексте постановки задач, связанных с противодействием коррупционным проявлениям и исключением коррупционных рисков в условиях введения военного положения. Определяются коррупционные риски при исполнении уголовных наказаний в форс-мажорных условиях. В качестве вывода предлагаются конкретные меры противодействия коррупционным преступлениям в уголовно-исполнительной системе в условиях введения военного положения.

Ключевые слова: коррупционные риски, противодействие коррупции, уголовно-исполнительная система, военное положение, конфликт интересов, план противодействия коррупции

Для цитирования

Бутенко Т. П., Подлипенко Р. С. Введение военного положения на территории Российской Федерации как фактор, усиливающий коррупционные риски в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 561–567. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.561-567.

Original article

THE INTRODUCTION OF MARTIAL LAW ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FACTOR THAT INCREASES CORRUPTION RISKS IN THE PENAL SYSTEM

Tatiana Pavlovna Butenko¹, Roman Sergeevich Podlipenko²

¹ Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, butanya1979@yandex.ru

² Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, spax23@mail.ru

Abstract. The article examines the relationship between national anti-corruption plans and anti-corruption plans of the Federal Penitentiary Service in the context of setting tasks related to combating corruption and eliminating corruption risks in the context of martial law. Corruption risks in the execution of criminal penalties in force majeure circumstances are determined. As a conclusion, specific measures are proposed to counter corruption crimes in the penal system in the context of the introduction of military regulations.

Keywords: corruption risks, anti-corruption, penal enforcement system, martial law, conflict of interests, anti-corruption plan

For citation

Butenko, T. P. & Podlipenko, R. S. 2025, 'The introduction of martial law on the territory of the Russian Federation as a factor that increases corruption risks in the penal system', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 561–567, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.561-567.

20 декабря 2024 г. директор ФСИН России утвердил План противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2025–2028 годы¹.

Национальный план противодействия коррупции, принятый в 2008 г., впрочем, как и следующие шесть аналогичных программных документов, утвержденных президентом страны, породил множество других планов, программ, мероприятий, разрабатываемых на всех уровнях государственного и муниципального управления [1, с. 5]. Именно Национальный план противодействия коррупции, утвержденный Д. А. Медведевым в июле 2008 г., стал импульсом для принятия Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Проведя анализ национальных планов по противодействию коррупции, можно заключить, что все они так или иначе учитывали внешние факторы, влияющие на оптимизацию антикоррупционного законодательства. Одним из таких факторов, например, стало распространение новой коронавирусной инфекции, в связи с чем Всемирная организация здравоохранения объявила 11 марта 2020 г. пандемию COVID-19, а 5 мая 2023 г. констатировала завершение режима чрезвычайной ситуации и отменила статус пандемии COVID-19. Распространение данной инфекции было учтено при подготовке национального плана по противодействию коррупции. Так, п. 19 предписывал: «Принять меры по недопущению нецелевого использования бюджетных ассигнований федерального бюджета, выделяемых на проведение противоэпидемических мероприятий, в том числе

¹ См.: URL: <https://fsin.gov.ru>.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ...

на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19)¹. Вместе с тем в плане противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2021–2024 годы мероприятия, направленные на противодействие коррупции в условиях распространения новой коронавирусной инфекции, отсутствовали, несмотря на то что данный план был принят ранее национального плана, а впоследствии изменен в связи с требованиями Указа Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы».

24 февраля 2022 г. Президентом России было принято решение о проведении специальной военной операции (СВО) на Украине, в связи с чем началась активная нормотворческая деятельность. С учетом появления новых обстоятельств, детерминирующих, на наш взгляд, коррупционные риски в условиях изменяющейся политики государства, национальный план скорректирован был в 2023 г. лишь в части изменения названия Управления Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции на Управление Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции, то есть СВО не повлияла на корректировку направлений, по которым необходима реализация мероприятий по предупреждению коррупции и борьбе с ней, а также по минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

30 сентября 2022 г. в состав Российской Федерации вошли четыре новых субъекта: Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область.

20 октября 2022 г. с нуля часов на новых территориях Президент России ввел военное положение², особый правовой режим, вводимый в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии³. В таких условиях важное значение имеют нормативные акты, которые применяются во исполнение Указа Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» на предмет исключения из них положений, связанных с коррупционными рисками.

В соответствии с названным Указом «при необходимости в Российской Федерации в период действия военного положения могут применяться иные меры, предусмотренные Федеральным конституционным законом от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении». Фактически полномочия по регулированию различных правоотношений были делегированы органам власти.

Кроме того, был принят Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 395-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области». Но от

¹ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы : указ Президента Рос. Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.09.2025).

² См.: О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей : указ Президента Рос. Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 // Собр. законодательства Рос. Федерации 2022. № 43. Ст. 7381.

³ См.: О военном положении : федер. конституц. закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

носителю регулирования уголовно-исполнительных отношений в новых субъектах Российской Федерации, на территории которых введено военное положение, никаких дополнительных федеральных законов не принималось.

Со дня принятия в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образования в составе Российской Федерации четырех новых субъектов и до 1 января 2026 г. действует переходный период, в течение которого урегулируются вопросы интеграции новых субъектов Российской Федерации в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему органов государственной власти Российской Федерации, что предполагает синхронизацию в том числе уголовно-исполнительного законодательства, которое относится к исключительному ведению федерального уровня. Надо отметить и тот факт, что Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года была дополнена таким направлением совершенствования и развития, как «обеспечение деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, созданных на территориях новых субъектов Российской Федерации, в соответствии с законодательством Российской Федерации».

В настоящее время из 89 субъектов России в четырех действует особый правовой режим, предполагающий так называемое кризисное управление во всех сферах жизнедеятельности общества. ФСИН России, учитывая наличие особых обстоятельств, в Плате противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2025–2028 годы указала на необходимость осуществления мероприятий, направленных на повышение эффективности и совершенствование работы по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений коррупционной направленности, прежде всего связанных с хищением бюджетных средств, выделяемых на обеспечение развития территорий новых субъектов Российской Федерации (п. 5.1). Думается, что в связи с проведением СВО и введением военного положения в отдельных субъектах Российской Федерации коррупционные риски возрастают и это, в свою очередь, требует расширения перечня мероприятий, направленных на проведение анализа действующего законодательства Российской Федерации в сфере противодействия коррупции с целью его систематизации, актуализации, а также устранения противоречий.

В сентябре 2014 г. распоряжением ФСИН России был утвержден Перечень коррупционно-опасных функций Федеральной службы исполнения наказаний. Этот документ корректировался в 2017 и 2024 гг. и предусматривает 21 пункт, четыре из которых непосредственно связаны с работой с осужденными, а также контролем за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. Остальные пункты, как справедливо отмечают И. М. Мацкевич и И. И. Аминов, также могут иметь коррупциогенную природу, поскольку затрагивают функции по выполнению действий административно-организационного, кадрового, хозяйственно-экономического, оперативно-розыскного и контрольно-административного характера. Иными словами, потенциально коррупциогенными являются все стороны деятельности ФСИН России [2, с. 35].

В системе противодействия коррупции основополагающими условиями выступают выявление, оценка и минимизация коррупционных рисков, факторов и причин, способствующих их возникновению. Исходя из имеющихся теоретических дефиниций коррупционные риски в самом общем виде можно определить как наличие условий и обстоятельств, способствующих вступлению в коррупционные отношения [3, с. 212–213], или

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ...

вероятность (возможность) проявлений коррупции и наступления неблагоприятных последствий, вызванных ими¹. К числу таковых при исполнении уголовных наказаний в условиях введения военного положения можно отнести:

- полномочия должностных лиц при распределении бюджетных средств, заключении государственных контрактов и управлении персоналом, что создает предпосылки для различного рода злоупотреблений;
- взаимоотношения между сотрудниками уголовно-исполнительной системы и осужденными, отбывающими наказания в виде лишения свободы, складывающиеся в процессе несоблюдения запретов на передачу запрещенных предметов; способствование со стороны сотрудников в изменении условий отбывания наказания, а также представления об условно-досрочном освобождении за вознаграждение;
- влияние криминальной субкультуры осужденных, формирующей коррупционное поведение внутри мест лишения свободы;
- расширение возможностей для возникновения конфликта интересов.

С начала СВО были приняты тринадцать федеральных законов, которые дополняли и изменяли УИК РФ, двенадцать из которых были приняты в условиях введения военного положения в отдельных субъектах Российской Федерации. Надо отметить, что в сравнении с предшествующим данным событиям периодом интенсивность корректировки главного нормативного акта в сфере исполнения уголовных наказаний осталась на прежнем уровне. Вместе с тем полагаем, что ревизия подзаконных актов, регламентирующих отдельные сферы уголовно-исполнительных отношений в условиях военного времени, позволит сделать вывод о появлении коррупционных рисков. Связано это, прежде всего, с выделением и распределением бюджетных средств, направленных на функционирование инфраструктурных объектов жизнедеятельности людей на территориях, где действует особый правовой режим, которыми в том числе являются учреждения уголовно-исполнительной системы.

Пути решения проблемы коррупционных рисков в процессе исполнения уголовных наказаний в форс-мажорных условиях предполагают системный и комплексный подходы.

Полагаем, что одним из основных инструментов противодействия коррупционным преступлениям в уголовно-исполнительной системе в условиях введения военного положения выступает мониторинг уголовного законодательства на предмет сопоставления санкций за преступления, предусмотренные ст. 285, 285.1, 286, 290, 291 и 291.2 УК РФ, степени общественной опасности таких деяний в условиях введения военного положения и возможное их ужесточение. Кроме того, следует дифференцировать ответственность сотрудников в зависимости от уровня должности и характера совершенного деяния, что позволит повысить эффективность уголовно-правового воздействия.

Особая роль в исключении или минимизации коррупционных рисков при исполнении уголовных наказаний в экстремальных условиях отводится антикоррупционной экспертизе, то есть оценке действующих нормативных правовых актов, их проектов с целью выявления факторов, имеющих коррупциогенный характер. Мы согласны с Ю. П. Кузякиным и С. В. Кузякиным, которые говорят о том, что для выявления таких положений необходим постоянный мониторинг нормативных правовых актов при непосредствен-

¹ См.: Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих контрольно-надзорные функции : утв. протоколом заседания проектного комитета от 13 июля 2017 г. № 47(7). URL :[https:// base.garant.ru/71928584](https://base.garant.ru/71928584) (дата обращения: 30.10.2025).

ном взаимодействии с правоохранительными органами, прежде всего с прокуратурой Российской Федерации, для комплексного анализа действующего законодательства в проверяемой сфере [4, с. 36–39].

В числе организационных мероприятий необходимо усиление внутреннего контроля за ФСИН России с обязательной ротацией сотрудников на ключевых должностях. Именно длительное пребывание на одном месте, в одном статусе усиливает риски возникновения коррупционных связей (как между сотрудниками, так и между сотрудниками и осужденными).

Исключение возможного конфликта интересов при исполнении своих профессиональных обязанностей сотрудниками уголовно-исполнительной системы в условиях военного положения также выступает фактором, снижающим коррупционные риски. В связи с этим необходимо повышать уровень квалификации, прежде всего, работников кадровой службы, проверяющих соответствие кандидата на ту или иную должность в уголовно-исполнительной системе, а также знание и понимание алгоритма действий в случае возникновения конфликта интересов (ст. 73 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации „Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”»; ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»).

Таким образом, введение военного положения усиливает возникновение коррупционных рисков при исполнении уголовных наказаний. Для эффективной реализации нормативных положений в данных условиях необходима совместная работа органов законодательной и исполнительной власти в части рационального распределения и расходования бюджетных средств; принятия и исполнения специального законодательства, которое в приоритетном порядке будет проходить антикоррупционную экспертизу и исключать коррупционные риски, а также качественная работа сотрудников кадровой службы на предмет исключения возможных ситуаций по возникновению конфликта интересов при исполнении уголовных наказаний.

Список источников

1. Тонков Е. Е., Пожарова Л. А. Государство созидающее: тернистый путь в плену политических иллюзий // Современное право. 2024. № 3. С. 5–11.
2. Мацкевич И. М., Аминов И. И. Проблема противодействия коррупционным рискам в уголовно-исполнительной системе // Российский следователь. 2016. № 24. С. 34–37.
3. Ташина К. М., Пустовалова И. Н. К вопросу о понятии коррупционных рисков // Успехи современного естествознания. 2012. № 4. С. 212–213.
4. Кузякин Ю. П., Кузякин С. В. Административно-правовой механизм предупреждения коррупционных рисков государственных служащих // Административное право и процесс. 2024. № 7. С. 36–39.

References

1. Tonkov, E. E. & Pozharova, L. A. 2024, 'The creative State: a thorny path in captivity of political illusions', *Modern Law*, iss. 3, pp. 5–11.
2. Matskevich, I. M. & Aminov, I. I. 2016, 'The problem of countering corruption risks in the penal system', *Russian Investigator*, iss. 24, pp. 34–37.

3. Tashina, K. M. & Pustovalova, I. N. 2012, 'On the concept of corruption risks', *Achievements of modern natural science*, iss. 4, pp. 212–213.

4. Kuzyakin, Yu. P. & Kuzyakin, S. V. 2024, 'Administrative and legal mechanism for preventing corruption risks of civil servants', *Administrative law and process*, iss. 7, pp. 36–39.

Информация об авторах

Т. П. Бутенко – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права;

Р. С. Подлипенко – аспирант юридического факультета.

Information about the authors

T. P. Butenko – PhD (Law), associate professor, head of the Department of Criminal Law;

R. S. Podlipenko – postgraduate student of the Faculty of Law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 03.06.2025.

The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 15.05.2025; accepted for publication 03.06.2025.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научная статья

УДК 343.8

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.568-576

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БОЛЬНЫХ ОСУЖДЕННЫХ И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С ЦЕЛЯМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дмитрий Алексеевич Никитин¹

¹ Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия», г. Санкт-Петербург, Россия, dima60-62@yandex.ru

Аннотация. Правовое положение больных осужденных в Российской Федерации представляет собой сложный правовой институт, находящийся на стыке уголовно-исполнительной и медицинской отраслей. Его основу составляют международные стандарты, Конституция Российской Федерации, гарантирующая право на охрану здоровья, а также нормы Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации. Ключевыми элементами этого положения являются право на получение медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы, возможность освобождения от наказания в связи с тяжелой болезнью и создание приемлемых условий содержания с учетом состояния здоровья. Однако на пути реализации этих прав и достижения целей исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений возникает ряд системных проблем. Главные из них – это противоречие между реализацией функции исполнения наказания исправительными учреждениями и реабилитационными потребностями больного, а также хроническое недофинансирование медицинской инфраструктуры ФСИН России. Это приводит к тому, что лечение часто носит формальный характер, а процесс исправления становится невозможным, так как физические страдания и борьба за выживание подавляют у осужденного способность к самоанализу и усвоению социальных норм и готовности к жизни после освобождения. Для решения этих проблем и эффективного исправления больных осужденных в уголовно-исполнительное законодательство необходимо внести существенные изменения. Требуется закрепить приоритет медицинской и социальной реабилитации над общими режимными требованиями, разработать индивидуальные программы исправления и адаптировать методы психолого-педагогического воздействия. Только создание специализированной, гуманной и ресурсно обеспеченной системы исполнения наказаний для данной категории

© Никитин Д. А., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

лиц позволит достичь провозглашенные законом цели исправления, предупреждения и ресоциализации.

Ключевые слова: правовой статус, исправительные учреждения, уголовно-исполнительное законодательство, осужденные, охрана здоровья, исправление, лишение свободы, право, исправительные учреждения, нормативные правовые акты, освобождение

Для цитирования

Никитин Д. А. Правовое положение больных осужденных и его взаимосвязь с целями уголовно-исполнительного законодательства // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 568–576. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4). 4.568-576.

OBJECTIVES OF THE PENAL LEGISLATION

Original article

THE LEGAL STATUS OF SICK CONVICTS AND ITS RELATIONSHIP WITH THE OBJECTIVES OF PENAL LEGISLATION

Dmitry Alekseevich Nikitin¹

¹ St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the State State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy", St. Petersburg, Russia, dima60-62@yandex.ru

Abstract. The legal status of sick convicts in the Russian Federation is a complex legal institution located at the junction of the penal and medical branches. It is based on international standards, the Constitution of the Russian Federation, which guarantees the right to health protection, as well as the norms of the Criminal and Penal Codes of the Russian Federation. The key elements of this provision are the right to receive medical care in institutions of the penal system, the possibility of release from punishment due to serious illness and the creation of acceptable conditions of detention, taking into account the state of health. However, a number of systemic problems arise on the way to realizing these rights and achieving the goals of correcting the convicted person and preventing the commission of new crimes. The main ones are the contradiction between the implementation of the punishment function by correctional institutions and the rehabilitation needs of the patient, as well as the chronic underfunding of the medical infrastructure of the FPS of Russia. This leads to the fact that treatment is often formal in nature, and the process of correction becomes impossible, since physical suffering and the struggle for survival suppress the convict's ability to introspect and assimilate social norms and readiness for life after release. In order to solve these problems and effectively correct sick convicts, significant changes must be made to the penal legislation. It is necessary to consolidate the priority of medical and social rehabilitation over general regime requirements, develop individual correction programs and adapt methods of

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

psychological and pedagogical influence. Only the creation of a specialized, humane and resource-based system of execution of punishments for this category of persons will allow achieving the goals of correction, prevention and re-socialization proclaimed by law.

Keywords: legal status, correctional institutions, penal legislation, convicts, health protection, correction, imprisonment, law, correctional institutions, regulatory legal acts, release

For citation

Nikitin, D. A. 2025, 'The legal status of sick convicts and its relationship with the objectives of penal legislation', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 568–576, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.568-576.

Правовой статус осужденного занимает центральное место в системе уголовно-исполнительного права. Он включает в себя совокупность прав, обязанностей и ограничений, установленных законодательством, определяется уголовно-исполнительными нормами и направлен на реализацию наказания, назначенного судом. От того, насколько четко определены права и обязанности осужденных, зависит эффективность исправительного процесса и соблюдение принципов справедливости и гуманизма. Правовой статус осужденного начинается с момента вступления приговора в законную силу и продолжается до окончания срока наказания либо до досрочного освобождения.

Правовое положение осужденных существенно отличается от положения других категорий граждан. Термин «осужденный» обозначает лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу. Таким образом, осужденный – это человек, признанный виновным в совершении преступления и подвергнутый уголовной ответственности.

По определению Н. А. Стручкова, правовое положение осужденных – это совокупность субъективных обязанностей и прав, возложенных на лиц, отбывающих наказание [1].

Уголовно-исполнительная система (УИС) Российской Федерации, являясь важнейшим институтом государства, призвана не только карать, но и исправлять осужденных, а также предупреждать новые преступления. Однако в контингенте осужденных существует особая, уязвимая категория – лица, страдающие различными заболеваниями. Их правовое положение представляет собой сложный синтез общих ограничений, связанных с наказанием, и специальных гарантий, вытекающих из права на охрану здоровья и человеческое достоинство. Анализ этого положения и его соответствия целям российского уголовно-исполнительного законодательства позволяет оценить, насколько гуманной и эффективной является пенитенциарная политика государства.

Согласно ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) целями уголовно-исполнительного законодательства являются исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. При этом законодатель особо оговаривает, что достижение этих целей не должно сопровождаться причинением физических страданий или унижением человеческого достоинства (ч. 2 ст. 1 УИК РФ). Этот принцип напрямую коррелирует с положением больных осужденных, чье исправление и ресоциализация невозможны без оказания качественной медицинской помощи.

Правовой статус больного осужденного формируется из нескольких уровней правового регулирования: Минимальные стандартные правила обращения с заключенными

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

(Правила Нельсона Манделы), Европейские пенитенциарные правила, которые закрепляют обязанность государства обеспечивать заключенным медицинское обслуживание без дискриминации.

На уровне Основного Закона страны каждому гарантировано право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ). Это право является универсальным и распространяется на всех граждан, включая осужденных.

На уровне федерального законодательства правовой статус больного осужденного в основном регулируется нормами Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Так, в ст. 12 УИК РФ закреплено основное право осужденных на получение медицинской помощи. Кроме того, целый ряд статей регулирует вопросы, связанные с болезнью. Так, ст. 81 УИК РФ предусматривает освобождение от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью; ст. 175 УИК РФ регламентирует медико-санитарное обеспечение осужденных.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает общие принципы организации здравоохранения, которые в адаптированном виде применяются в УИС. Сама медицинская помощь осужденным оказывается в рамках медико-санитарной части (МСЧ) уголовно-исполнительной системы, которая является частью государственной системы здравоохранения. Осужденные имеют право и возможность получать первичную медико-санитарную, специализированную и, в необходимых случаях, высокотехнологичную медицинскую помощь.

В соответствии с ч. 2 ст. 101 УИК РФ в уголовно-исполнительной системе для медицинского обслуживания осужденных организуются лечебно-профилактические учреждения (ЛПУ) и медицинские части, а для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом и наркоманией, – лечебные исправительные учреждения. В сложных случаях для консультаций и лечения могут привлекаться врачи из гражданских медицинских организаций.

В учреждениях УИС осуществляется регулярный медицинский осмотр осужденных с целью выявления заболеваний на ранних стадиях. Важным инструментом является медико-санитарная комиссия (МСК), которая проводит освидетельствование осужденных для определения их трудоспособности, установления инвалидности, а также для решения вопроса о представлении материалов для освобождения по болезни.

Из краткого анализа правовых норм, регулирующих оказание медицинской помощи, напрашивается вывод о том, что в исправительных учреждениях созданы специальные условия для лечения больных осужденных и контроля над состоянием их здоровья. Возникают вопросы, какая может быть взаимосвязь процесса лечения больных осужденных с целями уголовно-исполнительного законодательства, какова реализация последних на практике и в чем особенности исправительного процесса в отношении исследуемой категории осужденных?

Не вызывает сомнений, что болезнь является серьезным препятствием для реализации исправительного процесса. Осужденный, как и любой человек, испытывающий физические страдания, лишенный доступа к качественному лечению, в том числе по личному решению, определению, где и у какого специалиста лечиться, не может сосредоточиться на социально полезной деятельности, получении образования, психологической коррекции. Таким образом, обеспечение здоровья осужденного – это не акт милосердия, а необходимое условие для достижения цели исправления. Здоровый

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

осужденный имеет больше шансов успешно пройти реабилитацию и reintegrироваться после отбытия наказания в общество.

Больной осужденный, не получивший лечения в местах лишения свободы, после освобождения нередко выходит на свободу не только с криминальными установками, но и с усугубленными проблемами со здоровьем. Это делает его еще более уязвимым, ограничивает в трудоустройстве и увеличивает вероятность возврата к преступной деятельности как к единственному способу выживания. Качественное медицинское обслуживание, включая лечение зависимостей (алкоголизм, наркомания), является мощным фактором профилактики рецидивной преступности.

Принцип гуманизма, закрепленный в УИК РФ, находит свое наиболее яркое выражение в отношении к больным и менее защищенным осужденным. Освобождение от тяжелой работы, создание приемлемых бытовых условий для инвалидов, предоставление необходимых лекарств – все это демонстрирует, что наказание не направлено на уничтожение человеческого в человеке. Это укрепляет в осужденном веру в справедливость, что является важным элементом его исправления.

Несмотря на проработанную законодательную базу, на практике существует ряд серьезных проблем. Финансирование и ресурсы ЛПУ УИС часто сталкиваются с нехваткой современного оборудования, квалифицированных кадров и лекарственных средств. Наличие бюрократических барьеров процедуры освобождения по болезни (ст. 81 УК РФ) делает ее крайне сложной и длительной. Нередки случаи, когда тяжелобольные осужденные умирают, не дождавшись положительного решения суда.

Множество вопросов, связанных с доступом к специализированной помощи, возникает на практике. Получение высокотехнологичной помощи за пределами исправительных учреждений сопряжено с организационными и логистическими трудностями.

Можно заключить, что исправительное воздействие на осужденного носит в некотором роде персональный характер в зависимости от множества факторов, например, вида уголовного наказания, срока, состояния здоровья и иных личностных особенностей осужденного [2, с. 230].

Проблемы применения средств исправления в отношении больных осужденных к лишению свободы подробно исследованы профессором А. П. Скибой. Он отмечает, что в числе средств исправления, применяемых к указанной категории осужденных, отсутствует какое-либо упоминание о лечении, хотя состояние здоровья является важнейшей личностной особенностью каждого осужденного и должно соответствующим образом отражаться на организации исполнения уголовного наказания [3, с. 100–104]. В результате и отношение осужденных к состоянию здоровья в настоящее время не учитывается при оценке степени их исправления (хотя о том, что состояние здоровья должно учитываться при формулировании вывода о его исправлении, говорилось еще в советское время [4, с. 10]). В этом случае фактически исправление и лечение осужденных представляют собой две параллельные несвязанные линии, о чем уже давно говорил Ю. М. Антонян [5, с. 302–303].

Правовое положение больных осужденных в России является важным индикатором гуманизации всей уголовно-исполнительной системы. Тесная взаимосвязь между обеспечением права на здоровье и целями исправления и предупреждения преступлений очевидна: без первого невозможно достижение второго.

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством исправление – это формирование у осужденного уважительного отношения к человеку, обществу, труду,

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

нормам и правилам (ст. 9 УИК РФ). С точки зрения уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации исправление осужденных – это активный процесс, требующий максимального вовлечения осужденного в разносторонние виды деятельности: трудовую, воспитательную и образовательную, в том числе стремление к самообразованию и самовоспитанию (изучение истории, литературы и т. д.). Однако на практике достижение этой цели сталкивается с комплексом объективных и субъективных проблем.

Некоторые из проблем обусловлены самой природой пенитенциарных учреждений как закрытых институтов исполнительной власти, объективным смещением в сторону превалирования карательной функции над исправительной. Исторически и функционально места лишения свободы предназначены для изоляции и наказания.

Отдельное влияние имеет феномен «тюремной субкультуры» («понятий», «воровских традиций»). В условиях изоляции возникает альтернативная социальная система с собственными нормами, ценностями и иерархией, которая часто противоположна официальным целям исправления. Усвоение осужденным норм этой субкультуры («пройти школу тюрьмы») является мощным криминогенным фактором, нивелирующим усилия администрации. Больные осужденные более других категорий уязвимы и вынуждены придерживаться правил, связанных с неформальной стратификацией и существующей иерархией.

Случаи физического причинения вреда здоровью и даже причинения смерти имеют место в исправительных колониях и следственных изоляторах. Факты насильственных действий среди лиц, содержащихся в местах лишения свободы, как правило, утаиваются исходя из неформальных правил осужденных. Насилие в местах лишения свободы обусловлено многими причинами. Конфликты между осужденными или заключенными под стражу часто происходят на этнической почве или вследствие принадлежности к разным категориям неформальной стратификации осужденных. Нахождение в замкнутой среде, часто в условиях большой скученности, также является причиной возникновения враждебных отношений среди осужденных. Сама атмосфера исправительного учреждения ввиду частой невозможности чем-либо занять себя и отсутствия физической работы у нетрудоустроенных осужденных, скука только усугубляют ситуацию и создают напряженность. Подобная обстановка способствует совершению таких связанных с повышенным риском действий, как употребление наркотиков, половое насилие. В то же время некоторые осужденные бывают вовлеченными в указанные занятия и вынуждены принимать в них участие, оказываясь в ситуации боязни потерять свой неформальный статус либо из соображений материальной выгоды. Такой сопряженный с повышенным риском образ жизни становится причиной передачи болезней от одних осужденных другим и, безусловно, представляет серьезную угрозу здоровью всего населения страны [6, с. 112].

Значительная часть осужденных имеет устойчивые антиобщественные установки, искаженную систему ценностей и негативный социальный опыт, криминальную зараженность и деформации личностных установок. Смена (ломка) этих стереотипов требует длительной, глубокой психокоррекционной работы, которую система обеспечить не в состоянии.

Изоляция ведет к ослаблению или разрыву семейных, дружеских, профессиональных связей, которые являются важнейшим ресурсом для ресоциализации. Отсутствие поддержки извне усиливает зависимость осужденного от тюремного сообщества.

Осужденный после освобождения сталкивается с дискриминацией при трудоустройстве, поиске жилья, построении социальных контактов, проблемой стигматизации (клей-

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

мо заключенного). Это общественное неприятие толкает его обратно в криминальную среду, сводя на нет усилия по исправлению.

Кроме того, длительное пребывание в условиях регламентированной, замкнутой системы приводит к утрате навыков самостоятельного принятия решений, ответственности, социальной адаптации, что усугубляется проблемами со здоровьем. Осужденный привыкает жить по инструкции, что порождает пассивность, зависимость и неспособность к жизни на свободе – явление, известное как «синдром тюрьмы».

Несмотря на декларирование в законе, на практике работа с осужденными часто носит формальный и массовый характер, отсутствует индивидуальный и дифференцированный подход. Не разрабатываются в достаточной мере персонифицированные программы исправления, учитывающие личность, мотивы преступления, социальный тип каждого осужденного, наличие заболеваний, уровень состояния здоровья.

Основной формой воспитательной работы остаются коллективные беседы, лекции о вреде преступности и художественная самодеятельность, что не всегда позволяет вовлечь в подобные мероприятия больных осужденных. При этом недостаточно используются современные психотерапевтические методики (когнитивно-поведенческая терапия, программы управления гневом), технологии восстановительного правосудия, профориентация на профессии, востребованные на современном рынке труда, с учетом состояния здоровья осужденных.

Сотрудники воспитательных служб часто имеют низкий статус в иерархии УИС по сравнению с оперативным и режимным персоналом. Их работа воспринимается как второстепенная. Это неизбежно приводит к формализму, выгоранию и применению авторитарных, а не педагогических методов, а также влечет за собой неукомплектованность кадровым составом учреждений.

Особым блоком в системе достижения целей уголовно-исполнительного законодательства стоят проблемы правового и постпенитенциарного сопровождения. Административный надзор и помощь освобожденным лицам носят фрагментарный характер, что делает неэффективным систему контроля после освобождения. Отсутствует целостная система ресоциализации, включающая в себя гарантированное предоставление жилья, помощь в трудоустройстве, психологическую и материальную поддержку в первые, самые сложные месяцы на свободе. Закон гласит об исправлении, но условия содержания (скученность, отсутствие приватности, риск виктимизации) способствуют дальнейшей деградации личности.

Такая цель уголовно-исполнительного законодательства, как исправление осужденного, напрямую связана с целью предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Они не просто корреспондируют друг с другом, но и неразрывно связаны, взаимозависимы друг от друга. На больных осужденных распространяются все требования, закрепленные в уголовно-исполнительном законодательстве, но на практике для достижения целей необходимо учитывать особенности. Ключевой проблемой достижения целей исправления и предупреждения преступлений в отношении больных осужденных является системное противоречие между декларируемым правом на медицинскую помощь и реальными условиями ее обеспечения. Ограниченность финансирования, дефицит квалифицированных кадров и современного оборудования в медико-санитарных частях УИС приводят к тому, что лечение сводится к купированию острых состояний, а не к полноценной реабилитации. В таких условиях физические страдания и борьба за выживание подавляют возможность психолого-педагогического воздействия, делая процесс исправления практически невозможным,

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

поскольку больной человек не может сосредоточиться на переосмыслении своих поступков и получении новых социально полезных навыков.

Заслуживает отдельного внимания обязанность осужденного лечиться, прямо не закрепленная в уголовно-исполнительном законодательстве. Так, в законе есть нормы, обязывающие осужденного пройти лечение по приговору суда. Согласно ст. 72.1 УК РФ суд может назначить лечение и медицинскую или социальную реабилитацию, если лицу, признанному больным наркоманией, назначают основное наказание в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы.

При назначении условного осуждения суд может возложить на условно осужденного обязанность пройти курс лечения от наркомании с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья (ч. 5 ст. 73 УК РФ). Законодатель подразумевает оценку отношения осужденного к процессу лечения и его результатам как свидетельство эффективности применения к нему такого требования, возлагая обязанности пройти курс лечения. В противном случае невыполнение указанных обязанностей должно расцениваться как уклонение от отбывания наказания и признание неэффективным выбор вида назначенного наказания такому осужденному.

Исходя из изложенного следует признать лечение одним из средств исправления и одним из ключевых критериев оценки эффективности исправительного процесса в отношении исследуемой категории осужденных. Современное законодательство в целом закладывает необходимые правовые основы для защиты этой уязвимой категории лиц. Однако между законом и практикой сохраняется значительный разрыв. Дальнейшее развитие пенитенциарной системы должно быть направлено на преодоление этого разрыва через увеличение финансирования, упрощение процедур предоставления медицинской помощи и освобождения неизлечимо больных, а также на совершенствование материально-технической базы лечебных учреждений ФСИН России.

Проблемы исправления осужденных носят системный характер и являются следствием фундаментального противоречия между декларируемой гуманистической целью (исправление) и институциональной сущностью наказания как карательного органа. Разрешение этих проблем требует не косметических реформ, а смены парадигмы в пенитенциарной политике: смещения акцента с изоляции на реинтеграцию больных осужденных, внедрения научно обоснованных реабилитационных программ, развития системы пробации и постпенитенциарного сопровождения, а также активного вовлечения институтов гражданского общества в процесс ресоциализации лиц, отбывших наказание. Только комплексный подход, направленный на минимизацию десоциализирующего воздействия лишения свободы и восстановление социальных связей осужденного, может повысить эффективность достижения целей уголовно-исполнительного законодательства.

Другой острой проблемой выступает сложная и длительная бюрократическая процедура освобождения от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ). Несовершенство перечня заболеваний, формализм освидетельствования и затянутость судебных процессов приводят к тому, что тяжелобольные осужденные не получают своевременного освобождения. Это не только подрывает принцип гуманизма, но и дискредитирует саму цель исправления, демонстрируя другим осужденным несправедливость принципа дифференциации осужденных. В результате вместо ресоциализации и предупреждения рецидива возникает озлобление и укрепляется криминальная субкультура, что прямо противоречит целям уголовно-исполнительного законодательства.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Список источников

1. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части. М., 1984. 240 с.
2. Никитин Д. А. Некоторые особенности исправительного воздействия в отношении больных осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 2. С. 230.
3. Скиба А. П. Применение мер безопасности в контексте исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 1. С. 100–104.
4. Шатило К., Арисов Н. Исполнение приговора к лишению свободы (некоторые процессуальные вопросы). М., 1964. 20 с.
5. Наказание и исправление преступников : пособие / под ред. Ю. М. Антоныяна. М. : НИИ МВД России, 1992. 386 с.
6. Никитин Д. А. Криминогенное влияние насильственных посягательств в местах лишения свободы на преступное поведение и виктимизацию ВИЧ-инфицированных осужденных // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 111–113.

References

1. Struchkov, N. A. 1984, *Course of correctional labor law. Problems of the general part*, Moscow.
2. Nikitin, D. A. 2023, 'Some features of correctional treatment for sick convicts', *Penal law*, vol. 18(1–4), iss. 2, pp. 230.
3. Skiba, A. P. 2015, 'The application of security measures in the context of the correction of convicts and the prevention of new crimes', *North Caucasian Legal Bulletin*, iss. 1, pp. 100–104.
4. Shatilo, K. & Arisov, N. 1964, *Execution of a sentence to imprisonment (some procedural issues)*, Moscow.
5. Antonyan, Yu. M. (ed.) 1992, *Punishment and correction of criminals: a manual*, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow.
6. Nikitin, D. A. 2019, 'Criminogenic impact of violent assaults in places of detention on criminal behavior and victimization of HIV-infected convicts', *Criminal justice*, iss. 13, pp. 111–113.

Информация об авторе

Д. А. Никитин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Information about the author

D. A. Nikitin – Ph.D (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Научная статья

УДК 343.8(094.4)

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.577-583

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Любовь Андреевна Пупышева^{1,2}, Михаил Сергеевич Десятов^{1,3}

¹ Омская академия ордена Почета МВД России, г. Омск, Россия

² lyuba-shabalina@yandex.ru

³ mih_des@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется качество правового регулирования производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, отмечается его пробельность, коллизионность, несогласованность с нормами уголовного, уголовно-исполнительного и иного законодательства, указываются обстоятельства, повлиявшие на возникновение дефектов правового регулирования в сегменте «исполнение приговора», предлагаются пути решения доктринальных и законодательных проблем в исследуемой области.

Ключевые слова: исполнение приговора, исполнение наказания, меры уголовно-правового воздействия, уголовное судопроизводство, стадия уголовного процесса, особое уголовно-процессуальное производство

Для цитирования

Пупышева Л. А., Десятов М. С. Современное состояние законодательства об исполнении приговора и перспективы его развития // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 577–583. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.577-583.

INTERSECTORAL ASPECTS OF SENTENCES EXECUTION

Original article

THE CURRENT STATE OF THE LEGISLATION ON THE EXECUTION OF SENTENCES AND THE PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT

Lyubov Andreevna Pupysheva^{1,2}, Mikhail Sergeevich Desyatov^{1,3}

¹ Omsk Academy Medal of Honor of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia

² lyuba-shabalina@yandex.ru

³ mih_des@mail.ru

Abstract. The article analyzes the quality of legal regulation of proceedings for the consideration and resolution of issues related to the execution of a sentence, notes its gaps, conflicts of law, inconsistencies with the norms of criminal, penal and other legislation, indicates the circumstances that influenced the occurrence of defects in legal regulation in the "execution of sentence" segment, suggests ways to solve doctrinal and legislative problems in the area under study.

Keywords: execution of sentence, execution of punishment, measures of criminal legal impact, criminal proceedings, stage of criminal proceedings, special criminal procedural proceedings

For citation

Pupysheva, L. A. & Desyatov, M. S. 2025, 'The current state of the legislation on the execution of sentences and the prospects for its development', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 577–583, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.577-583.

Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляемое по правилам гл. 47 УПК РФ, является частью предмета правового регулирования уголовно-процессуального права, представляет собой форму применения норм уголовного закона и осуществления правосудия. По официальным статистическим данным, ежегодно суды общей юрисдикции выносят около миллиона таких решений, что вполне сопоставимо с количеством разрешаемых ими уголовных дел.

Указанное уголовно-процессуальное производство играет важнейшую роль в механизме обеспечения достижения назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), решения задач уголовного закона (ст. 2 УК РФ), достижения целей и решения задач уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ), поэтому, говоря о «законодательстве об исполнении приговора», мы имеем в виду не только нормы гл. 47 УПК РФ, которые имеют приоритет при регламентации процессуального порядка рассмотрения и разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора, но и положения уголовного, уголовно-исполнительного и иного законодательства, а также подзаконные нормативные правовые акты, устанавливающие порядок их применения. Другими словами, речь идет о нормативных предписаниях, включенных в механизм правового регулирования производства по делам об исполнении приговора.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Следует отметить, что законодательство об исполнении приговора, равно как и законодательство уголовно-правового блока в целом, находится в состоянии некой турбулентности под влиянием множества факторов, обусловленных распространением так называемой киберпреступности, технологий искусственного интеллекта, осложнением международной обстановки, проведением специальной военной операции и др. Они объективно потребовали не только дополнения Особенной части УК РФ новыми составами преступлений, но и введения новых оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования), освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) и наказания (ст. 82.1 УК РФ), вопросов, разрешаемых судом в порядке гл. 47 УПК РФ (пп. 20.1, 22, 23 ст. 397 УПК РФ), корректировки института мер уголовно-процессуального принуждения и т. д. При этом оперативность реагирования законодателя на упомянутые факторы не всегда сопровождается системным видением, обеспечивающим согласованность законодательства о борьбе с преступностью даже на уровне кодифицированных нормативно-правовых актов (УК РФ, УПК РФ, УИК РФ).

Необходимость более внимательного отношения к законодательству об исполнении приговора со стороны научного сообщества, Федерального собрания Российской Федерации, высших судебных инстанций, других правоприменителей очевидна, поскольку принимаемые в порядке гл. 47 УПК РФ судебные решения с точки зрения степени ограничения прав осужденного равнозначны для него новому обвинительному приговору. Однако, несмотря на внесение в УПК РФ более полусотни изменений и дополнений посредством принятия нескольких десятков федеральных законов, процедура рассмотрения таких дел прописана поверхностно.

Законодательство об исполнении приговора (в его нынешнем состоянии) можно охарактеризовать как пробельное и коллизионное. Одной из его хронических проблем является рассогласованность с нормами уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, о чем справедливо говорят многие ученые [1–4].

Из-за законодательных пробелов, коллизий и других дефектов правового регулирования в сегменте «исполнение приговора» суды на протяжении 25 лет (фактически с момента принятия УПК РФ 2001 г.) испытывают определенные трудности при осуществлении данной формы уголовного правосудия. Наиболее рельефно они проявляются в делах о замене назначенного осужденному наказания на более строгое, об отмене условного осуждения. Соответствующая деятельность характеризуется многообразием, отсутствием единства даже в пределах одного региона.

Фрагментарное регулирование соответствующих процедур приводит к их искусственному упрощению и заформализованности, что, в свою очередь, снижает эффективность уголовно-правового воздействия, в частности, институтов освобождения от уголовной ответственности, освобождения от наказания, а также дифференциации и индивидуализации исполнения наказания.

На регламентацию соответствующих правоотношений существенное влияние оказывает несколько обстоятельств, ключевым из которых является неопределенность в вопросе о сущности судебной деятельности по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, породившая перманентную дискуссию о ее месте в системе современного уголовного процесса [5–7]. Суть споров по этому поводу сводится к выяснению того, чем является исполнение приговора – стадией производства по уголовному делу или самостоятельным уголовно-процессуальным производством.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Полагая, что российский уголовный процесс состоит не из стадий производства по уголовному делу, а из относительно самостоятельных уголовно-процессуальных производств, каждому из которых присуща стадийность, мы не можем отрицать, что противоположная позиция имеет некоторые основания, в частности нормативную природу.

Во многом точка зрения о наличии в системе современного уголовного процесса стадии исполнения приговора объясняется архитектурой и логикой уголовно-процессуального закона: во-первых, в п. 56 ст. 5 УПК РФ заложена формула (правовая конструкция): уголовное судопроизводство = досудебное производство по уголовному делу + судебное производство по уголовному делу; во-вторых, в п. 9 ст. 5 УПК РФ определены границы его первой части – досудебного производства, однако аналогичного пункта для судебного производства не предусмотрено; в-третьих, гл. 47 УПК РФ, определяющая порядок рассмотрения и разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, входит в ч. 3 «Судебное производство» УПК РФ.

При буквальном понимании приведенных законоположений, без глубокого системного анализа уголовно-процессуального законодательства и обслуживающей его доктрины можно предположить, что «уголовное судопроизводство» = «производству по уголовному делу», «стадия уголовного судопроизводства» = «стадия производства по уголовному делу», «исполнение приговора» = «стадия производства по уголовному делу». При таком подходе судебная деятельность, предусмотренная гл. 47 УПК РФ, как на доктринальном, так и на законодательном уровне считается менее значимой, чем та, в ходе которой рассматривается и разрешается уголовное дело по существу, выносятся приговор и назначается наказание или иные меры уголовно-правового характера. Указанная категория дел явно недооценена в контексте влияния на реализацию назначения уголовного судопроизводства на теоретическом, законодательном, прикладном уровне. Как показывают результаты научных исследований, проведенных с участием авторов статьи, применение мер государственного принуждения, сопряженных с ограничением свободы (задержание и заключение под стражу) осужденных, происходит вне правового поля, на основе использования норм УПК РФ по аналогии.

Формальная регламентация соответствующих судебных процедур привела к несогласованности и противоречивости в соответствующей части уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства.

В подтверждение высказанных суждений приведем несколько примеров. Так, в практике реализации мер уголовно-правового воздействия образовалась в определенном смысле уникальная, но при этом противоречащая основам правосудия процессуальная конструкция признания факта отбытия осужденным наказания с освобождением его из-под стражи без рассмотрения судом по существу представления о его замене, когда срок заключения под стражу, установленный судом на основании п. 18 ст. 397 УПК РФ, с учетом срока оставшейся неотбытой части наказания истек еще до даты судебного заседания, назначенного для рассмотрения вопроса о замене наказания; из-за дефектов нормативного регулирования заблокирован принцип заменяемости наказаний в отношении несовершеннолетних, указанных в ч. 6 ст. 88 УК РФ, злостно уклоняющихся от исполнения приговора, для которых обязанности, указанные в обвинительном приговоре, трансформируются в права, реализация которых зависит от их волеизъявления; из-за отсутствия сдерживающих законодательных барьеров чрезмерно упрощается процедура замены наказания и отмены условного осуждения, соответствующие судебные решения нередко принимаются заочно (в отсутствие осужденного), чем дискредитируется

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

конституционное право каждого на доступ к правосудию; задержание и заключение под стражу осужденных – наиболее строгие меры государственного принуждения, применяются к осужденным в отсутствие легально определенных оснований и процессуального порядка, посредством использования положений УПК РФ и УИК РФ по аналогии.

Отметим, что остроту дефектов правового регулирования в сегменте «исполнение приговора» частично снимают разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», высшая судебная инстанция признала соответствующую судебную деятельность формой осуществления правосудия. Стоит иметь в виду, что такого рода документы изначально призваны совершенствовать правоприменительную практику и в принципе не могут восполнить пробелы российского уголовно-процессуального законодательства. Однако рефлексии со стороны законодателя в виде определения регламента подготовки к судебному заседанию, общих условий судебного разбирательства, порядка обжалования принятых постановлений не произошло.

В условиях неопределенности правового регулирования и, как следствие, наличия в практике множества проблемных ситуаций, их живучести на протяжении многих лет, связанности судебных решений с ограничением свободы осужденного, большая ответственность по оптимизации правосудия, трансформировавшегося в ходе исполнения приговора в квазиправосудие, приближению его к позициям Конституционного Суда РФ возложена не только на законодателя, Верховный Суд РФ, но и на юридическую науку.

Прежде чем говорить о перспективах развития законодательства об исполнении приговора, отметим, что специфика соответствующей уголовно-процессуальной деятельности, равно как и определение ее места в системе уголовного судопроизводства, отличается повышенной сложностью и дискуссионностью, признается учеными одной из менее всего разработанных вопросов в теории и науке уголовного процесса. Их решение затрагивает множество институциональных аспектов, требует пересмотра общих и других положений уголовно-процессуального закона и обслуживающей его доктрины. Здесь очевидна необходимость дополнительной интерпретации феномена «исполнение приговора» с учетом современных правовых, политических и социальных условий.

По мере развития законодательства об исполнении приговора, формулирования Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ ряда правовых позиций, связанных с применением норм гл. 47 УПК РФ, возникает необходимость возвращения к незыблемым и устоявшимся подходам к системно-структурному пониманию отечественного уголовного процесса, в частности, его стадийности. При ближайшем рассмотрении правового образования «исполнение приговора» высвечиваются многочисленные вопросы, до сих пор не получившие однозначной трактовки. Вместе с тем очевидно, что исполнение приговора не вписывается в ортодоксальную теорию процессуальных стадий, ввиду чего совершенствовать соответствующие судебные процедуры посредством использования бланкетных указаний на общие и другие положения УПК РФ, предназначенные для производства по уголовному делу, заведомо бесперспективно с точки зрения принципиального изменения качества их правовой регламентации.

При определении актуальных направлений совершенствования законодательства об исполнении приговора надлежит учитывать мульти-источниковый характер его правового регулирования. Безусловно, здесь главную роль играют нормы УПК РФ, однако неоспорима роль положений УИК РФ и других федеральных законов, регулирующих

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

сферу исполнения уголовных наказаний и других мер уголовно-правового характера. Обеспечение их согласованности – необходимое условие их эффективного применения.

Результаты длительных эмпирических исследований позволили наметить ряд законодательных мер, устраняющих дефекты правового регулирования в сфере исполнения приговора. Полагаем, что ключевую роль в процессе совершенствования законодательства об исполнении приговора играет реализация концепции, согласно которой соответствующая деятельность является особым производством. Указанная концепция, на наш взгляд, разрушает иллюзию о достаточности существующего уголовно-процессуального регулирования, ориентированного на основное производство по уголовному делу, для нормального осуществления правосудия посредством разрешения вопросов исполнения приговора. С учетом этого перспективными и конкурентноспособными в плане нормативного выражения в законодательстве нам видятся следующие направления:

- корректировка основных понятий, используемых в УПК РФ, с учетом автономности от производства по уголовному делу производства по делам об исполнении приговора;
- дополнение ст. 5 УПК РФ новыми терминами, используемыми для регламентации производства по делам об исполнении приговора, преодоления так называемого синдрома заочного правосудия;
- изменение положений гл. 2 «Принципы уголовного судопроизводства» УПК РФ в сторону универсальности входящих в нее положений, возможность их применения во всех видах уголовно-процессуальных производств;
- легальное определение структуры производства по делам об исполнении приговора, включая регламент подготовки материалов к судебному рассмотрению; самостоятельные основания и порядок пересмотра, в том числе обжалования постановлений, вынесенных судами в порядке исполнения приговора;
- совершенствование правил определения подсудности вопросов, связанных с исполнением приговора;
- установление процессуального положения участников производства;
- регулирование процесса доказывания по делам об исполнении приговора;
- регламентация оснований и порядка применения к осужденным мер процессуального принуждения.

Каждое из направлений совершенствования законодательства об исполнении приговора требует глубокого доктринального осмысления, учета складывающегося правоприменения.

Список источников

1. Коллизии законодательства России : краткий научный комментарий / А. П. Скиба [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Рязань : Академия ФСИН России, 2016. 206 с.
2. Крымов А. А. Коллизии уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства на стадии исполнения приговора // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 4. С. 111–113.
3. Николук В. В. Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации: точки соприкосновения и проблемы согласования // Уголовное право. 2016. № 3. С. 116–122.
4. Скиба А. П. К вопросу о разграничении уголовно-правового, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального регулирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 7. С. 69–76.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

5. Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : монография. М. : Проспект, 2017. 464 с.
6. Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 492 с.
7. Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022. 458 с.

References

1. Skiba, A. P. (ed.) 2016, *Conflicts of Russian legislation: a brief scientific commentary*, 2nd edn, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
2. Krymov, A. A. 2013, 'Collisions of criminal, criminal procedure and penal legislation at the stage of execution of a sentence', *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, iss. 4, pp. 111–113.
3. Nikolyuk, V. V. 2016, 'Criminal Procedure and Penal Codes of the Russian Federation: points of contact and problems of coordination', *Criminal law*, iss. 3, pp. 116–122.
4. Skiba, A. P. 2017, 'On the issue of the differentiation of criminal law, penal and criminal procedure regulation', *Bulletin of the O. E. Kutafin University*, iss. 7, pp. 69–76.
5. Krymov, A. A. 2017, *Criminal procedural activity of bodies and institutions of the Russian penal system: monograph*, Prospect, Moscow.
6. Kachalov, V. I. 2017, *Proceedings on the execution of final judgments in the Russian criminal process: Sc.D thesis (Law)*, Moscow.
7. Pupyshcheva, L. A. 2022, *Proceedings for the consideration and resolution of issues related to the execution of a sentence in the criminal procedure system: Sc.D thesis (Law)*, Омск.

Информация об авторах

Л. А. Пупышева – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела, профессор кафедры уголовного процесса;

М. С. Десятов – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника академии.

Information about the authors

L. A. Pupyshcheva – Sc.D (Law), Associate Professor, Head of the Research Department, Professor of the Department of Criminal Procedure;

M. S. Desyatov – Sc.D (Law), Associate Professor, First Deputy Head of the Academy.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Научная статья

УДК 343.985.7

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.584-592

ВЫЯВЛЕНИЕ ПОБУЖДЕНИЯ К ПЕРЕДАЧЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МАТЕРИАЛОВ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Наталья Николаевна Баскакова¹

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия, baskakovann@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности судебной лингвистической экспертизы при расследовании уголовных дел о взяточничестве. Делается акцент на экспертной задаче, связанной с выявлением побуждения в коррупционном дискурсе, в частности, в ситуации вымогательства взятки. На основе анализа судебной практики отмечается, что важным для правоприменителя является такой признак рассматриваемого преступления, как требование взятки. Раскрывается с лингвистической точки зрения сущность требования как формы выражения побуждения. На конкретных примерах демонстрируются особенности реализации побуждения в ситуациях коррупционного речевого взаимодействия, которое обладает специфическими чертами, связанными со стремлением передавать информацию в завуалированной форме, маскировать истинные интенции. Отмечается, что возможности лингвистической экспертизы по делам рассматриваемой категории довольно широки, экспертами разрабатываются новые методические подходы к исследованию речевых материалов.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, коррупционный дискурс, побуждение, маскировка, требование

Для цитирования

Баскакова Н. Н. Выявление побуждения к передаче денежных средств при производстве судебной лингвистической экспертизы материалов коррупционной направленности // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 584–592. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.584-592.

Original article

IDENTIFICATION OF INDUCEMENTS TO TRANSFER FUNDS DURING THE PRODUCTION OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE OF CORRUPTION-RELATED MATERIALS

Natalia Nikolaevna Baskakova¹

¹ St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, baskakovann@yandex.ru

Abstract. The article discusses the possibilities of forensic linguistic expertise in the investigation of criminal cases of bribery. The focus is on the expert task of identifying the motivation in corruption discourse, in particular, in the situation of extortion of bribes. Based on the analysis of judicial practice, it is noted that such a sign of the crime in question as demanding a bribe is important for a law enforcement officer. From a linguistic point of view, the essence of the requirement as a form of expression of motivation is revealed. Concrete examples demonstrate the specifics of the implementation of motivation in situations of corrupt speech interaction, which has specific features associated with the desire to convey information in a veiled form, to mask true intentions. It is noted that the possibilities of linguistic expertise in cases of this category are quite wide, and experts are developing new methodological approaches to the study of speech materials.

Keywords: forensic linguistic expertise, corruption discourse, motivation, disguise, demand

For citation

Baskakova, N. N. 2025, 'Identification of inducements to transfer funds during the production of forensic linguistic expertise of corruption-related materials', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 584–592, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.584-592.

Противодействие коррупции является одним из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации. На борьбу с коррупцией направлены значительные усилия правоохранительных органов, тем не менее статистические данные свидетельствуют о том, что уровень коррупционной преступности по-прежнему высок. По данным ГИАЦ МВД России, в 2024 г. зарегистрировано 38 503 коррупционных преступления, что на 5,8 % больше по сравнению с 2023 г. (36 407)¹, а за девять месяцев 2025 г. выявлено 35 946 преступлений, что на 12 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. (31 814)². Среди преступлений коррупционной направленности наибольший процент составляет взяточничество.

В ходе расследования уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности у следствия нередко возникает потребность в использовании специальных знаний в различных областях науки и техники. Рассмотрим некоторые возмож-

¹ См.: Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 г. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> (дата обращения: 11.11.2025).

² См.: Состояние преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2025 г. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/72174303> (дата обращения: 11.11.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

ности судебной лингвистической экспертизы при расследовании уголовных дел о взяточничестве.

Потребность в назначении судебной лингвистической экспертизы возникает в ситуациях, когда смысловое содержание имеющихся в распоряжении следствия материалов (аудио- и видеозаписей, текстов переписки) не может быть установлено без привлечения специалиста в области лингвистики. Особенностью коррупционного дискурса как вида криминального общения является установка на сокрытие обсуждаемой в разговоре информации, маскировку интенций коммуникантов. С учетом данной специфики наиболее актуальной задачей, решаемой в рамках лингвистической экспертизы, является установление выраженного в тексте (разговоре) побуждения к передаче денежных средств и определение характера волеизъявления (требование, предложение, просьба и др.).

Побудительность – лингвистическая категория, «выражающая волеизъявление говорящего лица, которое проявляется в речевом воздействии на адресата сообщения с целью стимулирования его к определенному поведению» [2, с. 22]. Побуждение может иметь прямую и косвенную формы выражения. В высказываниях с прямым выражением волеизъявления основу составляет императив, а также «языковые средства, в которых побуждение заключено в их грамматике, семантике и прагматике, то есть выражено эксплицитно» [2, с. 23]. В коррупционном дискурсе преимущественно используются не прямые способы реализации побуждения, что обусловлено особенностями ситуации общения, связанной со стремлением адресанта сообщения завуалированно передавать побудительную интенцию. Адресату при этом необходимо верно декодировать прагматику передаваемого сообщения. К косвенным относятся косвенные и скрытые формы побуждения.

При использовании косвенного способа «побудительность выражается языковыми средствами, за которыми закреплено определенное грамматическое значение, не относящееся к семантике волеизъявления, но, будучи погруженными в определенный контекст, подобные языковые средства способны выражать побудительную семантику» [3, с. 137–138]. При этом разнообразие языковых конструкций, способных обладать косвенно-побудительной направленностью, «позволяет говорящему сознательно выбирать из представленных в речи косвенно-побудительных вариативных рядов такие средства, которые в каждом конкретном речевом акте в наибольшей, по его мнению, степени соответствовали бы не только его интенции, но и параметрам, задаваемым коммуникативной обстановкой, и тем самым обеспечивали бы положительный результат оказываемого воздействия» [4, с. 113]. Особенность скрытого побуждения заключается в том, что оно не выражается в языковых знаках, а извлекается из ситуации общения и текста в целом.

В контексте рассматриваемой экспертной задачи необходимо отметить следующее. Для выявления всех значимых признаков преступного деяния органам следствия при оценке имеющихся речевых материалов посредством лингвистического экспертного исследования нужно установить не только факт выраженного побуждения (например, к передаче денежных средств), но и характер волеизъявления. В качестве примера рассмотрим ситуацию вымогательства взятки (п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ). В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹ признаками состава данного преступления являются «не только требование должностного

¹ См.: СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092 (дата обращения: 14.11.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, дать взятку либо передать незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов (например, умышленное нарушение установленных законом сроков рассмотрения обращений граждан)».

С учетом анализа судебной практики можно заключить, что одним из признаков вымогательства взятки является требование дать взятку. С позиции лингвистики требование представляет собой тип целеустановки, выражающей каузацию совершения адресатом того или иного действия, которое он должен совершить, что не зависит от его (адресата) желания. Требование относится к категорическим формам побуждения, которые, в отличие от некатегорических (например, просьбы или предложения), не предполагают какой-либо альтернативы в поведении адресата побуждения.

Необходимо отметить, что в ряде случаев требование может сопровождаться угрозой (дополнительная целеустановка), которая также может быть выявлена лингвистическими методами. В рамках коррупционного дискурса дополнительные целеустановки ориентированы преимущественно на осуществление требуемого варианта развития ситуации.

Особенностью реализации требования в коррупционном дискурсе является отсутствие перформативов – конструкций, называющих данное коммуникативное задание («я требую...»).

Требование может выражаться различными конструкциями:

1) конструкции с императивом, подчеркивающие необходимость реализации именно данного действия (например: «Сюда положи», «Остальное завтра принеси», «Сейчас чего-нибудь дай»);

2) конструкции с глаголом каузируемого действия в форме настоящего времени несовершенного вида, подчеркивающие параметр обязательности и безоговорочности исполнения действия (например, «Сегодня приносишь двести», «Вторую часть передаешь моему человеку»);

3) конструкции «надо (нужно) + инфинитив», «должен + инфинитив», подчеркивающие параметр необходимого, должного. В подобных конструкциях обычно описан результат каузируемого действия, который способен осуществить адресат (например, «Надо еще тридцать добавить», «Ты должен перевести все сегодня»);

4) конструкции с глаголом каузируемого действия в форме прошедшего времени совершенного вида, актуализирующие организующую роль адресанта (например, «Давай, быстренько вот сюда положил и свободен»).

Рассмотренные конструкции используются для реализации прямого побуждения в форме требования.

Требование может выражаться и непрямым способом. Непрямые способы побуждения могут использоваться в ситуациях, когда адресантом осуществляется ряд речевых действий, направленных на достижение определенной цели – вынудить адресата передать денежные средства. Проиллюстрируем сказанное на конкретном примере коррупционного дискурса:

M1 – Контракт у нас с фондом капремонта. Вот и работаем, делаем.

M2 – Да это я понимаю, но вы сами понимаете, что у вас есть некоторые нюансы, при которых будем мы вашу фирму душить.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

M1 – Душить-то нас не надо.

M2 – Это и вам неинтересно, и нам неинтересно, правильно?

M1 – Работать-то надо нам.

M2 – Правильно. Вам надо работать и нам надо работать. Мы как бы на вас показатели уже сделали один раз, мы можем их делать каждый день.

M1 – Да не надо.

M2 – Вот о чем и речь. Тут область приезжала, мы помогли чуть-чуть, спрятали ваших. Другие не спрятались. Не успели. На юриц пишут до миллиона. Так что вот такая ситуация. Хотелось бы просто услышать, что вы можете. И мы решим этот вопрос положительно.

M1 – Ну можете хоть как-то...

M2 – Без фанатизма. Мы – люди скромные, не хамы. Нарисуй.

M1 – Ну, я...

M2 – Рисовать умеешь? Ну так нарисуй, что ты сможешь.

M1 – Сколько это все проходит?

M2 – Понимаешь, вы предложите, мы подумаем, стоит нам вообще связываться или нет.

M1 – У меня просто еще партнер есть.

M2 – Вы с партнером посоветуйтесь. Ну, вы обсудите, мы вас не подгоняем. Говорю: без фанатизма. Как говорит мой друг: дал Господь – так спасибо, не дал – два раза спасибо.

M1 – Ну давайте я ...

M2 – Ну ты нарисуй мне что-нибудь.

M1 – Так от чего отталкиваться, хоть порядок цен-то?

M2 – Вы скажете «мяу», а я скажу «гав», а потом вместе скажем «му». Что тут непонятного?

M1 – Ну не знаю. Ну тогда я с напарником встречусь. Все равно куда мы от вас денемся с подводной лодки-то.

M2 – Совершенно справедливо.

Ведущую позицию в представленном разговоре занимает коммуникант «M2», который демонстрирует более высокий уровень владения ситуацией, чем его собеседник «M1», контролирует тему и развитие разговора. Коммуникантами обсуждается проблемная ситуация, возникшая у одного из них, которая заключается в том, что фирма коммуниканта «M1» осуществляет работы с нарушениями. Коммуникант «M2» инициирует тему проблемной ситуации, инициирует тему возможности благополучного решения проблемного вопроса и поддерживает данную тему в ходе разговора, вводит вариант бенефактивного (благополучного) развития ситуации («И мы решим этот вопрос положительно»). Занимая ведущую позицию в разговоре, «M2» осуществляет контроль за инициативой, в случае необходимости передавая ее собеседнику, в частности, при озвучивании конкретных предложений в рамках решения проблемной ситуации («Хотелось бы нам просто услышать, что вы можете», «Ну, понимаешь, вы предложите, мы подумаем, стоит нам вообще связываться или нет»).

В процессе общения коммуникант «M1» осуществляет попытки передать инициативу в озвучивании/обозначении конкретных потребностей (какая сумма требуется) лицу «M2» («M1 – Ну я не знаю», «M1 – Сколько это все проходит?», «M1 – Так-то от чего отталкиваться хоть порядок цен-то?», «M1 – Ну, можете хоть как-то»). Данные речевые действия коммуниканта «M1» завершаются коммуникативной неудачей, поскольку лицо «M2» не

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

берет на себя инициативу, используя тактики уклонения от прямого ответа («Вы скажете «мяу», а я скажу «гав», а потом вместе скажем «му», «Без фанатизма. Мы – люди скромные, не хамы»).

В ходе разговора коммуникант «М1» посредством высказывания «У меня просто еще партнер есть», содержащего указание на наличие фактора, препятствующего немедленному исполнению каузируемого действия, косвенно побуждает своего собеседника «М2» предоставить возможность для обсуждения с другим лицом вопроса, связанного с предложением денежных средств. Побуждение выражено непрямым способом: посредством констатации положения вещей («У меня просто еще партнер есть» → 'предоставьте возможность обсудить вопрос с партнером'). Коммуникант «М2» положительно реагирует на побуждение, выражает согласие («Вы с партнером посоветуйтесь», «Ну вы обсудите, мы вас не подгоняем»).

В рассматриваемом примере коммуникантом «М2» посредством высказывания «Хотелось бы нам просто услышать, что вы можете» выражено косвенное побуждение коммуниканта «М1» предложить денежную сумму за решение проблемного вопроса.

С учетом анализа контекста, коммуникативной ситуации, ролевых функций собеседников можно заключить, что побуждение реализуется в категорической форме требования. На это указывает отсутствие альтернативы относительно исполнения лицом «М1» каузируемого действия, что выражается: неоднократным прямым побуждением в форме требования написать предложение («Нарисуй», «Ну так нарисуй, что ты сможешь», «Ну ты нарисуй мне что-нибудь»); указанием на возможность продолжить осуществлять нежелательные действия в отношении фирмы «М1» («У вас есть некоторые нюансы, при которых будем мы вашу фирму душить», «Мы как бы на вас показатели уже сделали один раз, мы можем их делать каждый день»).

Безальтернативность констатируется самим адресатом «М1» («Все равно, куда мы от вас денемся с подводной лодки-то») и поддерживается коммуникантом «М2» («Совершенно справедливо»).

В рассматриваемом примере коммуникантом «М2» под видом некатегорического побуждения к взаимовыгодному сотрудничеству выражается категорическое побуждение предложить денежные средства, не предполагающее никаких альтернатив в поведении адресата (деньги надо предложить в любом случае).

Одним из способов непрямого побуждения к передаче денежных средств является использование намека.

В коррупционном дискурсе намеки помогают адресанту в завуалированном виде оказать воздействие на адресата с целью побудить его к предложению денежных средств. Намек относится к косвенным способам передачи информации, являясь средством скрытого речевого воздействия. Сущность намека заключается в «упоминании некоторого компонента типизированной ситуации, по которому адресат может реконструировать всю ситуацию в целом или те ее компоненты, которые составляют содержание намека. Если адресат не имеет необходимого фонового знания, то намек не будет прочитан, понят» [1, с. 50]. Таким образом, одним из основных признаков намека является расчет адресанта на догадку адресата в отношении выражаемой интенции.

В качестве примера реализации намека на необходимость передачи денежных средств рассмотрим следующий фрагмент диалога:

(1) М1 – О чем ты говоришь хоть?! Я не понимаю. Я тебя просто не понимаю, о чем ты говоришь! Мы говорили с тобой, на вопрос поставили точку.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

(2) M2 – Ну поставили точку, так надо что-то делать дальше, наверное (нужно сделать нечто для благополучного решения. – *примеч. авт.*).

(3) M1 – А дальше что надо делать? Сто пятьдесят тысяч штраф заплатить?!

(4) M2 – Ну.

(5) M1 – А зачем тогда к тебе подходил? Я не понял.

(6) M2 – Так результата-то нету, что подходил. Никакого (нужен результат. – *примеч. авт.*).

(7) M1 – Почему результата нету? Давай сейчас результат отдаст он тебе. Пусть там отдаст?

(8) M2 – Ну, ну, наверное.

(9) M1 – Ну, восемьдесят ему занести к тебе сюда или нет?

(10) M2 – Ну, пусть заносит.

В представленном фрагменте коммуникант «M2» дважды намекает (реплики 2, 6) собеседнику «M1» на необходимость материального вознаграждения за решение проблемы, возникшей у «M1» (правонарушение со стороны сотрудника фирмы «M1»). В первом случае (реплика 2) намек («так надо что-то делать дальше, наверное») не был понят адресатом («M1»), продолжившим высказывать возмущение относительно нежелания лица «M2» следовать достигнутым ранее устным договоренностям о благополучном разрешении проблемы. Во втором случае (реплика 6) намек («Так, результата-то нету что подходил. Никакого») был понят адресатом адекватно, на что указывают его последующие высказывания «Давай сейчас результат отдаст он тебе», «Ну, восемьдесят ему занести к тебе сюда или нет?».

Одним из способов реализации в коррупционном дискурсе скрытого побуждения является использование прецедентных высказываний, к которым относятся, например, различные узуальные и окказиональные устойчивые выражения: «спасибо на хлеб не намажешь», «кто рано встает, тому Бог подает», «это ты удачно зашел» и др. Обоснованный вывод о наличии скрытых форм побуждения возможен только при наличии в тексте других высказываний, выражающих побуждение более явным образом.

В заключение отметим, что возможности лингвистической экспертизы по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности не ограничиваются определением наличия побуждения к передаче денежных средств. Отдельной задачей может быть, например, установление самого факта обсуждения передачи денежных средств, что особенно актуально в ситуациях маскировки содержательных элементов текста, когда, например, коммуникантами для обозначения денежных средств используются различные кодовые номинации. Так, в экспертной практике автора встречались такие наименования денежных средств, как километры, бумаги, документы, мандарины.

С учетом специфики коррупционного дискурса речевое воздействие адресанта на адресата может приобретать характер речевой стратегии, направленной на то, чтобы подвести адресата к предложению денежных средств адресанту, что с правовой позиции соотносится с провокацией взятки.

Высокая потребность в проведении судебной экспертизы по материалам коррупционной направленности, совершенствование способов сокрытия речевой информации от третьих лиц требует новых методических подходов к решению экспертных задач. Так, в Судебно-экспертном центре Следственного комитета Российской Федерации разработаны методические рекомендации по производству судебных лингвистических экспертиз коррупционных материалов [5], в которых авторами усовершенствованы алгоритмы решения типовых задач, расширен перечень решаемых вопросов и обосно-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

вано внедрение новых алгоритмов и схем лингвистического анализа, что позволяет значительно расширить возможности судебной лингвистической экспертизы по делам указанной категории.

Список источников

1. Баранов А. Н. Намек как способ косвенной передачи смысла // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. Междунар. конф. «Диалог-2006». М. : РГГУ, 2006. С. 46–51.
2. Волкова А. Е. Импликация семантики побудительности в составе высказываний с не прямой формой побуждения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2011. № 1(13). С. 21–27.
3. Волкова А. Е. Способы выражения непрямого побуждения в высказываниях разной степени категоричности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1, № 4. С. 134–141.
4. Кудряшов И. А. Основные проблемы изучения косвенно-побудительных актов как действенного средства речевого воздействия // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира : материалы Междунар. науч. конф. Архангельск : ПГУ им. М. В. Ломоносова, 2002. С. 112–114.
5. Методика проведения лингвистической экспертизы по материалам коррупционной направленности : метод. рек. / Н. Н. Баскакова [и др.]. М. : СЭЦ СК России, 2024. 218 с.

References

1. Baranov, A. N. 2006, 'Hint as a way of indirect transmission of meaning', *Computational linguistics and intellectual technologies: proceedings of the International Conference "Dialog-2006"*, RGGU, pp. 46–51, Moscow.
2. Volkova, A. E. 2011, 'Implication of motivation semantics in the composition of statements with an indirect form of motivation', *Bulletin of Volgograd State University, Series 2. Linguistics*, iss. 1(13), pp. 21–27.
3. Volkova, A. E. 2011, 'Ways of expressing indirect motivation in statements of varying degrees of categoricity', *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, vol. 1, iss. 4, pp. 134–141.
4. Kudryashov, I. A. 2002, 'The main problems of studying indirect motivational acts as an effective means of speech influence', *Problems of conceptualizing reality and modeling the linguistic picture of the world: proceedings of the International Scientific Conference, Lomonosov Pomeranian State University*, pp. 112–114, Arkhangelsk.
5. Baskakova, N. N. et al. 2024, *Methods of conducting linguistic expertise based on corruption-related materials: methodological recommendations*, SEC IC of Russia, Moscow.

Информация об авторе

Н. Н. Баскакова – кандидат филологических наук, доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки криминалистов.

Information about the author

N. N. Baskakova – Ph.D (Philological Sciences), Associate Professor of the Department of Forensic Expertise and Operational Investigative Activities of the Criminologist Training Faculty.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Научная статья

УДК 343.4

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.593-600

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВОЗВРАТУ ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Михаил Юрьевич Гусак¹

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, г. Санкт-Петербург, Россия,
fin13.money@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации преступления, предусматривающего уголовную ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц. Дается характеристика объективных и субъективных признаков преступления, предусматривающего ответственность по статье 172.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, подробно рассматривается вопрос предмета преступления. Для определения размера деяния, предусмотренного статьей 172.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, формулируются предложения по внесению разъяснения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации с целью унификации судебной практики и повышения эффективности противодействия рассматриваемому виду преступной деятельности. Указывается на необходимость законодательного закрепления понятия «просроченная задолженность».

Ключевые слова: незаконная деятельность, просроченная задолженность, кредитный договор, займ

Для цитирования

Гусак М. Ю. Проблемы применения уголовно-правовой нормы об ответственности за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 593–600. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.593-600.

Original article

PROBLEMS OF THE APPLICATION OF THE CRIMINAL LAW NORM ON LIABILITY FOR THE ILLEGAL IMPLEMENTATION OF ACTIVITIES FOR THE REPAYMENT OF OVERDUE DEBTS OF INDIVIDUALS

Mikhail Yurievich Gusak¹

¹ SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia, fin13.money@mail.ru

Abstract. The article discusses the problems of qualification of a crime involving criminal liability for the illegal implementation of activities for the repayment of overdue debts of individuals. The article describes the objective and subjective signs of a crime involving liability under Article 172.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, and examines in detail the issue of the subject of the crime. In order to determine the size of the act provided for in Article 172.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, proposals are being formulated to clarify the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in order to unify judicial practice and increase the effectiveness of countering the type of criminal activity in question. The need for legislative consolidation of the concept of "overdue debt" is pointed out.

Keywords: illegal activity, overdue debt, loan agreement, loan

For citation

Gusak, M. Yu. 2025, 'Problems of the application of the criminal law norm on liability for the illegal implementation of activities for the repayment of overdue debts of individuals', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 593–600, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4. 593-600.

Возросший спрос среди физических лиц на финансовые услуги путем заключения договорных обязательств на получение денежных средств породил случаи неисполнения и нарушения договорных условий заемщиками и нанесения ущерба кредитным учреждениям, тем самым лишая их возможности получения выгоды, исходя из постоянно меняющейся конъюнктуры рынка.

Продолжительное время функции по возврату денежных средств были возложены на структурные подразделения кредитных организаций, однако позже передавались третьим лицам, которые начали заниматься предпринимательской деятельностью по взысканию просроченной задолженности с физических лиц либо по поручению кредитора, либо после приобретения статуса кредитора по договору уступки (требования) [3, с. 19–24].

Учитывая, что способы взыскания долговых обязательств впоследствии приобрели недобросовестный и незаконный характер, часто сопровождаясь насилием либо угрозой его применения, это побудило законодателя внести соответствующее изменение и дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) ст. 172.4, предусматри-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

вающей уголовную ответственность за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц.

Под непосредственным объектом преступления, предусматривающего ответственность по ст. 172.4 УК РФ, И. М. Середа и С. А. Ступина понимают договорные отношения между субъектами по вопросу возврата просроченной задолженности, возникшие на основании денежных обязательств [6, с. 370–377].

Однако расположение ст. 172.4 в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ дает основание согласиться с мнением авторов [2, с. 48–55], которые под непосредственным объектом рассматриваемого состава преступления понимают общественные отношения регулируемые законодательством¹, предусматривающим правовые основания по возврату просроченной задолженности физических лиц.

Учитывая схожесть способа совершения преступления, предусматривающего ответственность по ст. 172.4 «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц» УК РФ и ст. 163 «Вымогательство» УК РФ, которая ранее применялась в отношении лиц, занимающихся взысканием долгов при фактическом отсутствии договорных отношений с кредитором, под дополнительным объектом могут рассматриваться права, свободы и законные интересы личности: здоровье человека, физическая неприкосновенность, свобода, честь и достоинство личности, доброе имя, деловая репутация гражданина, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна» [1, с. 288–290].

С учетом отраслевой принадлежности² нормы, предусматривающей ответственность по ст. 172.4 УК РФ, в качестве потерпевших можно признать физических лиц, в отношении которых совершаются действия, направленные на возврат просроченной задолженности, или его близких лиц, за исключением:

- физических лиц, являющихся кредиторами по денежным обязательствам, самостоятельно осуществляющих действия, направленные на возврат возникшей перед ними задолженности другого физического лица в размере, не превышающем пятидесяти тысяч рублей, за исключением случаев возникновения указанной задолженности в результате перехода к ним прав кредитора (цессии);
- физических лиц, являющихся индивидуальными предпринимателями, по денежным обязательствам, которые возникли в результате осуществления ими предпринимательской деятельности;
- физических лиц, имеющих просроченную задолженность на основании жилищного законодательства, законодательства Российской Федерации о водоснабжении, водоотведении, теплоснабжении, газоснабжении, об электроэнергетике, а также законодательства Российской Федерации, регулирующего отношения в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами.

Более подробно остановимся на определении предмета преступления, предусмотренного ст. 163 УК РФ, понятие которого раскрывается в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. (далее – постановление

¹ См.: О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Там же.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Пленума ВС РФ) № 56¹, тогда как действия, направленные на возврат просроченной задолженности, выступающие в качестве предмета преступного воздействия, предусматривающего ответственность по ст. 172.4 УК РФ, отражаются в диспозиции нормы.

Необходимо отметить, что в уголовном и отраслевом законодательстве² содержание понятия «просроченная задолженность» не раскрывается, что впоследствии может привести к ошибочному и произвольному толкованию со стороны правоприменителя. Однако определение «просроченная задолженность» используется в проекте Федерального закона «О деятельности по взысканию просроченной задолженности физических лиц», согласно которому под просроченной задолженностью понимается суммарный объем не исполненных должником в установленный срок денежных обязательств, обязанность по уплате которых возникла вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства перед кредитором, в том числе в результате неправомерного удержания денежных средств, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате, либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица, включая суммы неустойки (штрафов, пеней) и процентов, начисленных за просрочку исполнения обязательств, если иное не установлено федеральным законом или договором³.

В ст. 112.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации под просроченной задолженностью, говоря об отношениях в бюджетной сфере, понимается задолженность субъекта Российской Федерации, муниципального образования, образовавшаяся ввиду неисполнения или ненадлежащего исполнения в установленный срок долговых обязательств. В связи с этим, как нам кажется, законодательный пробел в определении понятия «просроченная задолженность», учитывая отсутствие четкого разграничения возможных видов обязательств, входящих в данное определение, может создавать сложности у правоприменителя в вопросе определения размера преступного деяния.

За нарушение сроков и просрочку возврата суммы займа, установленную кредитным договором, в соответствии с п. 1 ст. 395, п. 1 ст. 811 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) с заемщика могут взыскиваться неустойки (штрафы, пени), включающие:

- основную сумму займа, установленную договорным обязательством, не возвращенную в срок;

- проценты за пользование кредитом (займом), размеры которых устанавливаются договорным обязательством. В случае отсутствия такой информации определяются на основании ключевой ставки Банка России, действовавшей в соответствующие периоды (п. 1 ст. 395 ГК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ

¹ См.: О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56. К предмету вымогательства по смыслу ст. 163 УК РФ относится, в частности, чужое (не принадлежащее виновному на праве собственности) имущество, а именно вещи, включая наличные денежные средства, документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права, в том числе права требования и исключительные права.

² См.: О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ.

³ См.: Проект Федерального закона «О деятельности по взысканию просроченной задолженности физических лиц» : подготовлен Минэкономразвития России (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 12.12.2011). Документ опубликован не был.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

«О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹.

– проценты, начисленные за нарушения сроков возврата кредита (займа) или уплаты процентов, начисляются со дня, когда сумма займа должна быть возвращена, до дня фактического возврата займодавцу².

По нашему мнению, лица, которым было передано право требования по ранее заключенному с физическим лицом кредитному договору, могут злоупотреблять правом, что впоследствии может привести к незаконному искажению реальной стоимости просроченной задолженности. В связи с этим, учитывая квалифицирующие признаки (крупный и особо крупный размер) состава преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ, для определения размера деяния, предлагаем внести изменение в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации в виде разъяснения следующего содержания.

Крупный или особо крупный размер деяния, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ, определяется исходя из фактической стоимости просроченной задолженности физических лиц, составляющей предмет преступления, на момент начала совершения действий, направленных на ее возврат, сопряженных с угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества, а равно с угрозой распространения либо распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего, а в случае совершения нескольких действий – на момент начала осуществления первого из них.

Размер просроченной задолженности физических лиц устанавливается в соответствии с условиями договора потребительского кредита (займа) и не может превышать двадцать процентов годовых от суммы просроченной задолженности по договору потребительского кредита (займа) в случае, если по условиям договора потребительского кредита (займа) на сумму потребительского кредита (займа) проценты за соответствующий период нарушения обязательств начисляются, или в случае, если по условиям договора потребительского кредита (займа) проценты на сумму потребительского кредита (займа) за соответствующий период нарушения обязательств не начисляются, 0,1 % от суммы просроченной задолженности по договору потребительского кредита (займа) за каждый день нарушения обязательств. При отсутствии сведений о фактической стоимости просроченной задолженности она может быть установлена на основании заключения специалиста или эксперта³.

Согласно конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ст. 172.4 УК РФ, является формальным. Противоправные действия могут выражаться как в устной, так и в письменной форме (посредством личных встреч, телефонных звонков, смс-сообщений, писем, электронных писем), имеют целью единовременное или систематическое (периодическое) получение просроченной задолженности.

Преступление считается оконченным вследствие совершения действий, которые потерпевший должен воспринимать как реальные, сопряженные:

- с угрозой применения насилия;
- угрозой уничтожения или повреждения имущества;

¹ См.: О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: О потребительском кредите (займе) : федер. закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Там же.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

– угрозой распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких;

– распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего или его близких.

Совершенное в императивной форме действие в адрес потерпевшего либо его близких лиц¹ не является основанием для привлечения к уголовной ответственности за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц.

Стоит отметить схожесть действий виновного лица, указанных в пп. 1, 2, применяемых в целях достижения преступного результата в диспозиции ст. 172.4, 163 УК РФ.

Одним из обязательных признаков объективной стороны действий, направленных на возврат просроченной задолженности, является угроза, представляющая собой психическое насилие, побуждающее к исполнению предъявленного требования. Под угрозой применения насилия понимается запугивание потерпевшего или его близких избить, покалечить либо применить иные способы физической расправы [5].

В отличие от грабежа и разбоя, где угроза виновного на завладение имуществом имеет сиюминутный характер и превращается в действие, угроза применения насилия лицами, осуществляющими деятельность по возврату просроченной задолженности, направлена на действия, которые планируется провести в будущем. Виновный, если не будет выполнено его требование, не намерен немедленно применить насилие, в момент высказывания угрозы, а напротив, в более или менее близком будущем [4].

Описывая диспозицию уголовно-правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность по ст. 172.4 УК РФ в виде угрозы распространения либо распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство, законодатель преследовал цель максимально конкретизировать объективную сторону посредством выделения наиболее распространенных и встречающихся в практике возможных видов угроз со стороны лиц, незаконно осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности, близкой к норме, предусматривающей ответственность за клевету.

Учитывая отраслевой характер рассматриваемой уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность по ст. 172.4 УК РФ, субъект преступления является специальным, осуществляющим профессиональную деятельность в рамках действующего законодательства Российской Федерации, в качестве которого могут выступать:

– юридические лица, чья профессиональная деятельность – предоставление потребительских займов;

– юридические лица, осуществляющие деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц в качестве основного вида деятельности;

– специализированные финансовые общества;

¹ См.: О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56. В соответствии с п. 5 к близким потерпевшего следует относить его близких родственников (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки), родственников (все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве с потерпевшим), а также лиц, состоящих в свойстве с потерпевшим, или лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

– физические лица, указанные в письменном согласии заемщика, полученном кредитором после возникновения у заемщика просроченной задолженности по договору потребительского кредита (займа).

Обязательным критерием признания субъекта виновным за незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц является наличие договорных отношений (уступки прав (требований) по договору потребительского кредита (займа).

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 172.4 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла. Лицо, совершающее противоправное деяние, осознает совершение самого действия и предвидит возможность или неизбежность в связи с нарушением установленного порядка возврата просроченной задолженности наступления общественно опасных последствий, а также желает их наступления. Виновный, распространяя информацию, порочащую честь и достоинство потерпевшего или его близких, неоспоримо должен быть осведомлен о ее ложности. Распространение достоверных, хотя и позорящих лицо сведений о подлинных фактах не образует состава рассматриваемого преступления. Таким образом, для привлечения виновного к ответственности за незаконные действия по возврату просроченной задолженности виновное лицо должно осознавать свои действия как противоправные, не основанные на нормах закона, а потерпевший угрозы, направленные в его сторону, воспринимать как реальные.

В качестве выводов необходимо отметить, что стремление законодателя к криминализации преступных деяний по незаконному возврату просроченной задолженности является обоснованным. Однако отсутствие в настоящее время лиц, осужденных за преступление, предусмотренное ст. 172.4 УК РФ¹, может являться причиной несовершенства действующего уголовного законодательства, которое необходимо устранить посредством внесения необходимых изменений и разъяснений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Список источников

1. Голуб П. А. Объект и объективная сторона вымогательства // Молодой ученый. 2021. № 22(364). С. 288–290.
2. Дайшутов М. М., Чугунов А. А. Объективные и субъективные признаки незаконного осуществления деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 48–55.
3. Илюшина М. Н. Механизм гражданско-правовой ответственности за нарушение прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности (коллекторской деятельности) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 4. С. 19–24.

¹ См.: Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам. Форма статистической отчетности № 10-а за 2023 г. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 08.09.2025); Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам. Форма статистической отчетности № 10-а за 2024 г. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 08.09.2025).

4. Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2012. 528 с.

5. Овсюков Д. А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалификации : монография / под науч. ред. С. М. Кочои. М. : Проспект, 2023. 184 с.

6. Середа И. М., Ступина С. А. Вымогательство и незаконные действия при возврате просроченной задолженности физических лиц: соотношение по объекту преступления // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 280-летию со дня рождения Г. Р. Державина (Иркутск, 29 сент. 2023 г.). Иркутск : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. С. 370–377.

References

1. Golub, P. A. 2021, 'The object and the objective side of extortion', *Young scientist*, iss. 22(364), pp. 288–290.

2. Daishutov, M. M. & Chugunov, A. A. 2024, 'Objective and subjective signs of illegal activity on repayment of overdue debts of individuals', *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 5, pp. 48–55.

3. Ilyushina, M. N. 2019, 'The mechanism of civil liability for violation of the rights and legitimate interests of individuals when carrying out activities to repay overdue debts (collection activities)', *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, iss. 4, pp. 19–24.

4. Lopashenko, N. A. 2012, *Encroachments on property: a monograph.*, Norm, Infra-M, Moscow.

5. Ovsyukov, D. A. 2023, *Mercenary crimes against property using information and telecommunication networks: qualification issues: monograph*, S. M. Kochoi (ed.), Prospect, Moscow.

6. Sereda, I. M. & Stupina, S. A. 2023, 'Extortion and illegal actions in the repayment of overdue debts of individuals: the ratio of the object of the crime // Problems of modern legislation in Russia and foreign countries : proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference dedicated to the 280th anniversary of the birth of G. R. Derzhavin (Irkutsk, September 29, 2023), Irkutsk, 2023, Higher School of Law (RPA of the Ministry of Justice of Russia), pp. 370–377/

Информация об авторе

М. Ю. Гусак – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы.

Information about the author

M.U. Gusak – Ph.D(Law), Leading researcher at the Research laboratory of the Faculty of Scientific and Pedagogical Staff Training and Organization of research work.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Научная статья

УДК 343.3/.7

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.601-611

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ПРОДОЛЖИТЕЛЬНАЯ И АКТИВНАЯ ЖИЗНЬ»: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В КЛЮЧЕ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ МЕДИЦИНЫ

Евгения Евгеньевна Черных^{1,2}

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

² Нижегородская академия МВД России

Аннотация. Статья посвящена правовому осмыслению современных вызовов, возникающих при реализации национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» в условиях активного внедрения высокотехнологичных решений в сферу здравоохранения. Особое внимание уделяется проблемам нормативно-го сопровождения цифровых сервисов, геномной диагностики, дистанционного мониторинга и новых форм междисциплинарного взаимодействия. Отдельный акцент сделан на необходимости адаптации уголовной политики к меняющемуся характеру угроз, связанных с применением алгоритмических систем и экспериментальных методик, что в целом актуализирует необходимость комплексного подхода к обеспечению правовой безопасности личности в трансформирующемся биомедицинском пространстве.

Ключевые слова: биомедицина, здравоохранение, ответственность, законодательство, инновации, риск, уголовная политика

Для цитирования

Черных Е. Е. Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь»: социально-правовые и уголовно-политические аспекты в ключе развития инновационной медицины // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 601–611. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.601-611.

Original article

NATIONAL PROJECT "LONG AND ACTIVE LIFE": SOCIO-LEGAL AND CRIMINAL-POLITICAL ASPECTS IN THE KEY TO THE DEVELOPMENT OF INNOVATIVE MEDICINE

Evgenia Evgenievna Chernyh^{1,2}

¹ National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

² Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The article is devoted to the legal understanding of modern challenges arising in the implementation of the national project "Long and active life" in the context of the active introduction of high-tech solutions in the healthcare sector. Special attention is paid to the problems of regulatory support for digital services, genomic diagnostics, remote monitoring and new forms of interdisciplinary interaction. A special emphasis is placed on the need to adapt criminal policy to the changing nature of threats associated with the use of algorithmic systems and experimental techniques, which generally actualizes the need for an integrated approach to ensuring the legal security of individuals in the transforming biomedical space.

Keywords: biomedicine, healthcare, responsibility, legislation, innovation, risk, criminal policy

For citation

Chernykh, E. E. 2025, 'National project "Long and active life": socio-legal and criminal-political aspects in the key to the development of innovative medicine', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 601–611, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.601-611.

Формирование современной модели государственной политики в сфере охраны здоровья требует не только пересмотра приоритетов, но и переоценки самих целей публичного управления в данной области общественных отношений¹. Традиционно ориентированная на реакцию в ответ на уже наступившие патологические состояния, система медицинского обеспечения все чаще сталкивается с необходимостью перехода к долгосрочному сопровождению состояния человека, акцентированному на сохранении функциональной автономии, профилактике возрастных изменений и поддержании социальной активности населения. В этом контексте национальный проект «Продолжительная и активная жизнь», утвержденный к реализации с 2025 г.², стал важной точкой институционального поворота. Его концептуальная основа отражает переход от фрагментарных программ к комплексной стратегии, направленной на поддержание

¹ См.: О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента Рос. Федерации от 6 июня 2019 г. № 254 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 23. Ст. 2927.

² См.: Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» // Официальный веб-сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/917/about> (дата обращения: 14.03.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

и воспроизводство устойчивого гражданского ресурса, снижение уязвимости перед хроническими и социально значимыми расстройствами, а также формирование среды, благоприятной для физического и ментального благополучия. Реализация такого подхода требует не только модернизации организационно-финансовых механизмов, но и адаптации действующего законодательства к новым реалиям. Это предполагает закрепление новых форм взаимодействия между пациентом и профессиональным медицинским сообществом, а также уточнение юридических критериев допустимого вмешательства, стандартов ответственности и механизмов защиты личных данных в условиях биомедицинской трансформации.

Принятие указанной программы означает поворот к комплексному восприятию человеческой жизни в качестве показателя, олицетворяющего национальный потенциал¹. Ключевая задача – увеличение ее ожидаемой продолжительности до 78 лет к 2030 г. и до 81 года к 2036 г. подкреплена масштабными инвестициями (свыше 2 трлн рублей на шестилетний период), а также запуском 11 федеральных инициатив, охватывающих модернизацию медицинской инфраструктуры, формирование профилактически ориентированной среды, развитие профильных технологий и цифровых инструментов управления здоровьем населения.

Появление таких векторов, как персонифицированная профилактика, дистанционное медицинское сопровождение, государственно-частное партнерство в разработке препаратов и методов диагностики, обусловлено как внутренними, так и внешними факторами. К числу первых относятся демографический спад, старение населения, высокая распространенность хронических и социально значимых болезней, в рамках чего особое внимание, как отмечает Президент Российской Федерации В. В. Путин, должно уделяться сельским территориям, регионам, где продолжительность жизни пока ниже, чем в среднем по стране². В свою очередь, внешними катализаторами выступают глобальная технологическая конкуренция, экспансия транснациональных фармацевтических структур [8, с. 19–26], а также изменение международных стандартов охраны здоровья³ и подходов к укреплению безопасности человечества перед лицом будущих эпидемиологических угроз⁴. Эти условия предопределили повестку проекта как превентивно направленную и биотехнологически насыщенную, что требует качественно нового межведомственного и междисциплинарного механизма регулирования.

Таким образом, юридическая оценка нового курса государственной политики в обозначенной сфере общественных отношений должна учитывать тот факт, что речь идет не просто о реформировании системы медицинской помощи, а о создании инфраструктуры долгосрочного сопровождения жизни людей на всех ее этапах – от раннего вы-

¹ См.: О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

² См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 года // Рос. газ. 2024. 1 марта.

³ См.: Поправки к Международным медико-санитарным правилам: согласованы на семьдесят седьмой сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения 1 июня 2024 г. (протокол A77/A/CONF./14) // Официальный веб-сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA77/A77_ACONF14-ru.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

⁴ См.: Страны заключили историческое соглашение о пандемиях после трех лет переговоров 16 апреля 2025 г. // Официальный вебсайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/229158> (дата обращения: 10.04.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

явления рисков до обеспечения независимого и социально активного старения. При этом данные трансформации несут в себе множество вызовов, выходящих за рамки отраслевого законодательства и затрагивающих систему защиты персональных данных, этику биомедицинских исследований, уголовную ответственность в новых сегментах взаимодействия врачей и пациентов, а также иные аспекты правовой природы здоровья. При этом нельзя не отметить, что междисциплинарность заложена в структуру данной сугубо узкопрофильной инициативы. В ее реализации пересекаются интересы медицинской науки, уголовного судопроизводства, цифрового регулирования, социальной политики и биоэтики. Это требует формирования новой нормативной культуры, способной согласовывать технологические разработки и научные открытия с фундаментальными принципами обеспечения законных интересов граждан. Таким образом, национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» выступает не только как инструмент управления демографической ситуацией, но и как вызов социальному правосознанию, стимулирующий обновление консервативных юридических подходов в условиях полноценной интеграции инновационной медицины в сферу оказания врачебных услуг.

С учетом изложенного представляется целесообразным обратить внимание на те компоненты представленной программы, которые не только видоизменяют систему охраны здоровья, но и формируют необходимые предпосылки для модернизации законодательного регулирования в данной области общественных отношений.

1. Глобальная информатизация

Один из наиболее амбициозных элементов национального проекта – создание цифровой платформы «Здоровье», которая объединит в себе электронные медицинские карты, сервисы дистанционного наблюдения за состоянием человека, автоматизированные рекомендации и системы обмена данными между соответствующими учреждениями. По сути, речь идет о переходе к постоянному сопровождению пациента как в момент обращения за помощью, так и в повседневной жизни – через носимые устройства, телеметрию и виртуальный профиль.

Такая интеграция технологий, с одной стороны, открывает возможности для раннего выявления отклонений и своевременного вмешательства, а с другой – порождает целый ряд разноплановых вопросов и потенциальных рисков. Прежде всего, это касается защиты индивидуальных сведений, в том числе физиологических показателей, которые собираются в непрерывном автоматическом режиме. Действующее отечественное юридическое поле, включая Федеральный закон «О персональных данных», не учитывает многих особенностей подобного формата реализации биомедицины, в частности, постоянной передачи определенных материалов третьим лицам, применения алгоритмов без участия врача и хранения социально чувствительной информации в «облачных системах»¹.

Кроме того, остается не в полной мере урегулированным вопрос согласия на обработку фигурирующего в настоящем контексте массива знаний. В современной модели гражданского взаимодействия с системой здравоохранения пациент подписывает общий формуляр, не имея возможности учесть множество ситуаций, связанных с повторным использованием его данных, например, в статистических или исследовательских целях. В этом ключе также возникает уже традиционный для отечественной гуманитарной

¹ См.: О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3451.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

доктрины вопрос – кто несет ответственность, если искусственный интеллект выдает ошибочную рекомендацию, а врач, опираясь на нее, принимает неверное решение: медицинская организация, разработчик программного обеспечения или конкретный специалист [3, с. 88–91; 4, с. 77–80; 5, с. 1–9; 6, с. 148–151; 9, 127–131].

Обозначенные пробелы выступают необходимыми предпосылками для формирования комплексной нормативной модели, которая будет учитывать как стремления пациента к защите своей частной жизни, так и объективные риски, возникающие при расширении электронной интеграции в сферу здравоохранения. Только при наличии обстоятельного, в том числе конкретизированного, правового регулирования возможен баланс между безопасностью, эффективностью цифровых сервисов и законными интересами человека.

2. Персонифицированная профилактика и диспансеризация

Одним из ключевых направлений развития, предусмотренных в рамках национального проекта, выступает смещение фокуса действующей парадигмы здравоохранения с запоздалого реагирования на патологические процессы к раннему оперативному вмешательству и формированию профилактически ориентированной модели сопровождения [7, с. 140–148]. Практическое наполнение представленного стратегического подхода включает в себя расширение программ диспансерного наблюдения, внедрение выездных форм консультирования, а также персонализированные рекомендации, адаптированные к персональным особенностям каждого человека.

Реализация подобного подхода требует нормативного закрепления новых видов взаимодействия между гражданами и учреждениями, осуществляющими соответствующую деятельность. В частности, необходимо регламентировать условия, при которых индивидуальные рекомендации могут иметь правовую значимость, определить юридические основания для организации удаленного скрининга и зафиксировать допустимые границы участия третьих лиц, например, страховых компаний или операторов цифровых сервисов, в профилактическом контуре.

Дополнительный пласт юридических вопросов возникает в связи с использованием носимых устройств и мобильных приложений, фиксирующих биометрические параметры в повседневной среде. Эти технологии, хотя и демонстрируют высокую прикладную ценность, требуют законодательной детализации условий их встраивания в официальную систему наблюдения за пациентом. Речь идет, прежде всего, о верификации источников информации, допустимости их включения в клинические протоколы, а также о соблюдении прав лиц, чьи данные передаются в рамках такого мониторинга (часто без их прямого участия)¹.

3. Модернизация организационно-кадрового обеспечения

В числе приоритетных направлений реализации проекта значительное место отведено модернизации системы первичной медико-санитарной помощи. Это не только строительство и техническое переоснащение учреждений на уровне участковых звеньев (фельдшерско-акушерских пунктов, амбулаторий, поликлиник), но и институциональное укрепление кадрового потенциала. Предполагается комплексное обновление инфраструктуры, направленное на приближение базовых врачебных услуг к населению, включая малонаселенные и труднодоступные территории.

¹ См.: В РФ к 2030 г. дистанционный мониторинг здоровья охватит до 28 млн человек // Официальный веб-сайт Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения. URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/spec/news/41714> (дата обращения: 10.04.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Такое масштабное перераспределение стратегических приоритетов требует актуализации нормативной базы в сфере лицензирования, технического регулирования и стандартизации процедур, особенно с учетом все более широкого применения цифровых технологий в организации лечебно-диагностического процесса. Необходима детализация требований к оснащению учреждений, порядок ввода в эксплуатацию высоко-технологичного оборудования, а также правовые условия обеспечения его безопасного использования в клинической практике.

Отдельной задачей является конкретизация профессионального статуса специалистов, задействованных в реализации обновленной модели оказания врачебных услуг. С внедрением новых форм биомедицинского сопровождения, расширением дистанционных форм взаимодействия и усложнением клинических маршрутов возникает потребность в переосмыслении нормативных критериев квалификации профильных специалистов, юридических границ компетенции и особенностей профессиональной стандартизации. Кроме того, требует законодательного уточнения механизм адаптации трудовых отношений в учреждениях, прошедших цифровую трансформацию, включая вопросы нагрузки, режима ответственности и переподготовки. Следует отметить, что представленная проблематика не выступает прерогативой исключительно Российской Федерации, а в целом является наследием глобализации инновационной медицины, в связи с чем до настоящего времени не имеет территориального иммунитета [1, 2].

4. Обеспечение развития и суверенитета научных достижений

Интегрированный в структуру национального проекта модуль «Новые технологии сбережения здоровья» ориентирован не только на развитие научно-исследовательского потенциала, но и на обеспечение технологической автономии в критически важных сферах – прежде всего в производстве лекарственных препаратов, вакцин и медицинских изделий. Центральное место здесь занимает задача ускоренного запуска отечественных разработок в практику, включая переход от экспериментальных решений к промышленному применению в системе здравоохранения. Именно эта направленность на быстрое внедрение результатов исследований обостряет целый ряд правовых проблем, напрямую связанных с балансом между темпами реализации и соблюдением стандартов безопасности. Уже на этапе создания клинических баз и подготовки платформ для испытаний возникает необходимость нормативной детализации условий, при которых допускается использование инноваций, не прошедших полного цикла проверок, но рассматриваемых как приоритетные с точки зрения национальных интересов.

Проект не дает ответа на вопрос, в каких пределах допустимо сокращение стадий верификации в условиях чрезвычайных или приоритетных задач. Кроме того, отсутствует должная определенность в отношении доступа пациентов к экспериментальной терапии в том числе, по каким критериям он возможен, в каких формах должно реализовываться их информированное согласие и как соотносится потенциальная польза с правом на защиту от медицинских вмешательств, не получивших должной апробации.

Нельзя не отметить, что в настоящем контексте речь ведется о том, что действующее отечественное нормативное пространство так или иначе затрагивает концептуальные основы интеграции инноваций, в том числе и в интересующую нас сферу общественных отношений, однако общий характер такого рода регламентации обеспечивает лишь базовый каркас, в то время как фигурирующие здесь задачи выходят за рамки подоб-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

ного подхода, что представляется целесообразным и методологически обоснованным продемонстрировать на примере следующих правовых пробелов:

– действуют Правила надлежащей клинической практики Евразийского экономического союза¹ и Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств»², но отсутствуют гибкие механизмы адаптации жестких последовательных процедур к условиям, требующим приоритетных и ускоренных режимов вывода разработок в обращение;

– имеются положения Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан», декларирующие необходимость получения добровольного и информированного согласия³, но в рамках применения экспериментальных препаратов или вмешательств соответствующие акты не учитывают специфический уровень неопределенности, возможные риски и правовые последствия, в том числе в серой зоне остается механизм отзыва согласия в случае начала терапии;

– функционируют предписания ч. IV ГК РФ, регулирующие право на результаты интеллектуальной деятельности⁴, но нацпроект инициирует модели сотрудничества между государственными исследовательскими институтами, вузами, частными корпорациями и производителями, что на практике приводит к спорам о признании авторства и распределении прав⁵. Кроме того, не определен единый механизм возврата прибыли или лицензирования в интересах государства при коммерциализации продукта.

Таким образом, проектные положения, направленные на ускоренное внедрение научных решений в клиническую практику, требуют не абстрактной адаптации законодательства, а конкретных правовых инструментов, обеспечивающих контроль за рисками социального, юридического и экономического характера. В противном случае «ускоренная инновация» может вступить в противоречие с базовыми началами взаимодействия медицинской и гражданской сфер общественных отношений.

5. Биомедицинская интеграция

Отдельного внимания заслуживает внедрение молекулярно-генетических методов диагностики, направленных на выявление индивидуальной предрасположенности к патологиям и оптимизацию лечебных стратегий. Несмотря на значимость этих подходов с клинической точки зрения, режим их правореализации в российской юрисдикции по-прежнему остается не в полной мере урегулированным. В частности, на данный момент отсутствуют специальные нормативные акты, регламентирующие обращение с генетической информацией как с объектом, требующим повышенной степени защиты.

Особенно уязвимым остается вопрос доступа к данным о ДНК-профиле человека в условиях хранения этих сведений в государственных и частных массивах. Законо-

¹ См.: Об утверждении Правил надлежащей клинической практики Евразийского экономического союза : решение Совета Евразийской экономической комиссии от 3 ноября 2016 г. № 79 // Официальный веб-сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/917/about> (дата обращения: 14.03.2025).

² См.: Об обращении лекарственных средств : федер. закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 16. Ст. 1815.

³ См.: Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁴ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : федер. закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52. Ч. 1. Ст. 5496.

⁵ См.: Как компании и их работники спорят из-за служебных изобретений. Официальный веб-сайт группы компаний РБК (РосБизнесКонсалтинг). URL: <https://pro.rbc.ru/news/5fa111669a7947de617e3ae3> (дата обращения: 14.03.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

датель не определил, какие из таких операций (передача, агрегация или обработка в исследовательских целях) не влекут за собой нарушения фундаментальных прав пациента на информационную автономию и вследствие чего являются допустимыми. Отдельную сложность представляет и квалификация повторного использования геномных данных, особенно в случаях, когда оно осуществляется за пределами первоначальных целей, в том числе в коммерческих проектах или в рамках трансграничного обмена.

Реализация положений национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» не только предполагает масштабную перестройку организационной и технологической инфраструктуры системы охраны здоровья, но и требует переоценки приоритетов в сфере государственной ответственности за защиту человека в условиях расширяющегося медицинского воздействия. Трансформация форм взаимодействия между пациентом и врачом, в том числе за счет цифровых сервисов, создает предпосылки для возникновения новых угроз, которым традиционные юридические механизмы противодействуют с очевидным запозданием или в недостаточном объеме.

Современная правоприменительная практика все еще сосредоточена преимущественно на оценке последствий материального или иного прямого вреда: причинении смерти или телесных повреждений различной степени тяжести вследствие неосторожности, осуществлении запрещенной деятельности, грубых нарушениях требований безопасности, халатности. Эти положения, безусловно, остаются необходимыми, но в свете появления гибридных моделей врачебной помощи, где принятое решение формируется с участием алгоритмов, телекоммуникационных платформ и роботизированных систем, требуются новые векторы юридического обеспечения безопасности фигурирующих в данном контексте общественных отношений, что обусловлено совокупностью следующих факторов.

1. Автоматизация клинических решений. Применение интеллектуальных систем при постановке диагноза, выборе терапии или контроле состояния пациента затрудняет установление причинно-следственной связи между действиями исполнителя и наступившими последствиями. При этом ни в уголовном, ни в административном регулировании пока не выработано критериев допустимости делегирования отдельных этапов принятия клинических решений операторам программно-аппаратных комплексов, а значит, не определены и границы допустимой ответственности сторон.

2. Использование экспериментальных технологий в рамках государственных программ. Национальный проект предполагает ускоренное внедрение инновационных разработок – от генетических платформ до передовых методов терапии. Однако на практике такие решения могут оказаться недостаточно апробированными, что лишь усугубляет их использование на людях в условиях неполной нормативной определенности. Отсутствие механизма надежной градации допустимого профессионального риска в подобных случаях создает пространство для уголовно значимых последствий при осуществлении внешне легитимной деятельности.

3. Нарушения, связанные с несанкционированным доступом к персонализированной информации. Сбор и обработка биометрических данных, телеметрии и других показателей в режиме реального времени формируют качественно новую категорию уязвимостей и угроз. При этом действующее законодательство не выделяет специализированных уголовно-правовых инструментов для защиты человека от вреда, связанного с нарушением цифровой целостности его тела и состояния.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

4. Административное давление в области профилактики. Переход от модели пост-фактумного реагирования к системе предиктивного сопровождения сопряжен с возможностью подмены добровольного согласия пациента формальной процедурой. В результате этого внедрение превентивных программ в условиях бюрократизированной среды детерминирует возможность злоупотреблений, на которые уголовный закон либо не реагирует, либо делает это с избыточной инерцией.

Представленная совокупность факторов отражает лишь небольшую картину обусловленности уголовно-правового обеспечения процесса модернизации отечественного здравоохранения, тем не менее даже в таком варианте вполне отчетливо прослеживается потребность стратегической переориентации противодействия девиантному поведению в указанной сфере. Превенция должна опережать патологические проявления в клиническом, но и в нормативном смысле: важно как выявлять и минимизировать не только общественно опасные последствия, так и устранять системные изъяны, формирующие условия их возникновения. Нуждается в переосмыслении и сама категория должной осмотрительности в деятельности медицинского персонала, особенно в тех случаях, когда его суждение дополняется или опосредуется машинной логикой.

Таким образом, юридическая защита лица, вовлеченного в контур современных медико-технологических решений, должна основываться как на существующих конструкциях преступления и наказания, так и на обновленной системе понятий, учитывающей изменения в характере опасности, источнике принятия решений и уровне зависимости пациента от сложных, часто непрозрачных технических сред. Это требует не столько точечного обновления норм, сколько формирования цельной концепции уголовно-правового сопровождения государственной политики в условиях глобальной интеграции инновационной медицины, способной не только обеспечивать реализацию стратегии долголетия, но и охранять конституционные гарантии законных интересов личности в условиях стремительного научного прогресса.

Список источников

1. Oliva A., Grassi S., Vetrugno G. et al. Management of Medico-Legal Risks in Digital Health Era: A Scoping Review // *Front Med (Lausanne)*, 2022. Jan 11. Vol. 8: 821756.
2. Silven A. V., Boers S. N., Tabak M. et al. Clarifying responsibility: professional digital health in the doctor-patient relationship, recommendations for physicians based on a multi-stakeholder dialogue in the Netherlands // *BMC Health Serv Res*, 2022. Jan 30. Vol. 22(1): 129.
3. Абоян А. А., Парин Д. В. Возможности и ограничения нормативного регулирования уголовной ответственности за применение технологий искусственного интеллекта в области медицины // *Юридическая наука*. 2022. № 7. С. 88–91.
4. Мельников А. А. Потенциальная ответственность врачей, использующих искусственный интеллект // *Дальневосточный медицинский журнал*. 2024. № 1. С. 77–80.
5. Атабеков А. Р. Анализ подходов определения юридической ответственности за действия искусственного интеллекта в медицинской сфере: опыт США и России // *Юридические исследования*. 2023. № 6. С. 1–9.
6. Ковелина Т. А., Собянин А. В., Марухно В. М. К вопросу о правовом регулировании применения искусственного интеллекта в медицине // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 2. С. 148–151.
7. Кодзоков Р. Л. Смена парадигмы развития российского здравоохранения: креативный характер услуг и трансформация принципов ресурсного обеспечения // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2024. № 1(51). С. 140–148.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

8. Торшина А. В., Измайлова А. С. Влияние мирового фармацевтического производства на состояние российского рынка // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. 2024. Т. 14, № 11А. С. 19–26.

9. Черных Е. Е. Искусственный интеллект в здравоохранении России: современное состояние и уголовно-правовые риски // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2020. № 4(88). С. 127–131.

References

1. Oliva, A., Grassi, S. & Vetrugno, G. et al. 'Management of Medico-Legal Risks in Digital Health Era: A Scoping Review', *Front Med (Lausanne)*, 2022. Jan 11. Vol. 8: 821756.

2. Silven, A. V., Boers, S. N. & Tabak, M. et al. 'Clarifying responsibility: professional digital health in the doctor-patient relationship, recommendations for physicians based on a multi-stakeholder dialogue in the Netherlands', *BMC Health Serv Res*, 2022. Jan 30. Vol. 22(1): 129.

3. Aboyan, A. A. & Parin, D. V. 2022, 'Possibilities and limitations of the regulatory regulation of criminal liability for the use of artificial intelligence technologies in the field of medicine', *Legal science*, iss. 7, pp. 88–91.

4. Melnikov, A. A. 2024, 'Potential responsibility of doctors using artificial intelligence', *Far Eastern Medical Journal*, iss. 1, pp. 77–80.

5. Atabekov, A. R. 2023, 'Analysis of approaches to determining legal responsibility for the actions of artificial intelligence in the medical field: the experience of the USA and Russia', *Legal research*, iss. 6, pp. 1–9.

6. Kovelina, T. A., Sobyenin, A. V. & Marukhno, V. M. 2022, 'On the issue of legal regulation of the use of artificial intelligence in medicine', *Humanities, socio-economic and social sciences*, iss. 2, pp. 148–151.

7. Kodzokov, R. L. 2024, 'A paradigm shift in the development of Russian healthcare: the creative nature of services and the transformation of resource principles', *Natural Sciences and Humanities research*, iss. 1(51), pp. 140–148.

8. Torshina, A. V. & Izmailova, A. S. 2024, 'The impact of global pharmaceutical production on the Russian market', *Economics: yesterday, today, tomorrow*, vol. 14, iss. 11A, pp. 19–26.

9. Chernykh, E. E. 2020, 'Artificial intelligence in Russian healthcare: current state and criminal law risks', *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(88), pp. 127–131.

Информация об авторе

Е. Е. Черных – кандидат юридических наук, доцент, проректор по учебной работе (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского), профессор кафедры уголовного и уголовно исполнительного права (Нижегородская академия МВД России).

Information about the author

E. E. Chernykh – Ph.D (Law), Associate Professor, Vice-Rector for Academic Affairs (N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University), Professor of the Department of Criminal and Penal Law (Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.612-623

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Екатерина Алексеевна Ширшанова¹

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия, Katushka915@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет комплексный криминологический анализ современного состояния взяточничества в системе органов внутренних дел Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена устойчивым ростом удельного веса преступлений, связанных со взяточничеством, в общем массиве коррупционной преступности, а также их повышенной общественной опасностью, поскольку они совершаются лицами, наделенными государственно-властными полномочиями. Методологической основой исследования выступили общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные (статистический, формально-логический) методы, что позволило обеспечить достоверность и обоснованность выводов. Эмпирическую базу составили официальные статистические данные МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации с 2008 по 2025 год. В ходе исследования выявлена и документально подтверждена устойчивая тенденция к росту как абсолютного числа зарегистрированных фактов взяточничества, так и их доли в структуре коррупционной преступности. Установлено, что лица, проходящие службу в органах внутренних дел, стабильно занимают лидирующее положение среди иных категорий должностных лиц правоохранительных органов, совершивших коррупционные преступления. Проанализирована региональная специфика распространенности взяточничества, показавшая его концентрацию не только в крупных мегаполисах, но и в ряде регионов страны. Особое внимание уделено анализу ценовых характеристик взяток, что позволило сделать вывод о доминировании бытового взяточничества. На основе ретроспективного анализа данных построен краткосрочный прогноз, указывающий на сохранение негативной динамики. Научная новизна работы заключается в систематизации и углубленном анализе обширного массива актуальных статистических данных, а также в формулировании выводов, имеющих практическую значимость для совершенствования деятельности по предупреждению и пресечению коррупционных проявлений в органах внутренних дел.

Ключевые слова: взяточничество, коррупционная преступность, органы внутренних дел, криминологический анализ, статистика преступности, латентность, прогнозирование, противодействие коррупции, служебная дисциплина, должностные преступления

© Ширшанова Е. А., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Для цитирования

Ширшанова Е. А. Современное состояние взяточничества в органах внутренних дел // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 612–623. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.612-623.

Original article

THE CURRENT STATE OF BRIBERY IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Ekaterina Alekseevna Shirshanova¹

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia,
Katushka915@yandex.ru

Abstract. The article presents a comprehensive criminological analysis of the current state of bribery in the system of internal affairs bodies of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the steady increase in the proportion of bribery-related crimes in the general range of corruption crimes, as well as their increased public danger, since they are committed by persons endowed with state authority. The methodological basis of the research was general scientific (analysis, synthesis, systematic approach) and private scientific (statistical, formal-logical) methods, which made it possible to ensure the reliability and validity of the conclusions. The empirical base was compiled by the official statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation from 2008 to 2025. The study revealed and documented a steady upward trend in both the absolute number of reported cases of bribery and their share in the structure of corruption crime. It has been established that persons serving in the internal affairs bodies consistently occupy a leading position among other categories of law enforcement officials who have committed corruption crimes. The regional specifics of the prevalence of bribery have been analyzed, showing its concentration not only in large metropolitan areas, but also in a number of regions of the country. Special attention is paid to the analysis of the price characteristics of bribes, which allowed us to conclude that domestic bribery is dominant. Based on a retrospective analysis of the data, a short-term forecast has been built, indicating the continuation of negative dynamics. The scientific novelty of the work lies in the systematization and in-depth analysis of a vast array of relevant statistical data, as well as in the formulation of conclusions of practical importance for improving the prevention and suppression of corruption in law enforcement agencies.

Keywords: bribery, corruption crime, law enforcement agencies, criminological analysis, crime statistics, latency, forecasting, anti-corruption, official discipline, official crimes

For citation

Shirshanova, E. A. 2025, 'The current state of bribery in law enforcement agencies', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 612–623, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.612-623.

Введение

Коррупция в органах внутренних дел (ОВД) Российской Федерации – это негативное социально-правовое явление, которое заключается в несоблюдении лицами, проходящими службу в ОВД, антикоррупционного стандарта поведения, что приводит к совершению преступлений коррупционной направленности. Проблема коррупционной преступности в органах внутренних дел на сегодняшний день является актуальной, поскольку, согласно статистическим данным, число подобных преступлений, совершаемых лицами, проходящими службу в органах внутренних дел, с каждым годом увеличиваются [1, с. 538]. Взятничество является наиболее распространенным феноменом коррупционных проявлений в органах внутренних дел Российской Федерации, что говорит о необходимости его исследования и выработке мер по его предупреждению.

Криминологическое исследование взятничества в органах внутренних дел предполагает комплексный анализ статистических данных о зарегистрированных преступлениях коррупционной направленности с последующим прогнозированием динамики их развития. В качестве объекта анализа выступают противоправные деяния, предусмотренные ст. 290–291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, образующие в своей совокупности системное понятие «взятничество». Исследователи отмечают: «Что касается структуры коррупционной преступности, то центральное место в ней занимают деяния, связанные со взятничеством» [2, с. 114].

Юридическая природа рассматриваемых составов характеризуется единым предметом посягательства на нормальную деятельность государственного аппарата, что проявляется в злоупотреблении служебным положением. Объединяющим признаком выступает корыстная цель – получение незаконного вознаграждения за совершение действий (бездействия) с использованием должностных полномочий, включая выполнение законных требований должностной инструкции; совершение неправомерных действий, выходящих за рамки компетенции; оказание влияния на принятие решений третьими лицами.

Системный характер анализа предполагает изучение не только отдельных коррупционных проявлений, но и их взаимосвязей. Прогностическая составляющая исследования базируется на выявлении устойчивых тенденций и закономерностей развития данного вида преступности, учитывающих современные социально-экономические, правовые, политические и иные детерминанты.

В целях исследования современного состояния взятничества в органах внутренних дел Российской Федерации в статье были использованы труды И. А. Дамм в части определения субъектов предупреждения коррупции в органах внутренних дел; Н. В. Голубых в аспекте исследования современного состояния коррупционной преступности; Г. Н. Мироновой в плане определения участников коррупционных преступлений; А. П. Скибы в отношении назначения наказания за преступления коррупционной направленности; Е. В. Стебеновой в плане исследования сотрудника органов внутренних дел как специального субъекта коррупционной преступности, а также трансформации коррупционной преступности в современных реалиях; А. С. Черепанова в части характеристики сотрудника органов внутренних дел как субъекта коррупционных преступлений; Э. Г. Юзихановой в области криминологического прогнозирования взятничества в органах внутренних дел.

Методы

Методологическую базу исследования образует совокупность взаимодополняющих подходов, объединяющих философские, общенаучные и специально-юридические

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

методы познания. В качестве системообразующего выступил диалектический подход, позволивший исследовать генезис и трансформацию взяточничества в ОВД как социально-правового явления в контексте противоречивого взаимодействия экономических, политических и правовых детерминант.

Структурно-функциональный анализ позволил определить место взяточничества в системе коррупционных правонарушений; сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении отечественного и зарубежного опыта противодействия взяточничеству; статистические методики позволили произвести корреляционный анализ динамики и латентности рассматриваемого негативного социально-правового явления.

Нормативную основу исследования составляют Конституция РФ, уголовное, уголовно-процессуальное и иное отечественное законодательство по рассматриваемой проблематике; международные нормативные правовые акты; законодательство зарубежных стран; указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, ведомственные нормативные правовые акты МВД России, Генеральной прокуратуры РФ и других федеральных министерств и ведомств. Такая методологическая база исследования обеспечивает его комплексность, позволяя выявить системные зависимости и предложить научно обоснованные рекомендации по совершенствованию антикоррупционной политики в правоохранительной сфере.

Результаты

Э. Г. Юзиханова справедливо утверждает, что «чем меньше выявляется и регистрируется преступлений в целом, тем меньше выявляется и регистрируется преступлений отдельного вида» [3, с. 259]. Однако несколько иначе обстоит ситуация с преступлениями коррупционной направленности, количество которых с каждым годом растет. Анализ сведений о преступлениях коррупционной направленности позволяет сделать вывод о том, что удельный вес взяточничества в составе преступлений коррупционной направленности также увеличивается с каждым годом. В 2019 г. взяточничество составляло 44,7 % от всего количества преступлений коррупционной направленности; в 2020 г. – 47,2 %; 2021 – 53, 2022 – 55,1, 2023 – 55,7, 2024 г. – 60,4, за 8 мес. 2025 г. – 61,1 %.

Научный анализ выявленных тенденций позволяет констатировать их детерминацию комплексом факторов, среди которых особого внимания заслуживает криминологическая трансформация коррупционных преступлений. Современные исследования подтверждают, что эволюция экономических отношений и цифровая трансформация финансовой инфраструктуры порождают новые, технологически сложные формы коррупционных правонарушений [4, с. 1644–1651]. С указанным мнением нельзя не согласиться, так как развитие общественных отношений неизбежно приводит к наиболее развитым формам преступного поведения. Криминологический парадокс заключается в том, что технологический прогресс, способствующий оптимизации государственного управления, параллельно генерирует новые риски коррупционного воздействия. Данный тезис находит подтверждение в судебной практике, где фиксируются случаи использования блокчейн-технологий и офшорных схем для маскировки противоправных деяний. В связи с этим Е. В. Стебенева отмечает, что «криминологическая трансформация коррупции происходит через формы и средства совершения (использование для совершения преступлений рассматриваемого вида информационно-коммуникационной сети; криптовалюты и др.)» [5, с. 477]. В судебной практике уже есть примеры привлечения к уголовной ответственности лиц, проходящих службу в органах внутренних дел, получивших взятку в криптовалюте. «Бывшего начальника следственного отдела комитета по Тверскому

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

району Москвы Марата Тамбиева приговорили к 16 годам колонии строгого режима и 500 млн руб. штрафа по делу о получении взятки в размере более 2718 биткоинов (7,3 млрд руб.) и \$ 1,5 млн. Эта взятка стала крупнейшей в истории современной России¹. Этот пример говорит о модернизации коррупционной преступности в связи с цифровизацией общественных отношений и их переходом в цифровую среду.

Исследование архивных статистических данных также позволяет заявлять о преобладающем большинстве взяточничества в структуре преступлений коррупционной направленности. Так, в 2008 г. преступления коррупционной направленности составили 40 473 факта, из них взяточничество – 12 512 преступлений; в 2009 г. зарегистрировано 43 086 преступлений коррупционной направленности, из них взяточничество – 13 141 преступление; в 2010 г. – 37 255 преступлений коррупционной направленности, из них взяточничество – 12 012 преступлений; в 2011 г. – 34 783 преступления коррупционной направленности, из них взяточничество – 10 952 преступления; в 2012 г. – 49 513 преступлений коррупционной направленности, из них взяточничество – 10 157 преступлений; в 2013 г. – 42 506 преступлений коррупционной направленности, из них взяточничество – 12 120 преступлений; в 2014 г. – 32 204 преступления коррупционной направленности, из них взяточничество – 12 355 преступлений; в 2015 г. – 32 455 преступлений коррупционной направленности, из них взяточничество – 13 938 преступлений; в 2016 г. – 32 924 преступления коррупционной направленности, из них взяточничество – 10 758 преступлений; в 2017 г. – 29 634 преступления коррупционной направленности, из них взяточничество – 12 111 преступлений; в 2018 г. – 30 495 преступлений коррупционной направленности, из них взяточничество – 12 527 преступлений².

Проведенный статистический анализ демонстрирует устойчивую негативную динамику в структуре коррупционной преступности. Эмпирические данные свидетельствуют о системном возрастании удельного веса взяточничества в общей массе регистрируемых коррупционных преступлений.

Сравнительная характеристика темпов роста демонстрирует существенную диспропорцию: если общее количество преступлений коррупционной направленности возросло в 1,2 раза, то аналогичный показатель по составам, связанным со взяточничеством, увеличился в 1,5 раза. Данная пропорция позволяет говорить об опережающем росте именно коррупционных взаимодействий, связанных с непосредственным получением и передачей материальных благ.

Исходя из изложенного отметим, что подобная тенденция взаимосвязана с гуманизацией уголовного законодательства в части ответственности за коррупционные преступления. Подобное мнение присутствует и в научной литературе: «Если взяткополучателю в случае совершения преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 290 УК РФ, грозит наказание от 8 до 15 лет лишения свободы, то посреднику максимально возможное наказание ограничивается 12 годами» [6, с. 164].

Исследование статистических данных о состоянии коррупционной преступности в целом и в органах внутренних дел в частности позволяет составить криминологическое прогнозирование преступности, под которой подразумевается «оценка ее ожидаемого уровня ряда (абсолютного или относительного) на основе всесторон-

¹ Экс-следователю вынесли приговор за самую большую взятку в истории России. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/10/2024/6704f99b9a79475102e1f136> (дата обращения: 07.09.2025).

² См.: Архивные данные о состоянии преступности в Российской Федерации за 2008–2018 годы. URL: <https://мвд.рф/reports/7> (дата обращения: 28.07.2024).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности¹

Вид преступления	Год				
	2019	2020	2021	2022	2023
Всего	30 991	30 813	35 051	35 340	36 407
Особо тяжкие**	–	–	3481	3837	4518
Тяжкие**	–	–	19 185	18 673	19 851
Средней тяжести**	–	–	2842	2789	2857
Небольшой тяжести**	–	–	9606	10 041	9181
Взятничество	13 867	14 548	18 591	19 490	20 279
Удельный вес (от общего числа преступлений коррупционной направленности)*	44,7 %	47,2 %	53,0 %	55,1 %	55,7 %
Получение взятки	3988	4174	5020	5540	5960
Удельный вес (от общего числа преступлений коррупционной направленности)*	12,9 %	13,5 %	14,3 %	15,7 %	16,4 %
Дача взятки	3174	3649	4499	4716	5657
Удельный вес (от общего числа преступлений коррупционной направленности)*	10,2 %	11,8 %	12,8 %	13,3 %	15,5 %
Посредничество во взяточничестве	1297	1451	2041	1881	2256
Удельный вес (от общего числа преступлений коррупционной направленности)*	4,2 %	4,7 %	5,8 %	5,3 %	6,2 %
Мелкое взяточничество	5408	5274	7031	7353	6406
Удельный вес (от общего числа преступлений коррупционной направленности)*	17,5 %	17,1 %	20,1 %	20,8 %	17,6 %
В том числе:					
– в форме получения	1838	1769	2920	2784	3186
Удельный вес (от общего числа преступлений коррупционной направленности)*	5,9 %	5,7 %	8,3 %	7,9 %	8,8 %
– в форме дачи	3570	3505	4111	4569	4306
Удельный вес (от общего числа преступлений коррупционной направленности)*	11,5 %	11,4 %	11,7 %	12,9 %	11,8 %

Примечание: * расчеты произведены автором; ** дифференцированный учет в период за 2019–2020 гг. не производился.

него изучения временных рядов, каузальных и иных связей» [7, с. 220]. Криминологическое прогнозирование представляет собой научно обоснованное предвидение изменений в состоянии, структуре и динамике преступности. Кроме того, прогноз преступности позволяет осуществлять опережающее воздействие на преступность, минимизируя социальные издержки и усиливая превентивный потенциал правоохранительных органов.

Криминологическая характеристика субъектов коррупционных правонарушений представляет собой неотъемлемый элемент научного анализа взяточничества в органах внутренних дел. В рамках проведенного исследования осуществлен комплексный

¹ См.: Статистические формы отчетности «1-КОРР» ГИАЦ МВД России за 2017–2023 гг.

анализ статистических данных, отражающих субъектный состав лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений коррупционной направленности в правоохранительных органах.

Методология исследования включала в себя стратифицированный анализ должностного статуса преступников; сравнительную характеристику показателей по различным правоохранительным ведомствам; выявление детерминант, влияющих на криминализацию служебного поведения. Указанные данные аккумулированы в таблице 2.

Анализ данных, систематизированных в таблице 2, позволяет констатировать доминирующую позицию сотрудников органов внутренних дел в структуре субъектов коррупционной преступности среди должностных лиц правоохранительной системы (в 2019 г. – 951; в 2020 г. – 1133; в 2021г. – 1018; в 2022 г. – 1038; в 2023 г. – 1024). Статисти-

Таблица 2

Сведения о лицах, совершивших преступления коррупционной направленности¹

№ п/п	Сведения о лицах	Год				
		2019	2020	2021	2022	2023
	Общее количество лиц	15 773	16 529	17 495	18 194	17 658
	В том числе должностные лица	10 379	10 879	11 013	10 737	10 414
	Удельный вес*	65,8 %	65,8 %	62,9 %	59,0 %	59,0 %
1	Сотрудники прокуратуры	17	20	29	24	17
	Удельный вес*	0,2 %	0,2 %	0,3 %	0,2 %	0,2 %
2	Сотрудники СОСК	29	21	23	17	17
	Удельный вес*	0,3 %	0,2 %	0,2 %	0,2 %	0,2 %
3	Сотрудники ОВД	951	1133	1018	1038	1024
	Удельный вес*	9,2 %	10,4 %	9,2 %	9,7 %	9,8 %
4	Сотрудники ФСБ	44	30	31	32	52
	Удельный вес*	0,4 %	0,3 %	0,3 %	0,3 %	0,5 %
5	Сотрудники ФТС	70	51	63	100	80
	Удельный вес*	0,7 %	0,5 %	0,6 %	0,9 %	0,8 %
6	Сотрудники ГПН	21	32	19	15	18
	Удельный вес*	0,2 %	0,3 %	0,2 %	0,1 %	0,2 %
7	Сотрудники ФСИН	257	283	276	236	228
	Удельный вес*	2,5 %	2,6 %	2,5 %	2,2 %	2,2 %
8	Судьи	14	10	16	18	10
	Удельный вес*	0,1 %	0,09 %	0,1 %	0,2 %	0,1 %
9	Сотрудники ФССП	144	221	131	112	100
	Удельный вес*	1,4 %	2,0 %	1,2 %	1,0 %	1,0 %
10	Сотрудники Росгвардии	92	96	142	167	119
	Удельный вес*	0,9 %	0,9 %	1,3 %	1,6 %	1,1 %
11	Сотрудники МО	1 028	1 337	1 663	1 428	1 114
	Удельный вес*	9,9 %	12,3 %	15,1 %	13,3 %	10,7 %

* Примечание. Расчеты произведены автором.

¹ См.: Статистические формы отчетности «1-КОРР» ГИАЦ МВД России за 2017–2023 гг.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

чески значимый перевес показателей коррупционных правонарушений, совершаемых сотрудниками МВД России, сохраняется при исключении из сравнительного анализа военнослужащих Минобороны России.

Кроме того, архивные статистические данные подтверждают, что с 2008 г. сотрудники ОВД являются наиболее частым субъектом совершения коррупционных преступлений. Так, в 2008 г. выявлено 1045 сотрудников, совершивших коррупционные преступления; в 2009 г. – 1431; 2010 – 1439 [8, с. 3]; 2011 – 1144 [9, с. 6–8]; 2012 – 600; 2013 – 695; 2014 – 737; 2015 – 916; 2016 – 1010; 2017 – 956; в 2018 г. – 971 сотрудник [10, с. 42]. Из анализа статистических данных о преступлениях коррупционной направленности и о лицах, их совершивших, следует вывод о том, что количество лиц, проходящих службу в ОВД, совершающих преступления коррупционной направленности, после снижения в 2012 г. отличается возрастающей тенденцией.

В 2019 г. сотрудниками органов внутренних дел было выявлено 76,4 % всех преступлений коррупционной направленности; в 2020 г. – 73,9 %; 2021 – 71,7; 2022 – 74; в 2023 г. – 74,2 %. Статистически значимое совмещение противоречивых функций в рамках единой ведомственной структуры актуализирует вопрос о необходимости разработки специализированных механизмов ведомственного контроля, обеспечивающих оптимизацию антикоррупционной деятельности без снижения эффективности выполнения оперативно-служебных задач органами внутренних дел.

Отмечая качественное соотношение составов рассматриваемых преступлений, совершенных сотрудниками ОВД, важно указать, что чаще всего сотрудниками совершается преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ «Получение взятки»: в 2019 г. было совершено 400 преступлений; в 2020 г. – 500; 2021 – 438; 2022 – 545; в 2023 г. – 529 преступлений.

Следующим преступлением, относящимся к взяточничеству, которое совершается сотрудниками ОВД чаще, чем остальные, является преступление, предусмотренное ст. 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество»: в 2019 г. совершено 159 преступлений; в 2020 г. – 177; 2021 – 159; 2022 – 133; в 2023 г. – 126 преступлений¹.

Преступление, предусмотренное ст. 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве», совершается сотрудниками ОВД чаще, чем дача взятки, но реже, чем два состава преступлений, рассмотренных выше. Так, в 2019 г. сотрудниками ОВД было совершено 28 преступлений, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве»; в 2020 г. – 27; 2021 – 38; 2022 – 33; 2023 г. – 33 преступления².

Преступление, предусмотренное ст. 291 УК РФ «Дача взятки», совершается сотрудниками ОВД реже, чем остальные преступления, относящиеся к взяточничеству: в 2019 г. было совершено 16 преступлений; в 2020 г. – 9; 2021 – 17; 2022 – 25; 2023 г. – 33 преступления³.

Представленные данные о стабильном росте числа преступлений коррупционной направленности, совершаемых лицами, проходящими службу в ОВД, говорят о необходимости исследования системы детерминант взяточничества в органах внутренних дел.

Детерминанты взяточничества в органах внутренних дел можно классифицировать в зависимости от сферы общественных отношений, среди которых следует выделить: политические (недостаточная эффективность политического механизма борьбы с корруп-

¹ См.: Статистические формы отчетности «1-КОРР» ГИАЦ МВД России за 2017–2023 гг.

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

цией); правовые (несогласованность федерального и ведомственного законодательства; отсутствие законодательно закрепленного отличия взятки от подарка; отсутствие единого законодательного подхода к освобождению от ответственности взяткодателя, взятополучателя и посредника); организационные или служебные (недостатки кадровой политики: высокий дефицит кадров; формальная ротация кадров; низкий уровень качества отбора кандидатов на службу; слабый контроль за деятельностью сотрудников); социально-экономические (недостаточное материально-техническое обеспечение и низкая социальная защищенность лиц, проходящих службу в ОВД); идеологические (терпимость граждан к коррупции; приоритет потребительских ценностных ориентиров; двойные стандарты в восприятии коррупции); психологические (профессиональная деформация; неблагоприятные, стрессовые условия службы; высокая уверенность (излишняя самоуверенность) в возможности избежания наказания в силу обладания юридическими знаниями) [11, с. 11].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что детерминанты взяточничества в органах внутренних дел образуют сложную, многоуровневую систему взаимосвязанных факторов. Внешние политико-правовые и социокультурные условия создают общую благоприятную среду для коррупции, однако именно внутренние организационно-управленческие детерминанты (несовершенство кадровой работы, системы отчетности и ведомственного контроля) выступают ключевым аспектом, непосредственно провоцирующим коррупционное поведение сотрудника. Социально-экономическая неустроенность и индивидуально-психологические деформации, усугубляемые спецификой службы, завершают формирование причинного комплекса.

Пространственный анализ распространенности коррупционных преступлений выявляет их устойчивую концентрацию не только в столичных городах с большим количеством населения, но и в различных регионах Российской Федерации. Доминирующие показатели городов федерального значения обусловлены комплексом взаимосвязанных факторов, включая специфику их экономико-географического положения и социально-демографических характеристик. Высокая плотность населения, концентрация финансовых потоков и развитая инфраструктура делового оборота создают предпосылки для формирования коррупционных отношений. При этом наблюдаемая зависимость между уровнем экономического развития территорий и характером коррупционных проявлений свидетельствует о том, что модернизация экономических отношений закономерно приводит к эволюции форм механизма индивидуального преступного поведения. В регионах с менее развитыми экономическими отношениями и с наименьшей концентрацией крупных предприятий (в том числе государственных корпораций) сохраняются традиционные формы коррупционных взаимодействий, тогда как в развитых субъектах Российской Федерации выявляются более модернизированные механизмы противоправной деятельности. Данная закономерность подтверждает необходимость дифференцированного подхода к разработке мер противодействия коррупции с учетом региональной специфики и уровня социально-экономического развития территорий.

Проведенный анализ позволяет констатировать структурное доминирование в коррупционной статистике бытового взяточничества, где размер незаконного вознаграждения не превышает 50 тыс. рублей. Установленная закономерность подтверждается ретроспективным изучением материалов следственно-судебной практики.

Выявленная особенность актуализирует необходимость разработки дифференцированных мер противодействия, учитывающих специфику именно массовых, регулярных коррупционных взаимодействий, которые, несмотря на относительно невысокий размер

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

отдельных взяток, в совокупности формируют значительный коррупционный оборот и оказывают деструктивное влияние на публичные институты.

Ученые заявляют, что «коррупция в деятельности политических организаций, а также организаций, работающих в сфере обеспечения безопасности и правопорядка, представляет угрозу национальной безопасности» [12, с. 370].

Следует обратить внимание на высокий уровень латентности преступлений, относящихся к взяточничеству, что детерминирует ограниченную репрезентативность официальных статистических данных. Представленные в исследовании показатели отражают исключительно зафиксированную часть криминальной реальности, в то время как действительные масштабы взяточничества существенно превышают регистрируемые значения. Данное высказывание подтверждается мнениями ученых, которые указывают, что неполнота данных обусловлена следующими причинами: «потерпевшие в силу различных причин не хотят или не могут заявить о преступлении; лица, совершившие преступления, по понятным причинам довольно редко приходят с повинной; лица, которым известно о совершении преступления, обычно не информируют официальные органы; лица, ответственные за регистрацию преступлений, укрывают некоторые преступления от учета, например неочевидные и трудно раскрываемые, в целях сокрытия реальных показателей работы отдельных служб органов внутренних дел» [13, с. 59].

Обсуждение

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать системный характер коррупционных проявлений в органах внутренних дел. Эмпирические данные свидетельствуют о сохраняющейся тенденции доминирования взяточничества в структуре коррупционной преступности сотрудников правоохранительных органов. Прогнозная оценка указывает на устойчивую динамику роста рассматриваемых преступлений в системе МВД России, что обуславливает необходимость разработки целевых мер противодействия.

Пространственный анализ демонстрирует территориальную диверсификацию коррупционных преступлений, распространяющихся не только в крупных городах, но и в регионах с населением менее 1 млн человек. Особую проблему представляет повышенная латентность взяточничества в муниципальных образованиях, где игнорирование конфликта интересов приобретает характер системной практики.

Стоимостная характеристика коррупционных преступлений подтверждает преобладание бытового взяточничества с размером вознаграждения до 50 тыс. рублей, что отражает масштабы низовой коррупции. Одновременно выявленная взаимосвязь коррупционных проявлений на различных уровнях управления свидетельствует о необходимости комплексного подхода к противодействию данным правонарушениям, включая меры по оптимизации системы служебного контроля и повышению эффективности ведомственного антикоррупционного мониторинга.

Список источников

1. Стебенева Е. В. Взяточничество как наиболее общественно опасная форма проявления коррупции (отдельные криминологические аспекты) // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В. П. Коняхина : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 1–2 февр. 2024 г.). Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2024. С. 477–480.

2. Голубых Н. В. Современное состояние коррупционной преступности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2(34). С. 112–115.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

3. Юзиханова Э. Г. Концентрация и дифференциация коррупционной преступности в Северо-Западном федеральном округе // Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов в противодействии коррупции : материалы межвед. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 9 дек. 2022 г.) / сост. А. Д. Рубан. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2022. С. 258–265.

4. Малолеткина Н. С., Скиба А. П., Родионов А. В. Противодействие коррупционным правонарушениям в уголовно-исполнительной системе (памяти доктора юридических наук, профессора Николая Щедрина) // Вестник Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2020. Т. 13, № 10. С. 1644–1651.

5. Стебенева Е. В. Трансформация коррупции (отдельные криминологические аспекты) // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России (Рязань, 31 окт. 2024 г.). Рязань : Академия ФСИН России, 2024. С. 477–480.

6. Миронова Г. Н., Тарасова Л. Я. Искусственная привилегированность действий соучастников коррупционных преступлений // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3(43). С. 161–166.

7. Юзиханова Э. Г. Особенности криминологического прогнозирования // Академический вестник. 2014. № 4(30). С. 147–153.

8. Стебенева Е. В. Сотрудник органов внутренних дел как специальный субъект коррупционных преступлений (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 23 с.

9. Коррупция в правоохранительных органах : сб. науч. докл. М. : Академия Генпрокуратуры России, 2014. 126 с.

10. Черепанов А. С. Криминологическая характеристика личности сотрудника органов внутренних дел как субъекта коррупционного преступления // Научный портал МВД России. 2020. № 2(50). С. 40–47.

11. Ширшанова Е. А. Взятничество в органах внутренних дел: криминологический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024. 22 с.

12. Дамм И. А., Кострыкина В. В. Типология организаций в аспекте противодействия коррупции в Российской Федерации // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 367–384.

13. Юзиханова Э. Г. Тенденции латентной преступности в субъектах Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2008. № 4. С. 59–64.

References

1. Stebeneva, E. V. 2024, 'Bribery as the most socially dangerous form of corruption (selected criminological aspects)', *Institutional foundations of criminal law of the Russian Federation: on the 70th anniversary of Professor V. P. Konyakhin: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, February 1-2, 2024*, pp. 477–480, Kuban State University, Krasnodar.

2. Golubykh, N. V. 2022, 'The current state of corruption crime', *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 2(34), pp. 112–115.

3. Yuzikhanova, E. G. 2022, 'Concentration and differentiation of corruption crimes in the North-Western Federal District', *Interdepartmental cooperation in ensuring national priorities in combating corruption: proceedings of the interdepartmental scientific and practical conference*,

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

St. Petersburg, December 9, 2022, A. D. Ruban (ed.), pp. 258–265, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg.

4. Maloletkina, N. S., Skiba, A. P. & Rodionov, A. V. 2020, 'Counteraction to Corruption Offenses in Penitentiary System (in Memory of Doctor of Law, Professor Nikolay Shchedrin)', *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, vol. 13, iss. 10, pp. 1644–1651.

5. Stebeneva, E. V. 2024, 'Transformation of corruption (selected criminological aspects)', *The penal system of the Russian Federation: issues of execution of criminal penalties, implementation of probation measures, interaction with public authorities and institutions of civil society: collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, October 31, 2024*, pp. 477–480, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

6. Mironova, G. N. & Tarasova, L. Ya. 2023, 'Artificial privilege of actions of accomplices in corruption crimes', *Altai law journal*, iss. 3(43), pp. 161–166.

7. Yuzikhanova, E. G. 2014, 'Features of criminological forecasting', *Academic Bulletin*, iss. 4(30), pp. 147–153.

8. Stebeneva, E. V. 2011, *An employee of the internal affairs bodies as a special subject of corruption crimes (criminal law and criminological aspects): Ph.D thesis (Law)*, St. Petersburg.

9. *Corruption in Law enforcement agencies: collection of scientific Reports*, 2014, Academy of the Prosecutor General's Office of Russia, Moscow.

10. Cherepanov, A. S. 2020, 'Criminological characteristics of the personality of an employee of the internal affairs bodies as a subject of a corruption crime', *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 2(50), pp. 40–47.

11. Shirshanova, E. A. 2024, *Bribery in law enforcement agencies: criminological analysis: Ph.D thesis (Law)*, St. Petersburg.

12. Damm, I. A. & Kostyrykina, V. V. 2023, 'Typology of organizations in the aspect of combating corruption in the Russian Federation', *Russian Journal of Economics and Law*, vol. 17, iss. 2, pp. 367–384.

13. Yuzikhanova, E. G. 2008, 'Latent crime trends in the subjects of the Russian Federation', *Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4, pp. 59–64.

Информация об авторе

Е. А. Ширшанова – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминологии.

Information about the author

E. A. Shirshanova – Ph.D (Law), Lecturer of the Criminology Department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Научная статья

УДК 343.54

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.624-630

ЧАСТНО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Валерий Андреевич Липский^{1,2}

¹ Следственный комитет Российской Федерации по Республике Татарстан, г. Казань, Россия, VaALipskiy@kpfu.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. В статье рассмотрены частно-гносеологические аспекты становления и развития института уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности личности. Анализу подвергнуты такие правовые памятники, как Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах, Русская Правда, Судебник 1497 года, Судебник 1550 года, Артикул воинский 1715 года, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Изучение их текстов показало трансформацию и поиск эффективных уголовно-правовых механизмов противодействия преступлениям, посягающим на половую неприкосновенность личности. В качестве исторических достижений во взятой для исследования области можно отметить обоснованность реализации в рассмотренных юридико-технических конструкциях возрастной дифференциации потерпевших и выделения специальных субъектов таких деяний.

Ключевые слова: гносеология, ретроспектива, методология, половая неприкосновенность личности, ответственность, специальный субъект, противодействие

Для цитирования

Липский В. А. Частно-гносеологические аспекты становления и развития института уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности личности // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 624–630. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.624-630.

Original article

PRIVATE-EPISTEMOLOGICAL ASPECTS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY

Valery Andreevich Lipsky^{1,2}

¹ The Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, VaALipskiy@kpfu.ru

² Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The article examines the private-epistemological aspects of the formation and development of the institution of criminal responsibility for crimes against sexual integrity. Such legal monuments as the Charter of Prince Yaroslav Vladimirovich on church courts, Russian Truth, the Judicial Code of 1497, the Judicial Code of 1550, the Military Article of 1715, and the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 have been analyzed. The study of their texts showed the transformation and search for effective criminal law mechanisms to counteract crimes that infringe on the sexual integrity of the individual. As historical achievements in the field taken for research, it is possible to note the validity of the implementation of age differentiation of victims in the considered legal and technical structures and the identification of special subjects of such acts.

Keywords: epistemology, retrospective, methodology, sexual integrity of the individual, responsibility, special subject, counteraction

For citation

Lipsky, V. A. 2025, 'Private-epistemological aspects of the formation and development of the institution of criminal responsibility for crimes against sexual integrity', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 624–630, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.624-630.

Изучение становления и развития национального права и науки в области противодействия преступности в целом и отдельных их направлений в частности, в том числе с учетом ретроспективных достижений государственной уголовной политики на разных этапах развития России, является эффективным средством понимания целей и потенциала превенции криминально-делинквентного поведения, что подчеркивает особую методологическую значимость проведения такого исследования [1, с. 21]. Установление концептуальных признаков, раскрывающих юридическую сущность деяний против половой неприкосновенности личности на различных исторических этапах развития российской государственности, будет являться политико-историческим толчком для дальнейшего совершенствования действующего уголовного законодательства в области охраны малолетних и несовершеннолетних от сексуального насилия.

Первые исторические памятники уголовного права устанавливали ответственность исключительно за акты насильственного сексуального насилия. Одним из первых нормативных актов, взявших под охрану исследуемую группу общественных отношений, стал Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах. Этот документ стал переломным в развитии национального права. Во-первых, он закреплял особую роль

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

церкви в регулировании общественных отношений. Во-вторых, его целью была борьба с пережитками язычества. В-третьих, особой сферой координации становятся семейно-брачные отношения, неотъемлемой частью которых выступает половая свобода и половая неприкосновенность в современном их понимании. Фактически Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах становится главным инструментом охраны сексуально-нравственных устоев того времени.

В анализируемом документе был закреплён комплекс норм, устанавливающих ответственность за насильственный половой акт в отношении женщины, в том числе совершенный в соучастии [2, с. 163–191]. При этом наказание было тройственным и предусматривало штраф, выплачиваемый митрополиту, возмещение вреда потерпевшей в денежном эквиваленте, а также отдельную санкцию, назначаемую князем [2, с. 163–191].

Наблюдается определенная дифференциация жертв исследуемых деяний. В ее основу положен социальный статус женщины (боярская дочь, боярская жена, потерпевшая из среды нарочитых (состоятельных) или простых людей). Хотя малолетние и несовершеннолетние не были выделены в отдельную категорию потерпевших, но зачатки такого приема можно наблюдать в рамках наложения запрета на сожительство отца с дочерью, приемного родителя с падчерицей, мачехи и усыновленного, предполагая, что их возраст мог находиться и в границах, предполагающих наличие у лица права на половую неприкосновенность [2, с. 163–191]. Вместе с тем отсутствие четкого разграничения по возрасту может быть обусловлено тем, что в брак вступали с двенадцати до шестнадцати лет и это фактически наделяло таких лиц правом на половую свободу.

Анализ данного правового памятника дает основание выступить со следующей научной гипотезой. На рассматриваемом историческом этапе в большей степени охранялось не право на половую свободу, а общественные отношения в сфере нравственности. Сделанный вывод подтверждается двумя фактами. Во-первых, криминализации было подвержено поведение, сопряженное с изменами супругов, рождением внебрачных детей, сексуальными связями и вступлением в брак между родственниками и т. п. Причем основным вариантом исправления для лиц женского пола становилось заключение в монастырь для отбывания церковного покаяния (чаще всего это был трехлетний пост). Во-вторых, указанные формы девиантного поведения находились под юрисдикцией церкви. Такой тренд уголовной политики был сохранен в Русской Правде [3, с. 6], Судебнике 1497 г. [4, с. 25], Судебнике 1550 г. [5, с. 35].

Глобального пересмотра концепции охраны интересов малолетних и несовершеннолетних от сексуального насилия не было и в рамках реформаторской деятельности Петра I. Хотя частично произошедшая переоценка ценностей позволила по-новому охарактеризовать охрану половой свободы и неприкосновенности личности. Во-первых, в рамках Артикула воинского 1715 г. исследуемые формы криминального поведения были систематизированы в рамках главы двадцатой «О содомском грехе, о насилии и блуде» [6, с. 347]. Во-вторых, изменилась политико-юридическая основа института наказания за их совершение. Доминировать стали санкции, предусматривающие применение смертной казни и каторжных работ.

Новый концепт противодействия преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности личности был представлен в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Деяния, ставшие предметом исследования, были рассредоточены по разным разделам и главам Уложения. Их можно обнаружить в разд. VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния»,

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

гл. 4 «О преступлениях против общественной нравственности и нарушении ограждающих оную постановлений»; разд. X «О преступлениях против жизни, свободы и чести частного лица», гл. 6 «Об оскорблениях чести»; разд. XI «О преступлениях против прав семейственных», гл. 1 «О преступлениях против союза брачного», гл. 2 «О злоупотреблениях родительской властью и о преступлениях детей против родителей», гл. 3 «О преступлениях против союза родственного» [7].

Смешение и подмена объектов уголовно-правовой охраны в рамках проводимого исследования создавали сложности в юридическом понимании сущности и общественной опасности посягательств как на половую свободу, так и на половую неприкосновенность личности. Появившаяся полисемия и казуистичность [8, с. 69–73] порождали организационно-правовые проблемы в противодействии сексуальному насилию. Однако в этом акте уголовно-правового регулирования возрастной ценз впервые является основанием дифференциации ответственности за совершение общественно опасных деяний, посягающих на исследуемый объект уголовно-правовой охраны. Выделены лица, не достигшие узаконенного возраста (13–14 лет), малолетние (не достигшие возраста 17 лет), несовершеннолетние (не достигшие 21 года).

В рамках действующего УК РФ возрастное деление жертв также представлено, но в следующем формате:

- лица, находящиеся в беспомощном состоянии (не достигшие возраста 12 лет);
- малолетние (не достигшие возраста 14 лет);
- несовершеннолетние (не достигшие 18 лет).

Появляется норма, схожая с положениями ст. 134 УК РФ, устанавливающая запрет на добровольное удовлетворение сексуальных потребностей с лицами, не достигшими узаконенного возраста. При этом такое противоправное поведение приравнивалось к насильственному [9, с. 85–90].

Ученые того времени, оценивая предложенный формат государственно-властной реакции на сексуальное развращение в отношении детей, отмечали, что такое поведение безоговорочно составляет преступный факт, так как потерпевшее лицо еще неопытно и не осознает последствий для его умственного и физического здоровья от разврата, поэтому свобода выбора такого поведения со стороны ребенка объективно лишена свободы [10, с. 459].

Фактически аналог этого юридико-технического приема предложен сегодня в примечании к ст. 131 УК РФ при квалификации полового сношения, актов мужеложства или лесбиянства с лицом, не достигшим двенадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ), где отмечено, что «к преступлениям, предусмотренным п. «б» части четвертой настоящей статьи, а также п. «б» части четвертой статьи 132 настоящего Кодекса, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных частями третьей – пятой статьи 134 и частями второй – четвертой статьи 135 настоящего Кодекса, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий».

В рамках Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. методологически интересным и оправданным видится выделение специальных субъектов деяний против половой неприкосновенности личности. К таковым относились родители, лица, осуществляющие надзор за малолетними и несовершеннолетними или находящиеся на службе у их родителей, опекунов или родственников [9, с. 85–90]. Считаем указан-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

ный прием юридической техники оправданным и актуальным в рамках противодействия семейному сексуальному насилию в отношении детей и сегодня по причине его высочайшей латентности и необратимых психологических последствий для жертв.

Проведенный анализ таких исторических памятников уголовного права России, как Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах, Русская Правда, Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Артикул воинский 1715 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., доказывает политическую, социальную и правовую обусловленность противодействия сексуальному насилию в отношении малолетних и несовершеннолетних.

Представленные ретроспективные источники уголовного права закладывают основу уголовной политики в области борьбы с деяниями, посягающими на половую неприкосновенность личности. На рассмотренных исторических этапах происходила переоценка ценностей страдающих от сексуального насилия. Законодатель плавно менял вектор от значимости нравственности к таким благам, как половая свобода и половая неприкосновенность личности.

В качестве определенного достижения в секторе проведенного исследования следует отметить идею по дифференциации уголовной ответственности при охране интересов детей от сексуального насилия с учетом возраста жертв соответствующих криминальных посягательств.

Заслуживает внимания и выделение специальных субъектов таких деяний. Учитывая, что сегодня фиксируется значительное количество актов семейного сексуального насилия в отношении малолетних и несовершеннолетних, считаем, что реализованный в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. прием может быть использован и в рамках дальнейшего совершенствования положений гл. 18 УК РФ.

Завершая изучение частно-гносеологических аспектов становления и развития института уголовной ответственности за совершение преступлений против половой неприкосновенности личности, отметим, что Российское государство всегда было озадачено охраной данного блага, апробируя и совершенствуя на различных исторических этапах разноплановые юридико-технические конструкции. Апробация некоторых из них доказала не только обусловленность противодействия взятым для рассмотрения формам общественно опасной деятельности, но и наличие потенциала современной уголовной политики в борьбе с сексуальным насилием в отношении детей.

Список источников

1. Таганцев Н. С. Курс уголовного права: Часть общая. Кн. 1. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1874. Вып. 1. 284 с.
2. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. 430 с.
3. Чернявская Т. А. Русская Правда (с комментариями) : учеб.-метод. пособие. М. : Изд-во Гуманит. ин-та, 1995. 56 с.
4. Памятники русского права: памятники права периода образования русского централизованного государства, XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Госюриздат, 1955. Вып. 3. Судебник 1497 г. 527 с.
5. Чернявская Т. А. Законодательные памятники России до 1917 г. : учеб.-метод. пособие. Н. Новгород, 1997. Ч. 1. 51 с.
6. Памятники русского права. М., 1961. Вып. 8 Законодательные акты Петра I. 668 с.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. : учеб. пособие / сост. Е. И. Голованова, А. С. Емелин. М. : МосУ МВД России, 2009. 92 с.
8. Шестопалов А. П., Фумм А. М. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в системе источников уголовного права Российской Империи // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2015. № 3(2). С. 69–73.
9. Пестерева Ю. С., Шагланова А. Н., Чекмезова Е. И. Исторический аспект развития норм об уголовной ответственности за ненасильственные сексуальные посягательства на несовершеннолетних // Сибирское юридическое обозрение. 2013. № 1(20). С. 85–90.
10. Лохвицкий А. В. Курс русского уголовного права. 2-е изд., испр. и доп., сведенное с кассацион. решениями. СПб. : Скоропечатня Ю. О. Шрейера, 1871. 704 с.

References

1. Tagantsev, N. S. 1874, *The course of criminal law: A general part, book 1*, iss. 1, Printing house of M. Stasyulevich, St. Petersburg.
2. *Russian Legislation of the X–XX centuries*, 1984, in 9 vols, vol. 1: Legislation of Ancient Russia, Legal Literature, Moscow.
3. Chernyavskaya, T. A. 1995, *Russian Truth (with comments): educational and methodical manual*, Publishing House of the Humanitarian Institute, Moscow.
4. *Monuments of Russian law: monuments of law of the period of the formation of the Russian centralized state, XIV–XV centuries*, 1955, L. V. Cherepnin (ed.), iss. 3, Sudebnik of 1497, Gosyurizdat, Moscow.
5. Chernyavskaya, T. A. 1997, *Legislative monuments of Russia before 1917: an educational and methodical manual, part 1*, Nizhny Novgorod.
6. *Monuments of Russian Law*, iss. 8, Legislative Acts of Peter the Great, 1961, Moscow.
7. Golovanova, E. I. & Emelin, A. S. 2009, *The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845: a textbook*, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow.
8. Shestopalov, A. P. & Fumm, A. M. 2015, 'The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 in the system of sources of criminal Law of the Russian Empire', *Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute*, iss. 3(2), pp. 69–73.
9. Pestereva, Yu. S., Shaglanova, A. N. & Chekmezova, E. I. 2013, 'Historical aspect of the development of norms on criminal liability for nonviolent sexual assaults on minors', *Siberian Legal Review*, iss. 1(20), pp. 85–90.
10. Lokhvitsky, A.V. 1871, *Course of Russian Criminal Law*, 2nd ed., printing house Yu. O. Schreyer, St. Petersburg.

Информация об авторе

В. А. Липский – руководитель управления (Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан), соискатель (Казанский (Приволжский) федеральный университет).

Information about the author

V. A. Lipsky – Head of the Department (Main Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan), Postgraduate Student (Kazan (Volga Region) Federal University).

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Научная статья

УДК 343.973

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.631-638

ГЕНЕЗИС СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБНАЛИЧИВАНИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Марсель Саримович Дулкарнаев^{1,2}

¹ Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан, г. Казань, Россия, MSDulkarnaev@kpfu.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация. Вопрос противодействия незаконному обналичиванию денежных средств остается насущным из-за устойчивого воспроизводства таких практик при любых институциональных изменениях. Подобные операции сокращают налоговые поступления, искажают конкурентную среду, подменяют достоверную отчетность и затрудняют установление предикатных преступлений. На разных исторических этапах их подпитывали ограниченность легальных каналов расчетов, регуляторные разрывы переходных периодов, высокие издержки соблюдения законных требований и особенности платежной инфраструктуры. Цифровизация финансов, удаленная идентификация и появление новых посредников усилили эти тенденции, а в 2022–2025 годах к ним добавились валютные ограничения и перестройка трансграничных платежей. В центре внимания правоохранительных органов остается разграничение добросовестной хозяйственной деятельности и криминальной активности, конкуренция норм, а также корректная оценка бестоварных операций и фиктивных услуг. Ретроспективный подход позволяет связать институциональные перемены с эволюцией используемых схем, определить разумные пределы уголовно-правового вмешательства и проследить становление социально-правовой обусловленности противодействия поведению, уже давно демонстрирующему не просто противоправный, а действительно общественно опасный характер.

Ключевые слова: незаконное обналичивание, денежные средства, финансовые операции, историко-правовой подход, уголовный закон, противодействие, общественная опасность, противоправность

Для цитирования

Дулкарнаев М. С. Генезис социально-правовой обусловленности противодействия незаконному обналичиванию денежных средств // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 631–638. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.631-638.

© Дулкарнаев М. С., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Original article

THE GENESIS OF THE SOCIO-LEGAL CONDITIONALITY OF COUNTERING ILLEGAL CASH WITHDRAWAL

Marcel Sarimovich Dulkarnaev^{1,2}

¹ The Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, MSDulkarnaev@kpfu.ru

² Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract. The issue of countering illegal cash withdrawal remains urgent due to the steady reproduction of such practices under any institutional changes. Such operations reduce tax revenues, distort the competitive environment, substitute reliable reporting and make it difficult to establish predicate crimes. At various historical stages, they have been fueled by the limitations of legal payment channels, regulatory gaps in transition periods, high costs of complying with legal requirements, and the specifics of the payment infrastructure. The digitalization of finance, remote identification, and the emergence of new intermediaries have reinforced these trends, with currency restrictions and the restructuring of cross-border payments added in 2022–2025. The focus of attention of law enforcement agencies remains the distinction between bona fide economic activity and criminal activity, competition of norms, as well as the correct assessment of commodity-free transactions and fictitious services. The retrospective approach makes it possible to link institutional changes with the evolution of the schemes used, to determine the reasonable limits of criminal law intervention and to trace the formation of the socio-legal conditionality of countering behavior that has long demonstrated not just illegal, but truly socially dangerous.

Keywords: illegal cashing, money, financial transactions, historical and legal approach, criminal law, counteraction, public danger, illegality

For citation

Dulkarnaev, M. S. 2025, 'The genesis of the socio-legal conditionality of countering illegal cash withdrawal', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 631–638, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.631-638

С учетом отсутствия в действующем уголовном законодательстве не только интерпретации интересующего нас категориального аппарата, но и специализированных норм, посвященных ответственности за соответствующее делинквентное поведение, представляется методологически оправданным обозначить, что в исследовании под незаконным обналичиванием денежных средств понимается противоправное превращение безналичных финансовых активов в наличную форму с сокрытием действительно происхождения, экономического смысла и дальнейшего использования полученных материальных ценностей. На практике это достигается за счет фиктивных договоров, мнимых актов приемки, бестоварных расчетов, искажений бухгалтерского учета, а также эксплуатации номинальных структур, в результате чего денежные средства выводятся

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

из «прозрачного оборота» и используются вне установленных правил учета, налогообложения и контроля.

Выбранный ретроспективный подход к раскрытию социально-правовой обусловленности противодействия подобному феномену обусловлен тем, что способы извлечения наличности трансформировались вместе с устройством экономики и формами государственного контроля, то есть сквозь призму генезиса соответствующих процессов становится возможным проследить и становление не только отдельных аспектов общественной опасности обозначенного деяния, но и политической воли государства в части реагирования на его влияние на соответствующие экономические отношения. В то же время нельзя не подчеркнуть, что динамичная и периодическая смена каналов, способов и посредников на протяжении всего времени зарождения и развития исследуемого явления наблюдается напротив вполне стабильных и устойчивых мотивационных факторов, которыми практически всегда выступают стремление минимизировать обязательные платежи, сохранить анонимность расчетов и финансировать запрещенную деятельность.

До революционных преобразований хозяйственный уклад, как отмечается в гуманитарной доктрине, длительное время сохранял патримониальные особенности, при которых властные и имущественные интересы были тесно связаны [1, с. 24]. В таких условиях рыночная конкуренция и прозрачность расчетов формировались медленно, а внеучетные формы оборота материальных ценностей воспринимались как вполне привычное явление. Отсутствие четких механизмов контроля за денежным обращением создавало необходимую почву для того, чтобы узаконенные процедуры могли соседствовать с девиантными практиками, по существу, подменявшими их. Тем самым формировались базовые детерминанты для злоупотреблений, в рамках которых практически не прослеживалась потребность в правовом разграничении законной хозяйственной деятельности и противоправного извлечения наличности.

После 1917 г. перестройка имущественного порядка, отказ от частной собственности в ключевых секторах и переход к централизованному распределению ресурсов сопровождались изменением легальных каналов расчетов¹. Дополнительным элементом стало установление государственной монополии на банковское дело, что радикально изменило контуры денежного обращения и механизмы получения материальных средств в твердой форме², в результате чего формализованные процедуры выдачи наличности и концентрация корреспондентских расчетов сократили пространство для частноправовых схем, но одновременно с этим выступили катализатором использования относительно неучтенного и соответственно неподконтрольного оборота. Тем самым были заложены структурные предпосылки для последующих форм документального маскирования превращения безналичных сумм в наличные.

Отдельного внимания заслуживает период военного управления экономикой 1918–1921 гг., в рамках которого карточное распределение и широкое применение натуральных расчетов объективно снижали значение безналичных платежей, в то время как наличные деньги сохраняли роль универсального эквивалента, функционирующего на всех уровнях, в том

¹ См.: Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

² См.: О национализации банков : декрет ВЦИК РСФСР от 14 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 150.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

числе и вне системы. Вместе с тем ограниченность легальных каналов и многообразие внеучетных сделок формировали практику вывода средств из прозрачного оборота и их использование без отражения в отчетности. При этом нормативным маркером обозначенной эпохи выступил Декрет о продовольственной разверстке, провозгласивший приоритет внерыночных распределительных инструментов¹. В совокупности это приводило к тому, что наличность становилась удобным средством финансирования параллельных операций, не проходящих по официальной отчетности, что, по сути, предвосхищало ключевую мотивацию исследуемого делинквентного поведения.

В период новой экономической политики государство допустило ограниченную частнохозяйственную активность, что получило закрепление в гражданском законодательстве, в том числе в нормах о сделках и собственности². Уточнение статуса договоров и вещных прав придало легитимные формы расчетам, но при одновременной сохранности административных барьеров стимулировало поиск способов сокрытия реального содержания операций. В этой среде укрепилась практика фиктивного документооборота и бестоварных расчетов, служивших непосредственным инструментом превращения безналичных сумм в наличные вне «прозрачного учета».

Сворачивание НЭПа сузило легальные возможности частной инициативы, однако сформированные у заинтересованных субъектов внеправовые навыки выступили основой для поиска новых путей для реализации возможностей, которые открывал интересующий нас феномен. Тем не менее в следующие десятилетия государство последовательно усиливало кассовую дисциплину и проводило денежные преобразования, что не позволяет оценивать этот период в качестве благоприятного для соответствующей криминальной деятельности, в то же время именно он выступает отражением политической воли, стремящейся ограничить неконтролируемый оборот материальных активов и минимизировать все его негативные последствия. Так, реформа 1947 г. упразднила карточную систему и сократила избыточную наличную массу, что повлекло за собой жесткое нормирование выдачи наличности и переход к более строгому учету кассовых операций; реформа 1960–1961 гг. изменила масштаб цен и правила пересчета, унифицировала документы и процедуры отражения наличных расчетов³. Для практик противоправного извлечения наличных это означало сужение примитивных способов неучтенного расходования и одновременное расширение «переходных окон»: завышение смет, фиктивные акты и ложные основания для снятия подотчетных сумм стали использоваться для обхода установленных ограничений, что структурно приблизило такие схемы к их более современным формам.

В позднесоветский период подобные практики приспособились к плановой модели и регламентированному распределению финансовых ресурсов. Жесткие лимиты расчетов, дефицит оборотной ликвидности и сложные процедуры согласований подталки-

¹ См.: О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства : декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 11 января 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 1. Ст. 10.

² См.: О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР : постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

³ См.: О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары : постановление Совмина СССР, ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. № 4004 // СП СССР. 1948. № 1. Ст. 1; Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами : постановление Совмина СССР от 4 мая 1960 г. № 470 // Там же. 1960. № 10. Ст. 69.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

вали заинтересованных лиц к совершенствованию устоявшихся криминальных методик, в результате чего сформировалась распространенная схема: завышенные сметы, подложные акты, фиктивные основания для выдачи сумм под отчет и их последующее расходование не по назначению. В свою очередь, системные требования кассового порядка фиксировались профильными актами Госбанка СССР¹, которые устанавливали лимиты кассы, порядок ведения кассовых книг и отчетности, что и порождало обход через фиктивные авансовые отчеты и документально оформленные, но экономически необоснованные выдачи наличности, что, по сути, и соответствовало содержанию исследуемого феномена.

С разворотом перестройки и кооперативного движения на рубеже 1980–1990-х годов появились новые организационно-правовые формы, элементы хозрасчета и либерализация внешнеэкономических операций. Важным нормативным индикатором либерализации стал Закон о кооперации², усиливший развитие договорных форм отношений и расширивший круг их участников, что также способствовало расширению возможностей для формальных сделок без реального содержания: кооперативы и иные субъекты нередко выступали номинальными посредниками, через которых строились короткие цепочки переводов с последующим снятием сумм наличными под видом расчетов с контрагентами.

Нормативным фоном обозначенного периода выступали базовые акты банковского права переходной эпохи, прежде всего Закон о банках и банковской деятельности³. Разрешение многоканального банковского обслуживания и стремительный рост числа кредитных организаций стимулировали открытие множества счетов, транзитные операции и распределение потоков между номинальными структурами, в результате чего незаконное обналичивание быстро стало одним из основных каналов ухода от налогов, оплаты неучтенного труда, а также финансирования коррупционных выплат и иной криминальной деятельности, что формировало качественно новый уровень угрозы, выражающейся в дестабилизации законного оборота денежных средств и государственной экономической системы в целом. С учетом этого в обозначенных временных рамках начинает прослеживаться вполне отчетливый политико-правовой курс на усиление мер контроля соответствующей деятельности. В частности, XXI век ознаменовал собой существенное развитие финансового мониторинга, что сопровождалось усилением и конкретизацией требований к идентификации клиентов и прослеживаемости расчетов, а также расширением обязанностей организаций финансового рынка. В данном ключе особая роль отводится принятию Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁴, в результате чего простые схемы по незаконному обналичиванию стали чаще заменяться многоступенчатыми цепочками с дроблением платежей и использованием

¹ См.: Порядок ведения кассовых операций в народном хозяйстве : утвержден постановлением Госбанка СССР от 8 августа 1991 г. № 2 // Экономика и жизнь. 1991. № 34.

² См.: О кооперации в СССР : закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

³ См.: О банках и банковской деятельности : закон РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 6. Ст. 492.

⁴ См.: О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : федер. закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33. Ч. 1. Ст. 3418.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

номинальных лиц, что снижало прямую обозримость и повышало доказательственные требования к установлению предикатности.

Существенное значение в вопросе обеспокоенности государства развитием соответствующей делинквентной активности имел пакет законодворческих инициатив 2013 г. о противодействии незаконным финансовым операциям¹, а также положения Банка России о внутреннем контроле и переводах денежных средств². В совокупности данные акты усилили риск-ориентированный подход, расширили перечень оснований для отказа в совершении операции и для расторжения договоров банковского счета при выявлении признаков подозрительных действий, что в контексте незаконного обналичивания выразилось в смещении акцента к более сложным документальным комбинациям, включающим в себя фиктивные договоры, цепочки взаимозачетов и ускоренные транзитные проводки перед снятием наличности.

Параллельно массовое внедрение онлайн-касс и механизмов прослеживаемости расчетов в розничном звене снизило потенциал «растворения» снятых сумм через потребительские платежи. Нормативная база складывалась вокруг Закона № 54-ФЗ и его реформы 2016 г.³, а также постановлений Правительства о национальной системе прослеживаемости⁴. Введение передачи фискальных данных в режиме, близком к реальному времени, и контроль соответствующего оборота ограничили схемы, в которых ранее наличность «легализовывалась» как выручка. Ответной адаптацией стал перенос акцента на фиктивные услуги и работы, а также на сделки с объектами, не подпадающими под установленный механизм контроля. В то же время к цифровизации финансовых услуг добавилась широкая практика удаленной идентификации. Поправки о единой биометрической системе⁵ упростили дистанционное открытие счетов и заключение договоров банковского обслуживания. Это дало экономический эффект для добросовестного оборота, но одновременно облегчило создание номинальных структур: «массовые» анкеты, кратко живущие счета и дробление платежей начали применяться

¹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части противодействия незаконным финансовым операциям : федер. закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 26. Ст. 3207.

² См.: О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : положение Банка России от 2 марта 2012 г. № 375-П // Вестник Банка России. 2012. № 20; О правилах осуществления перевода денежных средств : положение Банка России от 19 июня 2012 г. № 383-П // Там же. № 34.

³ См.: О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации : федер. закон от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 21. Ст. 1957; О внесении изменений в Федеральный закон «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 290-ФЗ // Там же. 2016. № 27. Ч. 2. Ст. 4223.

⁴ См.: Об утверждении Положения о национальной системе прослеживаемости товаров : постановление Правительства Рос. Федерации от 1 июля 2021 г. № 1108 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 28. Ч. 2. Ст. 5536; Об утверждении перечня товаров, подлежащих прослеживаемости : постановление Правительства Рос. Федерации от 1 июля 2021 г. № 1110 // Там же. Ст. 5538.

⁵ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ : федер. закон от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 1. Ч. 1. Ст. 66.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

как элементы схем, нацеленных на последующее снятие наличности при ослабленном личном контроле со стороны организатора.

Нельзя не отметить и 2022 год, когда на первый план в рамках исследуемой проблематики вышли санкционные ограничения и перестройка трансграничных потоков, что повлекло за собой необходимость фиксации мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности¹. Ужесточение валютного контроля, ограничения на операции с иностранной валютой и вывоз капитала изменили маршруты платежей и повысили издержки прямого вывода средств, в результате чего схемы незаконного обналичивания стали чаще использовать расчеты через третьи юрисдикции, имитацию внешнеторговых поставок и сложные комбинированные транзакции, маскирующие момент преобразования гражданско-правового статуса денежных средств.

В вопросе социально-правовой обусловленности противодействия интересующей нас делинквентной активности безусловное значение придается не только механизму соответствующей деятельности, но и содержанию того вреда, который причиняется охраняемым общественным отношениям. Противоправное превращение безналичных сумм в наличные снижает поступления в бюджет, нарушает равенство условий хозяйствования, искажает картину денежных потоков и усложняет выявление предикатных преступлений, благодаря чему формируется комплексный эффект дестабилизации экономики: страдает фискальная система, нарушается конкуренция, подрывается достоверность бухгалтерской отчетности, снижается эффективность контроля за легальностью источников доходов. В обозначенных условиях уголовно-правовая реакция не может считаться произвольной репрессией, поскольку она направлена на защиту публичных интересов и на пресечение поведения, объективно представляющего опасность для государственной экономической системы и финансовой стабильности общества. С учетом этого представляется целесообразным заключить, что историческая линия развития практик извлечения наличности из безналичного оборота демонстрирует устойчивую устойчивость явления при смене экономических режимов. Когда трансформировались правовые оболочки и технические приемы, социальная природа спроса на соответствующие услуги оставалась неизменной. Вследствие этого противодействие должно выстраиваться как часть более широкой системы мер, включающей в себя не только совершенствование организационных процедур и контроля, но и формирование адекватной уголовно-правовой реакции, в том числе отражающей осознание государством общественно опасного характера рассматриваемого делинквентного поведения.

Список источников

1. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М. : Захаров, 2012. 493 с.

References

1. Pipes, R. 2012, *Russia under the old regime*, Zakharov, Moscow.

¹ См.: О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций : указ Президента Рос. Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 10. Ст. 1465; О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 1 марта 2022 г. № 81 // Там же. Ст. 1466.

Информация об авторе

М. С. Дулкарнаев – заместитель руководителя (Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан), соискатель (Казанский (Приволжский) федеральный университет).

Information about the author

M. S. Dulkarnaev – Deputy Head (Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Tatarstan), Postgraduate Student (Kazan (Volga Region) Federal University).

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Научная статья

УДК 343

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.639-644

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Артем Альбертович Цветков¹

¹ Международный юридический институт, г. Москва, Россия, A.A.2015doc@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены методологические основы предупреждения преступности, связанной с диверсионной деятельностью. Продемонстрированы статистические данные об уровне преступности в России и количестве лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 281–281.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Методологической базой исследования выступили Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», положения Уголовного кодекса Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Определена особая роль Совета Безопасности Российской Федерации в обеспечении национальной безопасности государства и противодействии преступности, связанной с диверсионной деятельностью. Сделан вывод о наличии репродуктивного политико-правового потенциала в борьбе с диверсиями, который предполагает разработку криминологической модели предупреждения диверсионной деятельности.

Ключевые слова: преступность, диверсия, противодействие, методология, профилактика, предупреждение, национальная безопасность, конституционный строй, безопасность государства

Для цитирования

Цветков А. А. Методологические основы предупреждения преступности, связанной с диверсионной деятельностью: теоретико-прикладные аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 639–644. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.639-644.

Original article

METHODOLOGICAL BASIS FOR PREVENTING CRIME RELATED TO SABOTAGE ACTIVITIES: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

Artem Albertovich Tsvetkov¹

¹ International Law Institute, Moscow, Russia, A.A.2015doc@yandex.ru

Abstract. The article examines the methodological foundations of crime prevention related to subversive activities. Statistical data on the crime rate in Russia and the number of persons prosecuted under Articles 281-281.3 of the Criminal Code of the Russian Federation are demonstrated. The methodological basis of the study was the Federal Law "On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation", the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, and the National Security Strategy of the Russian Federation. The special role of the Security Council of the Russian Federation in ensuring the national security of the state and countering crime related to subversive activities is defined. It is concluded that there is a reproductive political and legal potential in the fight against sabotage, which involves the development of a criminological model for preventing subversive activities.

Keywords: crime, sabotage, counteraction, methodology, prevention, prevention, national security, constitutional system, state security

For citation

Tsvetkov, A. A. 2025, 'Methodological basis for preventing crime related to sabotage activities: theoretical and applied aspects', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 639–644, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.639-644

Начнем рассмотрение заявленного для исследования научного направления с авторской гипотезы: «Эффект уголовной политики находится в прямой зависимости от качества предупреждения преступности». Одним из главных индикаторов результативности субъектов уголовной юстиции в секторе проводимого доктринального изыскания выступают статистические данные, демонстрирующие состояние преступности. Современные ее показатели выглядят следующим образом.

Ежегодное снижение количества зарегистрированных преступлений в границах 1–2 % свидетельствует о том, что на протяжении последних пяти лет преступность фактически находится на одном уровне. Не менее интересно выглядят и показатели в рассматриваемых временных рамках о количестве лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение деяний, связанных с диверсионной деятельностью¹.

Представленные статистические данные указывают на существенный прирост за последние три года количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 281–281.3 УК РФ.

¹ В авторскую классификацию преступлений, связанных с диверсионной деятельности относятся деяния, закрепленные в ст. 281, 281.1, 281.2, 281.3 УК РФ,

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Таблица 1

Данные о состоянии преступности в России за 2020–2024 гг.

№	Год	Общее количество зарегистрированных преступлений	Прирост/снижение, %
1	2020	2 044 221	+ 1
2	2021	2 004 404	– 1,9
3	2022	1 966 795	– 1,9
4	2023	1 947 161	– 1
5	2024	1 911 258	– 1,8

Примечание. Статистические данные о состоянии преступности в России взяты из официальных источников МВД России. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics>.

Таблица 2

Данные о количестве осужденных лиц по ст. 281–281.3 УК РФ за 2020–2024 гг.

№	Год	Ст. 281	Ст. 281.1	Ст. 281.2	Ст. 281.3	Всего
1	2020	–	–	–	–	–
2	2021	–	–	–	–	–
3	2022	1	–	–	–	1
4	2023	17	–	–	–	17
5	2024	108	3	10	10	131

Примечание. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России взяты из официальных источников Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79>.

Эскалация рассматриваемых деяний имеет множество детерминант. Это культурно-нравственная разобщенность, социально-политическая и экономическая нестабильности т. п. В таких условиях диверсионная преступность со стороны внутренних и внешних врагов рассматривается в качестве инструмента разрушения основ конституционного строя и безопасности государства [1, с. 300–308].

На уровне общего, незначительного снижения уровня преступности в России в целом, всплеск диверсионного поведения требует незамедлительной научной, политической и правовой реакции, направленной на предупреждение столь опасного делинквентно-криминального поведения [2, с. 195–206].

Обусловлено это множеством факторов. Во-первых, увеличением количества действующих на территории Российской Федерации диверсионных организаций [3, с. 44–48]. Во-вторых, криминализацией ранее неизвестных деяний в секторе проводимого исследования и применением иных, симметричных форм государственно-властной реакции. Таковой, например, стало принятие Федерального закона от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ, в рамках которого понижен возраст уголовной ответственности до 14 лет за совершение преступлений, предусмотренных ст. 281–281.3 УК РФ. В-третьих, потребностью повышения качества работы правоохранительных органов, выраженной в выработке новых подходов к правовой оценке диверсионных деяний.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Отмеченное ставит как перед наукой, так и перед практикой вопрос о выработке эффективного профилактического инструментария, способного существенно снизить уровень преступности, связанной с диверсионной деятельностью [4, с. 5–13], что невозможно без оценки имеющегося сегодня потенциала уголовной политики в рассматриваемой области.

Отмеченное основывается на множестве имеющихся в законодательстве и доктрине положений, в том числе носящих четкий императивный формат [5, с. 169–173]. В рамках федерального законодательства он представлен в целом комплексе нормативных актов.

В первую очередь необходимо подчеркнуть роль Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». В этом нормативном правовом акте отмечено, что «правовую основу системы профилактики правонарушений составляют положения Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, нормы уголовного законодательства Российской Федерации, законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях. Правовое регулирование профилактики правонарушений осуществляется в соответствии с федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, а также принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, законами и другими нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами»¹.

Предложенный юридико-технический концепт обосновывает вовлеченность в процесс предупреждения преступности всех сил и средств правоохранительных органов, а также иных субъектов, вовлеченных в профилактику отклоняющегося поведения, на основе имеющегося национального и международного юридического потенциала.

На анализе национального юридического базиса в борьбе с преступностью, связанной с диверсионной деятельностью, мы и остановимся.

Возвращаясь к положениям Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», отметим, что в его предмет входят общественные отношения, возникающие в сфере профилактики диверсионной деятельности. Это прямо закреплено в ст. 6, определяющей в качестве одного из направлений регулирования – «обеспечение экономической безопасности» и «защиту критически важных и (или) потенциально опасных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения»². Не менее значимым документом во взятой для исследования области выступает Уголовный кодекс Российской Федерации.

Превенция уголовного закона имеет широкие юридические границы применения [6, с. 65–70]. В доктрине сформировано мнение о том, что предупреждение общественно опасных деяний относится к функциям УК РФ [7, с. 30–33]. Его роль можно представить в двух аспектах. В рамках общей превенции необходимо особо отметить потенциал, заложенный в положениях ст. 2 УК РФ, определившей предупреждение преступлений в качестве одной из задач уголовного законодательства. Специальная превенция пред-

¹ См.: Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26. Ч. 1. Ст. 3851.

² См.: Там же.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

ставлена в целом комплексе уголовно-правовых запретов, устанавливающих уголовную ответственность за различные проявления диверсионной деятельности.

Тренд уголовной политики в секторе проводимого исследования заложен и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны отнесены к национальным интересам страны¹. Именно эти сферы чаще всего и становятся объектами диверсионных атак.

В рамках изучения методологических основ предупреждения диверсионной преступности нельзя обойти стороной деятельность государственных органов, осуществляющих его регулирование и непосредственное противодействие соответствующим деяниям.

Полагаем, что координирующую роль в изучаемой области политического и правового реагирования выполняет Совет Безопасности Российской Федерации, так как этому органу отведена особая функция в обеспечении национальной безопасности государства, что прямо закреплено в Основном законе страны². Это также прямо вытекает из задач, стоящих перед Советом Безопасности. В рамках проводимого исследования особое значение имеют: «формирование государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и контроль за ее реализацией» и «прогнозирование, выявление, анализ и оценка внутренних и внешних угроз национальной безопасности, оценка военной опасности и военной угрозы, других внутренних и внешних угроз, выработка мер по их нейтрализации»³.

Представленный юрико-организационный потенциал в области предупреждения преступности, связанной с диверсионной деятельностью, образует методологическую основу для более глубокой криминологической оценки взятых для исследования преступных форм поведения и разработки теоретико-прикладных моделей противодействия ей.

Считаем, что наиболее значимый институциональный, правовой и управленческий инструментарий может быть консолидирован в криминологической модели предупреждения диверсионной деятельности. Такой прием позволит сконцентрировать внимание на столь опасном девиантно-криминальном поведении и более оперативно вырабатывать симметричные меры уголовно-правового и криминологического противодействия.

Список источников

1. Петрянин А. В., Богомолов С. Ю., Неганов Д. А. Гибридная война как современный, деструктивный феномен // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19, № 2. С. 300–308.
2. Польшиков А. В., Демидова О. В., Кулешов А. А. Основные проблемы предупреждения террористических актов и диверсий, совершаемых несовершеннолетними и при их соучастии // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2025. № 1. С. 195–206.
3. Огородникова О. О. Разграничение содействия терроризму и содействия диверсии // Вестник научной мысли. 2023. № 1. С. 44–48.

¹ См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июня 2021 г. № 400 // Рос. газ. 2021. 5 июля.

² См.: Конституция Российской Федерации : принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Рос. газ. 2020. 4 июля.

³ См.: Положение о Совете Безопасности Российской Федерации Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 7 марта 2020 г. № 175. URL: <http://www.scrf.gov.ru/about/regulations>.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

4. Безручко Е. В., Небрatenко Г. Г. Диверсии в отношении железнодорожной транспортной инфраструктуры как посягательства на государственную безопасность Российской Федерации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 3(45). С. 5–13.

5. Давитадзе М. Д. Уголовная ответственность за диверсию // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 169–173.

6. Сальникова О. Н. Вопросы нормативного конструирования и применения уголовного закона об ответственности за диверсию: обоснование актуальности исследования // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 2(75). С. 65–70.

7. Дикаев С. У., Гасанов Р. С. Предупреждение преступлений как функция и задача уголовного закона // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 3(17). С. 30–33.

References

1. Petryanin, A. V., Bogomolov, S. Yu. & Neganov, D. A. 2024, 'Hybrid Warfare as a Modern, Destructive Phenomenon', *Penal law*, vol. 19, iss. 2, pp. 300–308.

2. Polshikov, A. V., Demidova, O. V. & Kuleshov, A. A. 2025, 'Key Problems of Preventing Terrorist Acts and Sabotage Committed by Minors and with Their Complicity', *Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, iss. 1, pp. 195–206.

3. Ogorodnikova, O. O. 2023, 'Distinction between Assistance to Terrorism and Assistance to Sabotage', *Bulletin of Scientific Thought*, iss. 1, pp. 44–48.

4. Bezruchko, E. V. & Nebratenko, G. G. 2024, 'Sabotage of railway transport infrastructure as an encroachment on the state security of the Russian Federation', *Siberian criminal procedural and forensic readings*, iss. 3(45), pp. 5–13.

5. Davitadze, M. D. 2020, 'Criminal liability for sabotage', *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 3, pp. 169–173.

6. Salnikova, O. N. 2025, 'Issues of normative construction and application of the criminal law on liability for sabotage: justification of the relevance of the study', *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, iss. 2 (75), pp. 65–70.

7. Dikaev, S. U. & Gasanov, R. S. 2015, 'Crime Prevention as a Function and Task of Criminal Law', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 3(17), pp. 30–33.

Информация об авторе

А. А. Цветков – аспирант Международного юридического института.

Information about the author

A. A. Tsvetkov – graduate student of the International Law Institute.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 02.12.2025; принята к публикации 22.12.2025.

The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 02.12.2025; accepted for publication 22.12.2025.

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Научная статья

УДК 343.8(510)

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.645-648

ПОЛОЖЕНИЕ ВЕРХОВНОГО НАРОДНОГО СУДА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ «О ПЕРЕСМОТРЕ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ ПО ИМУЩЕСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ ПРИ СМЯГЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ И УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ» ОТ 2024 ГОДА: АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД РЯДА СТАТЕЙ И КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александра Николаевна Мяханова¹

¹ Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г Улан-Уде, Россия,
alex27-m@mail.ru

Аннотация. В статье приводится текст авторского перевода статей 1–3 Положения Верховного Народного Суда Китайской Народной Республики «О пересмотре исполнения решений по имущественным вопросам при смягчении наказания и условно-досрочном освобождении» от 2024 года. В рамках краткого сравнительного анализа с российским законодательством выделяется ряд особенностей китайского подхода в части взаимосвязанного учета таких критериев условно-досрочного освобождения, как возмещение причиненного ущерба или иным образом заглаживание вреда, причиненного в результате преступления, и степень раскаяния осужденного, оценки способности осужденного в принципе исполнять решение суда относительно возмещения причиненного ущерба.

Ключевые слова: положение Верховного Народного Суда Китайской Народной Республики, критерии условно-досрочного освобождения, раскаяние осужденного, возмещение причиненного ущерба, заглаживание вреда, причиненного в результате преступления

Для цитирования

Мяханова А. Н. Положение Верховного Народного Суда Китайской Народной Республики «О пересмотре исполнения решений по имущественным вопросам при смягчении наказания и условно-досрочном освобождении» от 2024 года: авторский перевод ряда статей и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 645–648. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.645-648.

© Мяханова А. Н., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

AUTHOR'S TRANSLATION OF FOREIGN LEGAL ACTS

Original article

THE REGULATION OF THE SUPREME PEOPLE'S COURT OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA "ON THE REVIEW OF THE EXECUTION OF DECISIONS ON PROPERTY ISSUES IN MITIGATION OF PUNISHMENT AND PAROLE" DATED 2024: AUTHOR'S TRANSLATION OF A NUMBER OF ARTICLES AND A BRIEF COMPARATIVE ANALYSIS WITH THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexandra Nikolaevna Myakhanova¹¹ Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia, alex27-m@mail.ru

Abstract. The article contains the text of the author's translation of Articles 1-3 of the Regulation of the Supreme People's Court of the People's Republic of China "On the review of the execution of decisions on property issues in mitigation of punishment and parole" dated 2024. As part of a brief comparative analysis with Russian legislation, a number of features of the Chinese approach are highlighted in terms of the interrelated consideration of such criteria for parole as compensation for damage caused or otherwise making amends for harm caused as a result of a crime, and the degree of remorse of the convicted person, assessing the ability of the convicted person in principle to comply with the court's decision regarding compensation for damage.

Keywords: the position of the Supreme People's Court of the People's Republic of China, criteria for parole, remorse of the convicted person, compensation for the damage caused, reparation for the harm caused as a result of the crime

For citation

Myakhanova, A. N. 2025, 'The Regulation of the Supreme People's Court of the People's Republic of China "On the review of the execution of decisions on property issues in mitigation of punishment and parole" dated 2024: author's translation of a number of articles and a brief comparative analysis with the legislation of the Russian Federation', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 645–648, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.645-648.

Ниже приводится авторский перевод ст. 1–3 Положения Верховного Народного Суда Китайской Народной Республики (ВНС КНР) «О пересмотре исполнения решений по имущественным вопросам при смягчении наказания и условно-досрочном освобождении», изданного в 2024 г.

Выделим некоторые специфичные подходы, отраженные в нем, с кратким сравнительным анализом с положениями российского законодательства.

В Китае вопрос о возмещении причиненного ущерба или иным образом заглаживании вреда, причиненного в результате преступления, как о критерии условно-досрочного

АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

освобождения рассматривается в контексте оценки степени раскаяния осужденного. В России отсутствует подобная взаимосвязь, и, согласно ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, раскаяние в совершенном деянии и возмещение причиненного ущерба или иным образом заглаживание вреда, причиненного в результате преступления, – это разные критерии условно-досрочного освобождения.

В отличие от нашей страны, где обязательства по возмещению причиненного ущерба или иным образом заглаживанию вреда, причиненного в результате преступления, как критерия, учитываемого при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении, в отношении каждого осужденного рассматриваются с точки зрения его индивидуальных действий. В Китае подобные выплаты могут осуществляться родственниками осужденного (что также воспринимается судом положительно. – примеч. авт.), а при наличии соответствующей солидарной ответственности нескольких осужденных за выплату компенсации в порядке гражданского судопроизводства данный вопрос рассматривается в контексте «общего» заглаживания вреда.

Интересен китайский подход, отсутствующий в России, о необходимости оценки способности осужденного в принципе исполнять решение суда относительно возмещения причиненного ущерба или иным образом заглаживания вреда, причиненного в результате преступления, и т. д.

Текст авторского перевода ст. 1–3 Положения ВНС КНР «О пересмотре исполнения решений по имущественным вопросам при смягчении наказания и условно-досрочном освобождении» (сделан с учетом российской терминологии и в дальнейшем может корректироваться):

«Статья 1. При рассмотрении дел о смягчении наказания или условно-досрочном освобождении народный суд обязан проверить выполнение осужденным имущественных решений, содержащихся во вступивших в законную силу первоначальных решениях по уголовным или гражданским делам, и использовать это как один из факторов для определения того, действительно ли осужденный раскаялся. Рассмотрение имущественных вопросов относится к решениям по действующим уголовным или связанным с ним гражданским делам, в которых определяется, что осужденный должен вернуть имущество, подвергшееся штрафу или конфискации, а также в соответствии с законом выполнить гражданские обязанности по выплате компенсации потерпевшему.

Статья 2. При проверке исполнения первоначального решения суда по вышеуказанным имущественным вопросам суд учитывает наличие уведомления о вступлении приговора в законную силу, квитанций о выплатах, обращениях о возмещении ущерба и т. д. Если народный суд постановит, что несколько осужденных несут солидарную ответственность за выплату компенсации в порядке гражданского судопроизводства, то при условии, что некоторые из них выполняют все свои обязательства по компенсации, можно считать, что решение о выплате компенсации в порядке гражданского судопроизводства исполнено. Если родственники осужденного исполняют имущественное решение суда за него, то считается, что сам осужденный его исполнил.

Статья 3. Если первоначальное решение суда по имущественному вопросу не было исполнено в полном объеме, народный суд должен уделить особое внимание проверке способности осужденного исполнить данное решение. Данную способность

следует оценивать на основании фактического исполнения первоначального решения суда, касающегося имущества, ввозимосвязи с декларацией осужденного о наличии у него имущества, фактическим владением им имуществом, его расходами в пенитенциарном учреждении или центре содержания под стражей, остатком на лицевом счете и т. д.».

Информация об авторе

А. Н. Мяханова – доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики.

Information about the author

A. N. Myakhanova – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminology.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензия

УДК 343.847(049.32)

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.649-652

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «ПРОБАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОБЛЕМЫ» (2025)

Андрей Петрович Скиба¹

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия, apskiba@mail.ru

Аннотация. В рецензии раскрывается ряд положительных теоретических, правовых, организационных и иных аспектов современного состояния и развития института пробации в Российской Федерации, изложенных в монографии Павла Владимировича Тепляшина. Акцентируется внимание на рассуждениях автора по поводу формирования и развития пробационного законодательства и пробационного права. Делается вывод о том, что рецензируемая рукопись монографии «Пробация: теоретико-правовые основы и научно-исследовательские проблемы» соответствует требованиям, предъявляемым к работам подобного рода, может быть издана и в дальнейшем использована в образовательном процессе и научной деятельности.

Ключевые слова: пробация, монография, рецензия, осужденные, принудительные работы, лишение свободы, пробационное законодательство, пробационное право, зарубежные модели пробации

Для цитирования

Скиба А. П. Рецензия на монографию «Пробация: теоретико-правовые основы и научно-исследовательские проблемы» (2025) // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 649–652. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.649-652.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LIFE

Original article

REVIEW OF THE MONOGRAPH "PROBATION: THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS AND RESEARCH PROBLEMS" (2025)

Andrey Petrovich Skiba¹

¹ St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, apskiba@mail.ru

Abstract. The review reveals a number of positive theoretical, legal, organizational and other aspects of the current state and development of the probation institute in the Russian Federation, described in the monograph by Pavel Vladimirovich Teplyashin. Attention is focused on the author's arguments about the formation and development of probation legislation and probation law. It is concluded that the reviewed manuscript of the monograph "Probation: theoretical and legal foundations and research problems" meets the requirements for such works, can be published and further used in the educational process and scientific activities.

Keywords: probation, monograph, review, convicts, forced labor, imprisonment, probation legislation, probation law, foreign probation models

For citation

Skiba, A. P. 2025, 'Review of the monograph "Probation: theoretical and legal foundations and research problems" (2025)', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 649–652, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.649-652.

Представленная на рецензирование рукопись монографии П. В. Тепляшина является актуальным исследованием научно-исследовательских аспектов становления, реализации и оптимизации субинститута probation. Так, принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» привело к констатации научной общественностью факта целесообразности правового регулирования сферы организации и функционирования probation в Российской Федерации, а также ознаменовало институционализацию комплекса мер, применяемых в отношении осужденных, которым назначены меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации и претерпевают индивидуальную нуждемость. Как справедливо отмечает автор монографии, чем раньше внимание ученых и общественности будет сосредоточено на понимании авангардных и прогрессивных векторов развития probation и корреспондирующих им вопросов, существующих в доктрине уголовно-исполнительного права, тем ближе перспектива качественного научного обеспечения соответствующих преобразований в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. В настоящее время существует значительный объем проблем, связанных как с нормативной регламентацией probationного законодатель-

ства, так и с его применением. В монографии информативно обозначены и раскрыты соответствующие проблемы.

Особенно актуальна тема исследования в неоднозначных условиях функционирования российской уголовно-исполнительной системы и наличия как научно-теоретических, так и конкретно-практических проблем правовой регламентации и общетеоретического понимания отечественной практики исполнения уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера. Более того, научно-теоретический анализ пробации является своевременным осмыслением промежуточных результатов действия Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Это обстоятельство также повышает научную и практическую значимость анализа заявленной темы монографического исследования. Таким образом, монографическое исследование теоретико-правовых основ и научно-исследовательских проблем пробации подготовлена по актуальной и практико-ориентированной теме, отражает своевременный анализ пробационного законодательства и соответствующих общественных отношений.

Рецензируемая рукопись отвечает требованиям новизны. Несмотря на то что отдельные вопросы реализации пробации исследовались рядом авторов, П. В. Тепляшин внес в разработку данной проблемы существенный вклад. На основе анализа оригинальных текстов, обширного научного, учебного и законодательного материала, иностранных научных источников автор осуществил исследование социально-правового феномена пробации. Кроме того, в монографии изложены перспективы институционализации досудебной пробации в Российской Федерации – вопроса, который еще только становится предметом активного научно-исследовательского обсуждения. Ряд вопросов, касающихся целей и содержания пробации, рассмотрен сквозь призму Типовых стратегий Организации Объединенных Наций по снижению рецидивизма (Киотских типовых стратегий) от 2025 г., что еще не становилось предметом надлежащего научного анализа.

Структура работы отвечает требованиям логики исследования, что позволило осуществить детальный анализ как теории, так и практики пробационных отношений, рассмотреть ранее неизвестные научно-правовые особенности и неоднозначно интерпретируемые явления, связанные с современным состоянием и дальнейшим развитием пробационных мер. Монография состоит из введения, пяти глав, объединяющих тринадцать параграфов, заключения, библиографического списка. Между главами и соответствующими параграфами обнаруживается прочная смысловая связь, обеспечивающая логику излагаемого материала и внутреннее единство всей работы. Содержание работы указывает на качественное и конструктивное использование методов научного поиска, свидетельствует о творческом подходе автора к разрабатываемой проблематике и личном вкладе П. В. Тепляшина в развитие отечественной уголовно-исполнительной науки.

Структура монографии позволила осветить широкий круг вопросов, включающих в себя теоретические и правовые основы пробации, международно-правовые основы и зарубежные модели пробации, содержание и научно-исследовательские проблемы принципов и целей пробации, отдельные вопросы категориального аппарата пробации, а также некоторые проблемы реализации пробационных мер (в частности, оказание осужденным, отбывающим принудительные работы или лишение свободы, психологической помощи, подготовка осужденных, проходящих пенитенциарную пробацию, к освобождению и оказание им содействия в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве).

Методы, которые используются в работе, позволили осветить широкий спектр проблемных вопросов и представить свое видение их разрешения. Например, стоит поддержать автора в том, что в п. 7 Правил организации деятельности центров пробации перечень документов, на основе которых осуществляется предоставление социальных услуг и (или) оказание помощи гражданам в центре пробации, видится чрезмерно большим, поэтому целесообразно указать в качестве альтернативы копии индивидуальной программы ее электронный вариант или подтверждающие сведения из единого реестра лиц, в отношении которых применяется пробация.

Интересными видятся рассуждения автора о перспективах формирования пробационного права как самостоятельной отечественной отрасли права. Ведь в условиях динамичного развития системы отечественного законодательства данный анализ способствует более глубокому пониманию сущностных потребностей пробации, показывает авангардные междисциплинарные возможности в юридической науке криминального цикла, что, безусловно, отражает закономерности развития современного правового механизма достижения целей наказания, обеспечения правопорядка и общественной безопасности. Возможно, монография только выиграла, если бы автор сформулировал конкретные предложения по совершенствованию уголовно-исполнительного и иного законодательства. Однако данное пожелание не умаляет значимость проведенного исследования.

Работа представляет значительный интерес для обучающихся, профессорско-преподавательского состава и научных работников образовательных организаций, а также для всех, кто интересуется вопросами функционирования и развития пробации. Следует заключить, что рукопись монографии П. В. Тепляшина «Пробация: теоретико-правовые основы и научно-исследовательские проблемы» соответствует требованиям, предъявляемым к работам подобного рода, и рекомендуется для ее издания и дальнейшего использования в образовательном процессе и научной деятельности.

Информация об авторе

А. П. Скиба – доктор юридических наук, профессор, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы.

Information about the author

A. P. Skiba – Sc.D (Law), Professor, dean of the faculty of scientific and pedagogical personnel training and organization of research work.

Примечание

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Краткое сообщение

УДК 378.6:343.8

doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.653-656

55 ЛЕТ НА СТРАЖЕ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Салих Хабибович Шамсунов^{1,2}, Сергей Александрович Корнеев^{1,3}

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

² samsunov46@mail.ru

³ kornei_lam@mail.ru

Аннотация. 29 мая 2025 года коллектив Академии ФСИН России отметил 55-летие со дня образования высшего учебного заведения. Статья посвящена описанию более чем полувековой истории научно-исследовательской деятельности высшего учебного заведения, лицам, стоявшим у истоков научной мысли, и их современным преемникам, деятельности различных научных формирований академии, в которых чтутся и продолжают научные традиции, сформированные с момента создания Рязанской высшей школы МВД СССР.

Ключевые слова: Академия ФСИН России, Рязанская высшая школа МВД СССР, научно-исследовательская деятельность, научные школы, научный потенциал, ведущие ученые

Для цитирования

Шамсунов С. Х., Корнеев С. А. 55 лет на страже российской науки // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20(1–4), № 4. С. 653–656. DOI: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4.653-656.

Short report

55 YEARS ON GUARD OF RUSSIAN SCIENCE

Salih Khabibovich Shamsunov^{1,2}, Sergey Aleksandrovich Korneev^{1,3}

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

² samsunov46@mail.ru

³ kornei_lam@mail.ru

Abstract. On May 29, 2025, the staff of the Academy of the FPS of Russia celebrated the 55th anniversary of the establishment of the higher educational institution. The article is devoted to the description of more than half a century of the history of scientific research activities of the higher educational institution, the persons who stood at the origins of scientific thought and their modern successors, the activities of various scientific formations of the Academy, which honor and continue the scientific traditions formed since the establishment of the Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR.

Keywords: Academy of the FPS of Russia, Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, research activities, scientific schools, scientific potential, leading scientists

For citation

Shamsunov, S. Kh. & Korneev, S. A. 2025, '55 years on guard of Russian science', *Penal law*, vol. 20(1–4), iss. 4, pp. 647–650, doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).4. 647-650.

В 2025 г. коллектив академии отмечает знаковую дату в истории становления высшего учебного заведения – 55 лет со дня образования Академии ФСИН России как высшего учебного заведения. 29 мая 1970 г. постановлением Правительства было принято решение о создании Рязанской высшей школы МВД СССР, которую возглавил кандидат юридических наук, доцент комиссар милиции 3-го ранга Николай Григорьевич Емелин. В этом же году на базе школы была образована лаборатория по исследованию проблем перевоспитания осужденных, основной целью функционирования которой стало совершенствование методов работы в исправительно-трудовых учреждениях, разработка рекомендаций для практических сотрудников. Именно деятельность лаборатории была положена в основу фундамента современных научных школ академии, которые являются показателем высокой репутации и статусности учебного заведения. Наряду с образовательным и воспитательным аспектами, научно-исследовательская работа всегда играла ключевую роль в учебном заведении. Она обеспечивает неразрывную взаимосвязь между научными изысканиями и их практическим применением.

С 1970 по 1986 год лабораторию возглавляли такие видные ученые, как заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор М. П. Мелентьев; доктор юридических наук, профессор В. А. Елеонский; доктор психологических наук, профессор В. Г. Деев. Именно в этот период из-под пера указанных ученых и их коллег выходят в свет научные и учебные труды, отражающие не только различные аспекты деятельности исправительных учреждений, но и фундаментальные исследо-

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

вания в области исправительно-трудового и уголовного права, прикладной психологии и педагогики.

Научная деятельность вуза строится на сохранении и развитии научных школ. На современном этапе в академии сформированы и успешно функционируют 8 научных школ: «Правовое регулирование исполнения и отбывания уголовных наказаний»; «Уголовно-правовые отношения и криминологические аспекты деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»; «Уголовно-процессуальные, криминалистические и оперативно-розыскные аспекты деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»; «Организация и административно-правовые основы государственного управления в уголовно-исполнительной системе»; «Обеспечение безопасности деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»; «Частноправовое обеспечение отношений в уголовно-исполнительной системе»; «Психолого-педагогическое сопровождение осужденных, отбывающих уголовные наказания»; «Психолого-педагогическое сопровождение сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы».

Академия является кузницей не только высокопрофессиональных сотрудников для уголовно-исполнительной системы, но и научно-педагогических кадров. Выпускники академии успешно защищают диссертационные исследования на соискание ученой степени доктора наук. Одним из первых таких выпускников был Николай Григорьевич Шурухнов, которому в 1992 г. была присвоена ученая степень доктора юридических наук. Юридический факультет внес весомый вклад в подготовку ученых-правоведов и по праву гордится достижениями В. Е. Южанина, А. Я. Гришко, А. С. Мордовца, А. А. Чистякова, Е. А. Антонян, С. В. Расторопова, А. П. Фильченко. Многие из них трудятся в стенах академии: Б. Б. Казак, К. А. Сыч, Н. И. Полищук, В. А. Поникаров, А. В. Сумачев, Ф. В. Грушин, О. Е. Блинков, Н. В. Южанин, С. М. Воробьев, А. В. Акчурин.

На факультете психологии и пробации традиции научной школы «Психолого-педагогическое сопровождение сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» продолжает выпускник академии доктор психологических наук С. В. Горностаев.

Основной задачей деятельности Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России является обеспечение органов государственной власти и местного самоуправления квалифицированными кадрами. Однако вовлеченность студентов в научную жизнь академии, их участие в научно-исследовательских лабораториях, экспериментальных площадках толкает обучающихся на тернистый путь науки. Такой непростой путь избрал для себя выпускник института И. А. Мурог, который в 2013 г. защитил диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора наук. В 2024 г. ученая степень доктора юридических наук была присвоена В. А. Илюхиной.

Научные традиции, которые были сформированы с момента создания РВШ МВД СССР, чтутся и продолжают в деятельности различных научных формирований академии, таких как кафедры, общественные научно-исследовательские лаборатории, диссертационные советы, экспериментальные площадки и совет молодых ученых.

Участие совета молодых ученых в поддержании и развитии устоявшихся научных направлений высшего учебного заведения является важным фактором преемственности знаний. Данный орган способствует трансляции накопленного опыта от старшего поколения исследователей к начинающим специалистам. Совет молодых ученых объединяет усилия и координирует взаимодействие молодых ученых при решении акту-

альных научных проблем и приоритетных задач, стоящих перед вузами ФСИН России, содействует профессиональному росту молодых ученых, активизирует научно-исследовательскую работу и совершенствует формы участия молодых ученых в междисциплинарных исследовательских проектах, научных грантах, молодежных научных школах, конкурсах и т. п. Члены совета проводят мероприятия по привлечению курсантов и студентов академии к научным исследованиям, а также способствуют популяризации ведомственной пенитенциарной науки. Совет молодых ученых, функционируя как платформа для обмена идеями и результатами исследований, обеспечивает сохранение и углубление фундаментальных научных традиций академии. Особое значение имеет совет в формировании у молодых ученых приверженности к академическим ценностям и этическим нормам, принятым в Академии ФСИН России.

Высока роль академии и в подготовке научных кадров для центрального аппарата ФСИН России и ее территориальных органов. Как известно, наука и практика неотделимы. За время существования академии как высшего учебного заведения свои научные труды в ее стенах подготовили либо защитили диссертации в советах академии представители из числа руководства ФСИН России (С. Х. Шамсунов, Н. В. Колесник), руководителей и представителей структурных подразделений ФСИН России (С. Р. Ширшов, Ю. Ю. Кузнецов, Н. В. Заводчиков, А. М. Брючко, А. Е. Косолапов, А. А. Корнилов, И. В. Михалева, А. М. Лафуткин), руководители территориальных органов ФСИН России исправительных учреждений (В. А. Суровцев, Ю. В. Щедрин, А. М. Савихин, В. М. Вовченко, Ф. Ф. Кренслер, М. В. Сысоев, В. В. Шалыгин), руководители научных и образовательных организаций ФСИН России (Д. А. Панарин, Г. В. Щербаков, В. С. Злобин). Перечислять выпускников академии можно бесконечно. В настоящее время в структурных подразделениях ФСИН России, территориальных органах ФСИН России проходят службу сотрудники, которые прошли научную школу Академии ФСИН России. Большинство из них на постоянной связи с академией, оказывая всестороннюю помощь в подготовке будущих научных кадров.

Академия ФСИН России по праву признана ведущим ведомственным вузом и гордится своим историческим прошлым, выпускниками, достижениями ученых и исследователей.

Информация об авторах

С. Х. Шамсунов – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра;

С. А. Корнеев – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета.

Information about the authors

S. H. Shamsunov – Sc.D (Law), Professor, leading researcher at the Scientific Research Department of the scientific center;

S. A. Korneev – PhD (Law), Senior lecturer at the Department of Criminal Law at the Faculty of Law.

Примечание

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

ISSN 2072-2427

25204

